

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 17.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Ученія объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ въ западной Европѣ. <i>П. Громова</i>	237—268
Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горскаго-Платонова</i>	269—282
О покоѣ Воскреснаго дня (продолженіе). Доцента Московской Духовной Академіи <i>А. Бгьяева</i>	283—308
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Накъ далеко можетъ и должно простираться вліяніе религіи? Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Липицкаго</i>	177—205
О благотѣніяхъ («De Beneficiis»). Л. Аннея Сенеки къ Збуцію Либералію (продолженіе). * *	206—224
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Списокъ лицамъ, коимъ пренодано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петропскій пер., д. № 16.
1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостиный дворъ.
№ 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Сентября 15 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

УЧЕНІЯ

О ВЪ ОТНОШЕНІЯХЪ

МЕЖДУ ЦЕРКОВІЮ И ГОСУДАРСТВОМЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

I.

Необходимость вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Положеніе христіанской церкви до XI вѣка. Сущность теоріи іероократіи.

Гдѣ существуетъ религія, имѣющая своихъ особыхъ служителей и гдѣ народъ образуетъ организованное общество или государство, тамъ представители той и другого при отправленіяхъ своей дѣятельности необходимо соприкасаются, а по временамъ приходятъ и въ столкновеніе между собою. Столкновенія эти возможны не только въ частныхъ случаяхъ—характера практическаго, но и въ вопросахъ общихъ—характера принципіальнаго. Въ Римской имперіи религія была «государственною» въ широкомъ значеніи этого слова; въ идеѣ она не имѣла никакихъ цѣлей въ самой себѣ, не преслѣдовала никакихъ интересовъ, не связанныхъ съ интересами государства. Однако и при такомъ положеніи дѣла, съ одной стороны императоры или представители народной государственной власти, и съ другой—жрецы или вообще служители боговъ нерѣдко предъявляли другъ другу разныя требованія: то власть гражданская заставляла служителей религіи совершать тѣ или другія религіозныя дѣйствія, то служители религіи заявляли о необходимости для гражданскихъ властей

произвести то, или иное въ области государственной, или частной жизни во имя боговъ, въ видахъ благосостоянія народа. Подобныя явленія были и въ еврейскомъ народѣ, не смотря на то, что онъ имѣлъ іерократическое государственное устройство, не смотря на то, что свѣтская государственная власть его имѣла не самостоятельное значеніе, а служебное только—для цѣлей религиозныхъ,—была необходима лишь для того, чтобы блюсти обособленность этого народа среди другихъ для сохраненія въ немъ вѣры въ истиннаго Бога и въ общаннаго Искупителя. Тамъ же, гдѣ религія и государство преслѣдуютъ самостоятельныя цѣли, разграниченіе круга дѣятельности и опредѣленіе размѣровъ власти представителей религіи и государства для блага той и другого становятся положительно необходимыми.

Въ мірѣ христіанскомъ, когда задачи церкви и государства оказались не тождественными, когда нужно было «воздавать Кесарево Кесарю, а Божіе Богу» (Лк. 20, 25; Мр. 12, 17), вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и церковью выступилъ съ особенною силою. Старѣйшины и книжники іудейскіе спрашивали Іисуса Христа, нужно ли давать дань Кесарю или нѣтъ, и Онъ не уклонился отъ прямого отвѣта на такой вопросъ ¹⁾. Впрочемъ, Іисусъ Христосъ въ продолженіе своей земной жизни рѣшалъ этотъ вопросъ, хотя косвеннымъ образомъ, не одинъ разъ. Неоднократно Онъ свидѣтельствовалъ, что цѣль Его пришествія въ міръ заключается въ устроеніи не мірскаго царства, не политическаго могущества Его послѣдователей, какъ думали евреи и даже нѣкоторые изъ Его собственныхъ учениковъ, а царства духовнаго,—въ дарованіи вѣрующимъ въ Него духовныхъ силъ для борьбы съ грѣхомъ и его виновникомъ и для достиженія нравственнаго совершенства ²⁾.

Когда была основана христіанская церковь, правители Греко-римской имперіи на первыхъ порахъ не отличали христіанской религіи отъ другихъ религиозныхъ сектъ и потому

¹⁾ Марк. 20, 20—25; Лк. 12, 14—17.

²⁾ См. напр. Мѡ. 16, 15 и сл.; 24, 25; Мр. 8, 31—33; 15, 23; Лк. 12, 24 и сл.; Ів. 6, 15; 12; 13; 18, 33—37.

не становились ни въ какія «особенныя» отношенія къ христіанамъ, такъ сказать, не замѣчали ихъ. Но число послѣдователей І. Христа, увеличиваясь съ удивительной быстротой, скоро достигло значительныхъ размѣровъ. Когда христіане образовали уже довольно большую общину, въ извѣстномъ отношеніи независимую, съ правильно установившейся организаціей, тогда государственная власть должна была обратиться на нихъ особенное вниманіе, понять отлічіе ихъ вѣроисповѣданія отъ прочихъ религій и поставить себя въ опредѣленныя къ нимъ отношенія. Такимъ образомъ, вопросъ объ отношеніи государства къ христіанской церкви долженъ былъ съ этого времени подойти къ своему рѣшенію, — сначала по крайней мѣрѣ на практикѣ. Времена гоненій на христіанъ въ первые три вѣка служатъ яснымъ доказательствомъ этого. Государственное правительство преслѣдовало христіанъ не потому только, что они не хотѣли признавать языческой государственной религіи, но и потому, что они казались опасными для мірскаго могущества императоровъ, могли, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ (Домиціана І в., Марка Аврелія, Септимія Севера, Каракаллы, Декія Траяна и др.), подорвать прочность ихъ государственной власти, оказать разрушительное вліяніе на основы политической жизни языческаго государства.

Съ IV вѣка, когда при Константинѣ Великомъ христіанство было признано господствующей религіей въ Греко-римской имперіи и государство вступило въ союзъ съ христіанской церковью, хотя отношенія между ними и измѣнились существенно, однако необходимость опредѣленности ихъ не потеряла своей силы. Константинъ Великій поставилъ христіанскую церковь въ такое положеніе въ имперіи, что дѣла ея, какъ общества, тѣсно связаннаго съ жизнію государства, признавались дѣлами государственной важности. Это положеніе церкви, съ одной стороны, какъ увидимъ, благотѣльное и для самой церкви и для государства, имѣло и худыя послѣдствія: при неразграниченности круга дѣятельности, объема и значенія духовной и свѣтской власти, оно сначала поставило государство и церковь во взаимную зависимость, сдѣлалось источникомъ и основаніемъ частыхъ, стѣснитель-

ныхъ для обоихъ столкновений, и задерживало свободное развитие ихъ внутренней жизни, а потомъ повело — на западѣ — къ стремленію уничтожить самостоятельность одного изъ этихъ учреждений, къ полному сліянію ихъ, — къ такому сліянію, которое не согласовалось ни съ духомъ ученія І. Христа, ни съ интересами государства.

Языческіе императоры, будучи въ государствѣ вмѣстѣ и верховными жрецами, не могли вдругъ отказаться отъ подобной роли, сдѣлавшись христіанами. На первыхъ порахъ они принимали такое участіе въ рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, какъ будто были епископами, занимались дѣлами церкви болѣе, чѣмъ дѣлами государственными, и на эти послѣднія смотрѣли съ точки зрѣнія религіи. Церковь съ своей стороны должна была подчиняться матеріальной силѣ государства, стать въ зависимость отъ него.

Хотя Константинъ Великій и назвалъ себя епископомъ только внѣшней стороны церкви, предоставивъ ей, такимъ образомъ, свободу внутренняго управленія, однако это положеніе его не было возведено въ принципъ дѣятельности свѣтской власти и отношеній ея къ церкви. Даже самъ Константинъ не всегда поступалъ согласно съ этимъ высказаннымъ имъ взглядомъ, а послѣдующіе императоры и вовсе не руководились имъ и простирали свою власть и на внутреннюю жизнь церкви. Времена вселенскихъ соборовъ представляютъ не мало примѣровъ такихъ отношеній. Представители государственной власти свое участіе въ церковныхъ дѣлахъ нерѣдко доводили до того, что начинали повелѣвать церковію. Императоры, присутствуя на соборахъ, часто руководили ими и силою иногда принуждали постановлять и принимать такое, или иное рѣшеніе разсматриваемаго вопроса, — догматическаго или общежительнаго, — слѣдуя не голосу церкви, а своимъ личнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Какъ въ періодъ вселенскихъ соборовъ, такъ и послѣ нихъ, по крайней мѣрѣ до раздѣленія церквей, нѣкоторые изъ западныхъ, и особенно восточныхъ императоровъ смотрѣли на церковь, какъ на подчиненное себѣ учрежденіе, а на представителей церкви, какъ на высшихъ своихъ духовныхъ чиновниковъ, по своему про-

изволу и по своимъ видамъ возводя и смѣняя епископовъ, патріарховъ и папъ. Такъ, на примѣръ, императоръ Констанцій силою возводитъ два раза на епископскія кафедры аріанъ — Григорія (каппадокіянина) въ Александріи и Македонія въ Константинополѣ, требуетъ (на соборахъ—въ Арелатѣ 353 г. и Медиоланѣ 355 г.) осужденія православнаго епископа Александріи Аѳанасія. Императоръ Юстиніанъ самъ издаетъ эдиктъ «о трехъ главахъ» и, какъ бы представитель церкви, доказываетъ согласіе съ Халкидонскимъ соборомъ осужденія Θεодора Мопсуетскаго, бл. Θεодорита и Ивы Эдесскаго. Левъ Армянинъ указомъ запрещаетъ монахамъ проповѣдывать объ иконопочитаніи и своимъ вліяніемъ устраиваетъ такъ, что седьмой вселенскій соборъ признается незаконнымъ. Въ IX вѣкѣ во время иконоборческихъ ересей и споровъ между западною и восточною церковью такія дѣйствія свѣтской власти были особенно часты и чувствительны для церкви. На западѣ какъ въ Римской имперіи, такъ и въ новооснованныхъ государствахъ, самоуправство, насиліе императоровъ и королей въ отношеніи къ епископамъ и папамъ продолжалось до второй половины XI вѣка. Но справедливость требуетъ замѣтить, что подобныя отношенія государства къ церкви считались ненормальными, имѣли видъ злоупотребленій внѣшнею, матеріальною силою не только въ глазахъ церкви, но и въ глазахъ иногда самой свѣтской власти.

Церковь всегда стремилась выйти изъ подъ незаконной власти надъ ней государства и требовала отъ него себѣ свободы въ своей внутренней жизни. Уже апологеты первыхъ трехъ вѣковъ, обращаясь къ своимъ гонителямъ и указывая имъ на свою точность въ исполненіи всѣхъ гражданскихъ обязанностей, на свои молитвы за императоровъ, на повиновеніе имъ, на свою заботливую любовь даже къ язычникамъ, предъявляли права на свободу въ религіозныхъ вѣрованіяхъ во имя здраваго разума и справедливости; а Тертуліанъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ защитниковъ христіанства въ первые вѣка, доказывалъ не только религіозныя, но и политическія права христіанъ ¹⁾. И въ слѣдующіе вѣка, когда

1) Въ двухъ книгахъ къ народамъ: *Libri II ad nationes*.

было можно, представители церкви и словомъ и дѣломъ протестовали противъ вмѣшательства императоровъ во внутреннїя дѣла ея. Такъ, Осїа писалъ императору Констанцію: «Не мѣшайся въ дѣла церковныя, не давай намъ приказаній о нихъ, но учишь имъ отъ насъ. Богъ предалъ въ руки твои царство; намъ ввѣрилъ Онъ дѣла своей церкви. Тѣ, которые бы захотѣли захватить у тебя царство, будутъ сопротивляться повелѣнію Божію; точно также страшись и ты съ своей стороны, взявъ верхъ въ церковномъ управленіи, стать виновникомъ въ великомъ прегрѣшеніи. Написано: воздадите Кесарево Кесарю, а Божіе Богу; поэтому, ни намъ не дозволено заниматься дѣлами земной власти, ни у тебя нѣтъ власти возжигать ладонь» ¹⁾. Тому же императору Елевзій Кизическій и Сильванъ Тарскій говорили, что его дѣло опредѣлять наказанія, а судить, что благочестиво и что неблагочестиво, предоставлено имъ, какъ епископамъ ²⁾. Подобное заявилъ и Амвросій, когда потребовали, чтобы онъ отдалъ базилику аріанамъ ³⁾. Усерднымъ защитникомъ свободы и самостоятельности церкви на востокѣ былъ извѣстный Феодоръ Студитъ. И церковь, находя поддержку своимъ стремленіямъ въ монашествѣ, а черезъ него и въ народѣ, всегда, хотя иногда и спустя долгое время, успѣвала уничтожить все, незаконно установленное въ ней гражданской властью.

Таково было положеніе церкви въ государствѣ до половины XI вѣка. Но испытывая на себѣ давленіе свѣтской власти, церковь съ своей стороны оказывала сильное вліяніе и на государство. Во-первыхъ, дисциплина ея простиралась и на частную и на общественную жизнь и овладѣвала ею; во-вторыхъ, ея нравственное ученіе дѣлалось народною и государственною моралью. Вліяніе церковной дисциплины главнымъ образомъ обнаруживалось въ государственномъ управленіи, а нравственное вліяніе въ государственномъ законодательствѣ. Наблюденіе за областными правителями государства въ ис-

¹⁾ Аоан., Истор. аріан. 44.

²⁾ Феодор., II, 27.

³⁾ Писъм. XX, 29.

полненіи ими христіанскихъ обязанностей. содѣйствіе при исполненіи полицейскихъ распоряженій, касающихся общественной нравственности (въ дѣлахъ о бракахъ, волшебствѣ, клятвопреступленіи и т. п.), надзоръ за справедливостію въ судахъ, смягченіе жестокости и грубости въ законахъ (особ. о бракѣ)—все это лежало на епископахъ какъ ихъ христіанскій и государственный долгъ. Мало того, епископы принимали значительное участіе и въ управленіи государствомъ и имѣли большое вліяніе на самую власть императоровъ и королей, особенно на западѣ въ новооснованныхъ государствахъ. По положенію епископовъ въ этихъ государствахъ (разумѣемъ землевладѣніе), по ихъ духовному сану и образованію, ихъ рано стали здѣсь приглашать въ собранія вельможъ и въ совѣтъ короля для обсужденія разныхъ свѣтскихъ дѣлъ, и они скоро составили первое сословіе въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ. Въ Испанско-готтскомъ избирательномъ королевствѣ со времени Толедскаго собора 633 г. епископы не только получили право избирать короля вмѣстѣ съ другими вельможами королевства, но и могли предписывать королю, при его избраніи, его обязанности, а потомъ сдѣлались единственною опорой колеблющагося престола. Подобными же правами въ государствахъ пользовались германскіе и англійскіе епископы (съ 787 г.). Наконецъ, во всѣхъ государствахъ запада епископы давали королю освященіе коронаваніемъ и помазаніемъ, такъ что царское величіе сопровождалось изліяніемъ божественной благодати, считалось зависимымъ отъ церковной санкціи. Въ силу такихъ взглядовъ, перешедшихъ въ послѣдствіи и на востокъ, короли и императоры въ борьбѣ съ церковью послѣ вселенскихъ соборовъ нерѣдко должны были уступать ей, уважать и исполнять ея требованія, а иногда (на западѣ) и положительно преклоняться предъ властію епископовъ и папъ.

Вообще, въ періодъ времени отъ IV вѣка до половины XI и государство и церковь въ большинствѣ случаевъ признавали другъ за другомъ самостоятельность бытія и внутренняго управленія, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ. Вліяніе государства на церковь и наоборотъ въ это время въ общемъ

сводилось къ тому, что церковь, благословляя и освящая начинапія свѣтской власти, своимъ религіозно-нравственнымъ авторитетомъ придавала имъ болѣе значенія и силы въ глазахъ христіанъ; а государство, возводя церковныя постановленія въ силу собственнаго государственнаго закона, дѣлало ихъ болѣе обязательными для своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, сущность взаимодѣйствія этихъ учрежденій въ разсматриваемый періодъ можно выразить такъ: церковь своими нравственными, духовными средствами помогала государству (иногда и принуждала его) устроить его жизнь и дѣятельность на новыхъ, христіанскихъ началахъ и упрочить ими его существованіе; государство давало церкви возможность (иногда невольно вынуждало ее) наиболѣе полно и всесторонне раскрыть свое вѣро- и нраво-ученіе, опредѣленно и прочно установить его и скорѣе и крѣпче привить къ жизни ея принципы и постановленія.

Такое отношеніе между государствомъ и церковью осталось на востокѣ и до сихъ поръ существуетъ приблизительно ¹⁾ въ такомъ видѣ въ православномъ мірѣ; на западѣ же оно подверглось существенному измѣненію. Это измѣненіе свачала состояло въ стремленіи западной церкви къ полному господству надъ государствомъ, а потомъ, при раздѣленіи ея въ XVI вѣкѣ на два противоположные лагеря, въ одномъ изъ нихъ выразилось въ полномъ господствѣ государства надъ церковью.

Притязанія на главенство въ церкви и борьба ихъ за полную свободу и независимость отъ государственной власти послѣднею цѣлію имѣли то, чтобы государство не только не ограничивало церкви, но и служило ей извѣстнымъ образомъ. Теорія о равномъ распредѣленіи между государствомъ и церковью двухъ мечей—духовнаго и свѣтскаго—на западѣ съ теченіемъ времени была измѣнена такъ, что свѣтская власть оказалась получающею свой мечъ отъ духовной; государство

¹⁾ Говоримъ «приблизительно» потому, что и въ православномъ мірѣ въ отношеніяхъ государства къ церкви произошли нѣкоторыя перемены, вызванныя новыми условіями и потребностями жизни, какъ увидимъ это ниже.

стало разсматриваться какъ свѣтская рука самой церкви; а церковь явилась представительницею на землѣ не только первосвященническаго служенія І. Христа, но и царскаго, которое равно касается какъ небесныхъ дѣлъ, такъ и земныхъ. Сначала впрочемъ церковь еще признавала при этомъ, что область государственной свѣтской жизни подлежитъ управленію государя, подъ тѣмъ только ограниченіемъ, что само это управленіе должно находиться подъ надзоромъ и руководствомъ духовнаго, что церковь и въ государственныхъ дѣлахъ должна быть верховнымъ судіею. Уже папа Григорій VII высказывалъ такіе взгляды. Значительно возвысилъ и расширилъ власть папъ въ ущербъ государственной папа Иннокентій III; наконецъ, Бонифацій VIII утвердилъ, какъ необходимый для спасенія догматъ, то положеніе, что и свѣтская и духовная власть безраздѣльно находятся въ рукахъ папы, которому онѣ, какъ намѣстнику І. Христа на землѣ, вручены Богомъ, что признаніе раздѣленія ихъ — ересь, такъ какъ вся человѣческая тварь во всемъ подчинена римскому епископу ¹⁾.

Ученіе о господствѣ церкви надъ государствомъ извѣстно подъ именемъ теорія папо-цезаризма или іерократіи. Теорія эта, какъ система, была выработана прежде всѣхъ другихъ; начало ея, какъ видимъ, относится къ среднимъ вѣкамъ; но окончательно она была развита Ляйнецомъ, Беллярминомъ, Суарецомъ и до сихъ поръ поддерживается итальянскими іезуитами, на примѣръ, Либераторомъ ²⁾. Теорія іерократіи во всѣхъ своихъ фазисахъ, которые она принимала въ разные времена, неизмѣнно содержала одну идею, такъ называемаго церковнаго государства, т. е. мысль о томъ, что государство, находясь въ тѣсной религіозной связи съ церковью, подчиняется ей, какъ учрежденію, имѣющему права «величія или верховенства».

Мы не будемъ здѣсь подробно излагать эту теорію, не бу-

¹⁾ См. извѣстную буллу Бонифація VIII «Unam Sanctam»: Martens W., Die Beziehungen d. Ueberordnung, Nebenordnung und Unterordnung zw. Kirche und. Staat. 1877. Abschn. I, s. 30 u. ff.

²⁾ См. Th. Weber, Staat und Kirche nach. d. Zeihung u. Absicht d. Ultramontanismus. 1875. Zw. Aufl. §§ 2, 3, 4, 5.

демъ приводить и тѣхъ основаній, которыми защитники ея хотять оправдать свой взглядъ на власть церкви ¹⁾; мы укажемъ здѣсь только тѣ главныя положенія, которыя вытекають изъ основной идеи ея о верховенствѣ церкви надъ государствомъ. Вотъ они: 1) Папа можетъ низлагать князей и разрѣшать подданныхъ ихъ отъ присяги въ вѣрности ²⁾. 2) Папѣ принадлежитъ право отмѣнять свѣтскіе законы, противорѣчащіе, по его мнѣнію, интересамъ церкви ³⁾. 3) Въ силу «величія и свободы церкви» (*majoritas et libertas ecclesia*) папа назначаетъ границы между церковною и государственною областью и опредѣляетъ, какія дѣла принадлежатъ вѣдѣнію собственно церкви (*resspirituales*) и какія государства (*res saeculares*) ⁴⁾. Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что 4) Взаимное соединеніе государства и церкви въ правахъ относительно дѣлъ послѣдней есть нѣчто невозможное и во всякомъ случаѣ совершенно ненормальное ⁵⁾. 5) Такъ какъ клирики суть лица церковныя, по каноническому праву (*res ecclesiastica*), то они должны подлежать исключительно церковной юрисдикціи; поэтому, духовенство, какъ таковое, со всѣми правами его *ipso facto* освобождается отъ подчиненія правамъ и правиламъ государства ⁶⁾. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ отношеніи возвышенія власти папы теорія іерократіи сводится къ слѣдующему. Церковь управляетъ и религіозною и гражданскою жизнью народовъ, свѣтское же правительство есть только органъ ея ⁷⁾; папа, какъ представитель церкви, поставленъ Богомъ абсолютно во главѣ всякой власти, «ибо вѣрующій вступаетъ въ церковь

¹⁾ Нѣкоторыя частности этой теоріи и основанія ея см. въ нашей статьѣ: «Къ вопросу объ отношеніи между церковью и государствомъ»: книга 6-я этого журнала за 1889 г. См. также у Чичерина: *Исторія политическихъ ученій*, т. I, Средніе вѣка, періодъ 1-й и 2-й. Martens, cit., Abschu. I: *Die hierocratiche Theorie.* — Richer: *Lehrbuch d. katholischen und evangelischen Kirchenrechts.* 1858. s.s. 25, 31, 33, 45, 93, 100—105, 181 245 u. andr.

²⁾ W. Martens, cit., s. 9 u. ff.

³⁾ Ibid. s. 13 u. ff.

⁴⁾ Ibid. s. 15—16.

⁵⁾ Ibid. s. 16—17.

⁶⁾ Ibid. s. 17—18.

⁷⁾ Самаринъ, Стефанъ Яворскій и Теофанъ Прокоповичъ, II, 165 и сл.

со всѣмъ своимъ наличнымъ бытіемъ—солдаты со своимъ оружіемъ, правитель со своимъ кодексомъ права, король со своею короною, писатель со своимъ перомъ¹⁾; отношеніе каждаго христіанина къ папѣ ничѣмъ не отличается отъ того, въ какомъ онъ находится къ Богу²⁾. Съ особенною настойчивостію эти мысли поддерживались и доказывались предъ самымъ концомъ церковнаго единства на западѣ, въ XIV вѣкѣ. Рядъ трактатовъ объ абсолютной власти папѣ явился въ этомъ столѣтіи въ западной Европѣ, какъ свидѣтельство того, до чего можетъ дойти умъ человѣческій подъ давленіемъ властолюбія. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ Августинскій монахъ Августинъ Триумфъ въ своемъ сочиненіи: «Сумма о церковной власти». Весь міръ составляетъ одно княжество, правитель котораго Христосъ; намѣстникъ Спасителя на землѣ—папа; поэтому приговоръ Бога и приговоръ папы одно и то же. Такъ какъ Богъ есть создатель и правитель всѣхъ существъ, то папа, заступая мѣсто Бога, становится правителемъ всѣхъ царствъ: императоръ — служитель папы. Такъ какъ главный дѣятель самъ можетъ избирать служителей и орудія для своей цѣли, то и папа, который въ земной церкви долженъ устроить всѣхъ вѣрующихъ, можетъ самъ избирать императора: онъ можетъ дать эту власть избирателямъ, но всегда имѣетъ право и отнять ее у послѣднихъ. Обязанности императора въ отношеніи къ папѣ опредѣляются его служебнымъ положеніемъ: онъ приноситъ папѣ присягу вѣрности. Безъ папы императоръ не можетъ издать никакого закона, ибо всякій справедливый законъ истекаетъ изъ закона Божія, а папа—намѣстникъ Бога. Мало того: въ силу дара Константина Великаго не только высшая власть, но и непосредственное управленіе всей имперіей принадлежитъ папѣ; такъ что отъ него зависитъ и вся императорская юрисдикція. И этотъ даръ Константина не есть дѣло случая или произвола; напротивъ, это не что иное, какъ возстановленіе нарушеннаго права, несправедливо отнятаго у церкви: противъ церкви нѣтъ давности³⁾. Еще

1) Th. Weber, Staat und Kirche... Ss. 59. 34.

2) Ibid. 79.

3) Чичеринъ, Исторія политическихъ ученій, т. I, стр. 205 и сл.

характернѣе трактатъ францисканца Альвара Пелагiя «О плачѣ церкви», въ которомъ авторъ съ рѣшительностію проводитъ мысль о томъ, что папѣ слѣдуетъ воздавать такую же честь и такое поклоненіе, какъ самому Богу ¹⁾. Папа, говоритъ онъ, намѣстникъ Христа; онъ имѣетъ власть Его и какъ человѣка и какъ Бога. Папа есть не просто человѣкъ, а Богъ (*papa est non homo simpliciter, sed Deus*); онъ есть Богъ императора (*papa est Deus imperatoris*). Всякая власть отъ него исходитъ: онъ начало и конецъ всякой власти. Онъ не связывается никакими законами, даже законами, имъ самимъ изданными.

Эти крайности теорiи іерократiи, стѣснявшiя всякую личную, христіанскую свободу человѣка и уничтожавшія не только самостоятельное, свободное развитіе государственной жизни, но и самое существованіе государства, какъ такового, вмѣстѣ съ тѣми злоупотребленіями, которыя допускали папы въ области религіи, церкви и государства, вызвали оппозицію со стороны послѣднихъ, породили протестантство.

II.

Ученіе первыхъ протестантовъ - реформаторовъ о взаимныхъ отношеніяхъ между церковью и государствомъ, какъ основаніе для послѣдующихъ теорiй въ области церковно-государственнаго права.

XVI-й вѣкъ завершаетъ собою тотъ періодъ исторiи, который начинается съ утвержденія христіанской церкви въ Римской имперiи. Развитіе католицизма, какъ господствующаго элемента въ жизни западно-европейскихъ народовъ, кончается уже XV столѣтіемъ, и XVI-е составляетъ переходъ отъ средневѣковаго порядка къ новому, отъ общественнаго раздвоенія къ государственному единству, отъ владычества религіи и церкви къ чисто свѣтскому развитію мысли и учреждений. Государственное начало торжествуетъ надъ средневѣковой

¹⁾ Тамъ же.

анархіей и становится центромъ всей новой исторіи. Хотя средневѣковая жизнь не прошла даромъ,—христіанство, положившее неизгладимую печать на все развитіе человѣчества, осталось существеннымъ элементомъ и новаго времени,—однако теперь уже средневѣковыя формы его не могли удовлетворить новымъ потребностямъ. И мысль и общественная жизнь освободились изъ подъ опеки, подъ которой находились въ продолженіи многихъ вѣковъ. Сознавъ свою самостоятельность, онѣ стремились утвердиться на основаніи собственныхъ свѣтскихъ началъ. Естественно долженъ былъ возникнуть и возникъ вопросъ о преобразованіи церковнаго устройства, примѣнительно къ новымъ порядкамъ жизни; явилась новая форма христіанства—протестантизмъ. Реформація и своимъ ученіемъ и вызванною ей борьбою содѣйствовала развитію началъ права и политики, и XVI вѣкъ образовалъ цѣлый отдѣльный циклъ политическихъ и политико-церковныхъ ученій. Новыя юридическія и политическія теоріи исходною точкою своею имѣли начало нравственнаго закона, которое выдвинулъ на первый планъ вмѣстѣ съ религіознымъ элементомъ протестантизмъ. Изъ догматическаго ученія протестантизма непосредственно вытекали и его нравственно-практическіе принципы, а изъ того и другихъ послѣдовательно развиты были и принципы политическіе. Такимъ образомъ, начала, провозглашенныя церковной реформаціей, ея первыми двигателями, были источникомъ и основаніемъ новыхъ формъ жизни и права въ области государственной и церковной, и взаимныхъ отношеній между той и другой. Уже въ первыхъ протестантскихъ государствахъ таилось зерно того новаго государства, которое заключаетъ въ самомъ себѣ и подчиняетъ себѣ церковь ¹⁾.

Исходя изъ отрицанія утвердившагося вѣками порядка, установленныхъ законовъ, существующихъ властей и преемственнаго преданія церкви, протестантизмъ въ самыхъ основахъ своихъ носилъ начало свободы, которой недоставало че-

¹⁾ Gesammelte Studien und Aufsätze gem. Inh., Ed. v. Hartmann. Lief. 1876. S. 90. Чичеринъ, Истор. политич. ученій, т. I, стр. 315, 316.

ловѣчеству въ виду крайнихъ притязаній средневѣковой католической церкви. «По какому праву, писалъ Лютеръ, папа предписываетъ намъ законы? Кто далъ ему власть поработать свободу, сообщенную намъ чрезъ крещеніе? Я говорю: ни папа, ни епископъ, ни какой человѣкъ не имѣетъ права устанавливать ни одной буквы, обязательной для христіанина, если на то не будетъ его собственнаго согласія» ¹⁾. Въ отвѣтъ Генриху VIII онъ восклицаетъ: «свободны, свободны мы хотимъ и должны быть во всемъ, что внѣ Писанія» ²⁾. Такъ Лютеръ выступилъ противъ католицизма съ проповѣдью о христіанской свободѣ, которая, по его ученію, состоитъ въ томъ, что вѣрующій не долженъ быть подчиненъ никакому закону, никакимъ обрядамъ, долженъ быть избавленъ отъ всякой необходимости какихъ-либо дѣлъ, — что христіанинъ спасается единственно вѣрою во Христа. Это краеугольный камень протестантизма. Законы, предписанія и преданія церкви, все это изобрѣтено духовенствомъ, чтобы подчинить человѣка вѣшной дисциплинѣ и держать его подъ своею властію. Такъ, въ протестантизмѣ «владычество догмата ограничилось одною высшею религіозною сферою; все остальное предоставлялось свободѣ человѣка. Отъ человѣка требовалось только личное чувство,—вѣра въ Спасителя; въ дѣятельности же своей онъ оставался вполне самостоятельнымъ. Соглашеніе двухъ началъ, свѣтскаго и духовнаго, представлялось его совѣсти. Этимъ область религіи несомнѣнно суживалась. Религія перестала быть общимъ, владычествующимъ надъ всею жизнію элементомъ; она превращалась въ кругъ личныхъ воззрѣній cadaго» ³⁾, и исполненіе всѣхъ установленій церкви замѣнялось личнымъ отношеніемъ человѣка къ Богу. Меланхтонъ, раздѣляя законъ на Божественный, естественный и человѣческій и относя къ первому Откровеніе, ко второму прирожденныя нравственныя понятія, къ третьему, какъ воспол-

¹⁾ De Babylonica captivitate ecclesiae: Чичеринъ, Истор. попят. уч I, стр. 316. Bluntschli, Allgemeines Staatsrecht. B. II, 9, кап. I, S. 259.

²⁾ Чичеринъ, тамъ же, стр. 333. Ср. Thiersch: Ueber den christlichen Staat, s. 57,—у Martens'a въ указ. выше сочин., стр. 400.

³⁾ Чичеринъ, тамъ же, стр. 333.

венію и опредѣленію естественнаго (*determinatio juris naturalis*), законы, издаваемые правительствомъ (человѣческой властью) вообще, не признаетъ за послѣднимъ неприкосновеннаго достоинства: въ немъ, по ученію Меланхтона, нѣтъ внутренней необходимости; онъ примѣняется къ условіямъ жизни и имѣетъ значеніе, только смотря по человѣческимъ потребностямъ ¹⁾. Цвингли, этотъ гуманистъ между реформаторами, выходя изъ признанія даннаго и язычникамъ естественнаго познанія Бога, утверждалъ, что Божественный Логосъ дѣйствуетъ повсюду и во всѣхъ, а не только въ отдѣльной исторической личности Христа или въ церкви, передающей происшедшее въ Немъ (Христѣ) обнаруженіе его ²⁾. Кальвинъ, говоря о естественномъ расположеніи къ религіи (*naturalis propensio ad religionem*), также указываетъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть извѣстное знаніе Бога (*notio Dei*), нѣкоторое чувство божественности (*sensus divinitatis*) и доказываетъ, что, поэтому, естественная религія (*religio naturalis*), имѣетъ свои неприкосновенныя права и не должна встрѣчать препятствій въ видѣ принужденій ³⁾.

Начала, провозглашенныя реформаціей, не могли не отразиться на отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Существенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ основной пунктъ протестантскаго ученія о свободѣ человѣка въ дѣлѣ вѣры и религіи. Если религія вмѣщалась въ кругъ личныхъ воззрѣній и существо ея полагалось въ личномъ отношеніи

1) Члечеринъ, тамъ же, стр. 331—334. Ср. Schenkel: Ueber das ursprungliche Verhältniss d. Kirche zum Staat auf d. Gebiete d. Protestant. (Studien und Kritiken, 1850. III 246). Правда, Меланхтонъ признавалъ, что правитель государства есть охранитель «обѣихъ скрижалей закона» (Schenkel, *ibid.*; Martens, *cit.* s. 234; правда, что онъ, признавъ свѣтскую власть къ управленію церковью, тѣмъ самымъ стѣснилъ христіанскую свободу человѣка (Schenkel, s. 480; Stahl: Die kirchenferfassung nach Lehre und Recht d. Protestanten, 1862, s. 192), но это было въ послѣдующіе годы его жизни и можетъ быть объяснено именно указаннымъ нами мнѣніемъ его о значеніи правительства вообще.

2) Jahrbücher für protestant. Theologie. 1882. Leipzig. 1 Heft (R. Rüttschi), s. 20.

3) Члечеринъ, тамъ же. Geffcken: Staat und Kirche. 1875. 12. Entwicklung d. Reformation. s. 237. Слѣдуетъ замѣтить, что самъ Кальвинъ, вопреки своему начальному принципу, скоро забылъ о свободѣ совѣсти и одобрялъ казни еретиковъ, какъ и самъ допустилъ таковую. См. Geffcken, *cit.*, s. 239; Martens, *cit.*, s. 371.

человѣка къ Богу и если, отсюда, устранялась потребность церковныхъ предписаній и установленій, то этимъ самымъ вся задача церкви необходимо ограничивалась только поученіемъ, нравственною дисциплиною и отправленіемъ таинствъ. И Лютеръ въ организаціи церковнаго общества необходимою считалъ только одну спеціально-церковную должность, должность учительства и священнодѣйствія (*ministerium docendi Evangelii et porrigendi sacramenta*), въ противоположность католическому пастырско-правительственному понятію клира ¹⁾. Ограничивши такимъ образомъ вѣдомство церкви, протестантизмъ призналъ, отсюда, незаконнымъ всякое вмѣшательство ея въ свѣтскія дѣла. Эта власть дѣйствуетъ словомъ; она относится къ вѣчнымъ благамъ и, потому, не должна вмѣшиваться въ дѣла политическія; епископы, какъ таковые, не имѣютъ никакого суда и никакой власти, кромѣ власти отпущенія грѣховъ ²⁾. Другое важное значеніе для опредѣленія отношеній между государствомъ и церковью въ протестантскомъ мірѣ имѣло то коренное преобразование, которое произведено было тамъ въ церковномъ устройствѣ. Протестантизмъ уничтожилъ іерархію и «духовенство» и призвалъ всѣхъ безъ различія къ церковному управленію. Въ своемъ посланіи къ нѣмецкому рыцарству Лютеръ писалъ: «различіе между духовнымъ и свѣтскимъ чиномъ не существуетъ, ибо всѣ христіане по истинѣ духовнаго чина, и между ними нѣтъ никакой другой разницы, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ исправленія извѣстной должности. Мы всѣ чрезъ крещеніе посвящаемся въ іереи, какъ говоритъ Петръ. Поэтому, посвященіе, совершаемое епископомъ, равняется тому, какъ если бы онъ, вмѣсто цѣлаго собранія, взялъ одного изъ тол-

1) Geffcken, Staat u. Kirche, s. 228, 229. Аугсб. испов. «*Ecclesia in hac vita est coetus amplectentium Evangelium et recte utentium sacramentis, in quo filius Dei per ministerium Evangelii vere est efficax*». См. Stahl: Die Kirchenfassung... Protestant., s. 36. 44.

2) Аугсб. испов. Чл. 28: «*Ecclesiastica (власть) suum mandatum (отъ І. Христа) habet Evangelii docendi et administrandi sacramenta. Non irrumpat in alienum officium, non transferat regna mundi, non abroget leges magistratum, non tollat legitimam obedientiam...*» Cp. Martens, cit., 400.

ны людей, облеченныхъ равною властію, и велѣлъ ему эту власть исправлять за всѣхъ другихъ»¹⁾. Подобное же говоритъ онъ въ сочиненіи о Вавилонскомъ плѣнѣ церкви: всякій христіанинъ пусть будетъ увѣренъ, что всѣ мы одинаково іереи, т. е. всѣ имѣемъ власть въ словѣ Божіемъ и въ совершеніи таинствъ, и никто не можетъ пользоваться этою властію безъ согласія общества или безъ призванія высшаго²⁾. Ограничивъ вѣдомство церкви поученіемъ, нравственною дисциплиною и отправленіемъ таинствъ, Лютеръ уничтожилъ значеніе «духовной» власти въ церковномъ управленіи; этимъ уничтожалась и самая власть, какъ такая. Отвергая церковную власть, церковную іерархію, онъ уничтожалъ этимъ тотъ элементъ, который давалъ самостоятельность самой церкви, уничтожалъ самую церковь. Церковь, какъ и всякое общество, требуетъ извѣстнаго порядка, устройства, требуетъ извѣстной власти, нуждается въ лицѣ (или лицахъ), заправляющемъ не внутренней только жизни ея, но и внѣшней. Кому же предоставлялась такая власть въ протестантской христіанской общинѣ?

Принципіально Лютеръ раздѣлялъ государственную и церковную власть: *in thesi* онъ утверждалъ, что тогда какъ послѣдняя относится къ вѣчнымъ благамъ, первая заботится совершенно объ иномъ, что, поэтому, не слѣдуетъ смѣшивать церковной власти съ гражданскою³⁾. Равнымъ образомъ и Кальвинъ въ принципѣ признавалъ государство и церковь самостоятельными учрежденіями⁴⁾. Но какая же власть и что вообще оставалось на долю церкви послѣ признанія всеобщаго священства? Очевидно ничего, кромѣ одного имени. Одна и та же община вѣрующая въ одномъ отношеніи являлась церковью, въ другомъ—государствомъ. При этомъ власть, учрежденную въ одномъ союзѣ, легко было распространить и на другой; всего скорѣе и по протестантскимъ воззрѣніямъ

1 2) Чичеринъ, тамъ же, стр. 323. Geffcken, cit. 12. s. 229, 230; Stahl, cit., I, 5: Das allgemeine Priestertum.

3) Аурсбург. Испов.—См. Geffcken, cit., 231—232.

4) Constat, spirituale Christi regnum el civilem ordinationem res esse plurimum Sepositas. Inst. IV. 20.—См. Geffcken, 237.

естественнѣе было сдѣлать это съ властію гражданской ¹⁾. Если представители свѣтской власти одинаково со всѣми крещены, имѣютъ одну и ту же вѣру и Евангеліе; если, по-этому, должно позволить имъ быть и проповѣдниками и епископами ²⁾ и должность ихъ считать весьма полезною для христіанской общины; если, словомъ, свѣтская власть, какъ и всякій другой членъ христіанскаго общества, можетъ отправлять и церковныя функціи: то какъ возможно практически соединеніе и различеніе въ одномъ лицѣ двухъ властей? Соединеніе ихъ необходимо должно привести къ полному господству одного элемента надъ другимъ.

Если епископамъ, говорится въ Аугсбургскомъ исповѣданіи, присвоена какая-либо власть, то это происходитъ не отъ божественнаго установленія, а по порученію свѣтскихъ правителей. Если, такимъ образомъ, уничтожалась собственно власть церковная, то права и обязанности ея необходимо переходили къ гражданскому правительству. Кому же естественнѣе было заботиться о подданныхъ — членахъ христіанской общины, какъ не тому, кто стоялъ во главѣ государства? И дѣйствительно, самъ Лютеръ, измѣняя своему основному положенію о свободѣ человѣка въ дѣлѣ вѣры, по поводу проповѣди анабаптистовъ, допустилъ вмѣшательство правительства и въ дѣла вѣры. Это вмѣшательство, по его мнѣнію, могло имѣть мѣсто въ четырехъ случаяхъ: 1) когда проповѣдуются возмутительныя ученія; 2) когда отрицается догматъ, основанный на ясномъ текстѣ Св. Писанія и признанный всѣми; 3) въ случаѣ сильныхъ раздоровъ на счетъ догматовъ въ какомъ-либо городѣ ³⁾; 4) когда исповѣдующіе одно ученіе спорятъ относительно второстепенныхъ вопросовъ ⁴⁾. Такъ, когда отрицалось у церкви право вступать въ мірскія дѣла

1) Мы далѣе увидимъ, что Кальвинъ, въ противорѣчіе своему принципу, власти церковной придалъ и значеніе власти гражданской.

2) Geffcken, 229.

3) Здѣсь власть должна рассмотретьъ, которая сторова не огласна съ Евангеліемъ, и ту заставить молчать.

4) Въ этомъ случаѣ власть должна предписать молчаніе обѣимъ сторонамъ. Чичеринъ: Истор. полн. уч. I, 320—321.

вѣдомство свѣтской власти распространялось далеко за предѣлы ихъ. «Свѣтская власть, писалъ Лютеръ къ нѣмецкому рыцарству, имѣеть въ рукахъ своихъ лозу, чтобы наказывать злыхъ и защищать добрыхъ. Она должна исполнять свою обязанность свободно по всему тѣлу христіанства, не смотря ни на кого, будь онъ папа, епископъ, священникъ, инокъ, монахиня, или кто бы то ни былъ» ¹⁾. На нее, какъ на представительницу и блюстительницу всѣхъ интересовъ общества, возлагалось, такимъ образомъ, и попеченіе о дѣлахъ вѣры. Съ 1557 года уже точно была опредѣлена обязанность монарха «снабжать подчиненную ему страну чистымъ ученіемъ Евангелія» ²⁾. Итакъ, государство самостоятельно приняло на себя ту задачу, которую оно исполняло иногда только по порученію іерархій; церковное управленіе стало отраслью свѣтскаго; церковь становилась чрезъ это союзомъ, подчиненнымъ государству не только во внѣшней своей жизни, но и во внутренней; она превращалась въ органъ государственной власти по отношенію къ дѣламъ вѣры. Въ протестантствѣ, такимъ образомъ, съ церковью произошло то же, что было съ государствомъ въ католичествѣ. Сами протестанты чувствовали такой незаконный оборотъ дѣла. «Сатана продолжаетъ быть сатаною, говорилъ Лютеръ; при напахъ онъ вмѣшалъ церковь въ государство, въ наше время онъ вмѣшиваетъ государство въ церковь» ³⁾. И Меланхтонъ, жалуясь на то, что не можетъ держаться епископская власть, говоритъ: «я уже вижу, что за церковь будемъ мы имѣть по уничтоженіи церковнаго устройства; я вижу въ будущемъ еще большую тиранію для церкви, чѣмъ какая существовала прежде» ⁴⁾. Эта тиранія для церкви въ протестантствѣ произошла отъ свѣтской власти. Меланхтонъ, рассуждая о гражданскихъ властяхъ и о достоинствѣ государственныхъ дѣлъ (*De magistratibus civilibus et dignitate rerum politicarum*) и производя ихъ отъ

1) Тамъ же.

2) Geffcken, Staat und Kirche. 12, s. 234.

3) Geffcken, *ibid.*, 232.

4) *Ibid.*

Бога, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ обязанность правителя государства. Князь — хранитель закона; ему принадлежитъ не только забота о внѣшнемъ порядкѣ и мирѣ; онъ обязанъ заботиться также о религіи и добрыхъ нравахъ. Онъ не только блюститель мира и желудка, но прежде всего долженъ служить славѣ Божіей. Какъ служитель Бога, онъ не долженъ отступать отъ Его закона и обязанъ повиноваться Его волѣ; ему, какъ главному хранителю мира, религіи и добрыхъ нравовъ, принадлежитъ и право церковнаго преобразованія (*jus reformatandi*). Князь имѣетъ такія же обязанности относительно подданныхъ, какъ отецъ семейства относительно домочадцевъ. Во имя нравственнаго закона князь имѣетъ власть и право наказывать эпикурейцевъ и атеистовъ, у которыхъ кроются нечистыя попятія о Богѣ и Провидѣніи. Такъ какъ государства устроятся Богомъ, то не для наслажденія конечно, благами желудка, а главнымъ образомъ для того, чтобы Богъ былъ познаваемъ въ обществѣ и чтобы люди стремились къ достиженію вѣчныхъ благъ ¹⁾. Такъ, Меланхтонъ, во имя нравственнаго закона, *надѣ възмъ* возвышаетъ князя, главу государства. Хотя въ религіозномъ отношеніи князь, по ученію Меланхтона, и долженъ подчиняться церкви, однако это подчиненіе остается чисто нравственною его обязанностію. Если принять во вниманіе, что Меланхтонъ, когда духовно-церковная власть не исполняетъ своихъ обязанностей, предоставляетъ свѣтской власти право созывать соборы и на нихъ въ сужденіяхъ о вѣрѣ позволяетъ принимать участіе и способнымъ мірянамъ ²⁾, то окажется, что власть князей въ дѣлѣ церковнаго управленія очень обширна. Эта власть опредѣляется обязанностями ихъ, какъ блюстителей закона Божія (заповѣдей), искоренителей ложныхъ ученій и распространителей истинныхъ догматовъ вѣры ³⁾.

Такъ, свѣтское господство церковной власти въ мірѣ ка-

1) Чичеринъ, Истор. полит. уч. I, 335—340. Ср. Martens, cit., 234, 371, Stahl, cit., 77, 196.

2) Чичеринъ, тамъ же.

3) Чичеринъ, тамъ же, 342; ср. Geffcken, cit. 234.

толическомъ привело къ уничтоженію самостоятельности церкви. Церковь XVI вѣка искала себѣ защиты отъ католической-папской деспотіи у государства; она хотѣла подчиниться ему во всемъ, кромѣ внутренней жизни, гдѣ требовала себѣ полной свободы ¹⁾; но освободившись отъ одной тираніи, она попала въ другую. Признаніе за государствомъ и церковью двухъ организмовъ, совершенно различныхъ и въ принципахъ ихъ бытія, и въ кругѣ обязанностей, и въ задачахъ и средствахъ ихъ исполненія, и объединеніе ихъ (организмовъ) въ высшей точкѣ своей власти, главѣ государства, оказались не совмѣстимыми ²⁾. Такое объединеніе необходимо приводило или къ уничтоженію внутренней самостоятельности того и другого, или къ абсолютному деспотизму силы одного организма надъ другимъ ³⁾. Уже первые реформаторы, уничтоживъ самостоятельную церковную власть, волей-неволей должны были и въ теоріи признать «верховенство государства надъ церковью», во главѣ послѣдней поставить верховную главу государства и сдѣлать, такимъ образомъ, церковь «государственною» ⁴⁾. Хотя Кальвинъ, болѣе чѣмъ лютеране стоявшій за раздѣленіе церкви и государства, и требовалъ, чтобы свѣтская власть подчинялась суду церкви; однако въ результатѣ его ученіе приводило къ тому же, къ чему привело и ученіе Лютера. Считая церковь союзомъ избранныхъ, имѣющимъ всю полноту церковной власти, онъ произвелъ сліяніе церковной и государственной власти тѣмъ, что обѣ положилъ въ одной и той же общинѣ—подобно тому, какъ лютеране полагали ихъ въ одномъ и томъ же лицѣ ⁵⁾.

На этихъ воззрѣніяхъ первыхъ реформаторовъ основываются, отъ нихъ начинаются и къ нимъ возвращаются всѣ разнообразныя взгляды и ученія объ отношеніи между государствомъ и церковью послѣдующихъ юристовъ. Эти ученія, раз-

1) См. Bluntschli: Allgemeines Statsrecht. B. II, 297—298.

2) Ibid. 289.

3) Ibid. 289—291 Ср. Geffcken, cit., 236.

4) Въ противоположность католическому «церковному государству». — Bluntschli, 289; Geffcken, cit. 72. Entwicklung der Reformation.

5) Чичеринъ, тамъ же, I, 358—360 и слѣд. Ср. Geffcken, cit., 237 ff.

вившіяся изъ протестантскихъ началъ, въ порядкѣ времени ихъ возникновенія и логическаго слѣдованія одного за другимъ, принято раздѣлять на три группы такъ: система *епископальная, территориальная и коллегіальная* ¹⁾. Сущность этихъ теорій, сообразная съ протестантскими воззрѣніями, одна: всѣ онѣ признають правомѣрнымъ участіе въ церковномъ управленіи князя, признають, какъ законное, свѣтское управление въ дѣлахъ церкви (*Recht des landesherrlichen Kirchenregiments*), различаясь между собою по основаніямъ, изъ которыхъ выводятъ право этого участія, по задачѣ, которую имѣеть церковное управленіе, объему гражданской власти въ немъ и способу управленія ²⁾.

III.

Епископальная теорія.

«Надъ душой человѣка Богъ никому не позволяетъ властвовать, кромѣ Себя самого. Поэтому, если свѣтское правительство покушается предписывать законы для души, то оно возстаётъ на Бога въ Его царствѣ и только развращаетъ души. И такъ какъ основаніе того, почему одинъ вѣруетъ, а другой нѣтъ, лежитъ въ совѣсти каждаго человѣка, и при томъ если тѣмъ или другимъ вѣрованіемъ не наносится никакого ущерба свѣтской власти, то власть эта должна быть спокойной и наблюдать за предметами только своего вѣдѣнія, оставивъ вѣровать такъ или иначе, кто какъ хочетъ и можетъ». Вѣра есть дѣло свободы человѣка, и никого нельзя принудить къ ней ³⁾. «Если бы какой-нибудь императоръ спро-

1) Stahl, Kirchenverfassung... S. 1. 3. anm. 2. Начало такого раздѣленія положено было I. H. Böhmer'омъ. Въ «*Ius ecclesiasticum protestantium*» указывая виды «церковныхъ системъ»: христократическую, епископальную и коллегіальную, самъ является территориалистомъ, хотя и называетъ свою систему не территориальною, а вообще протестантскою. См. Tomys V. *Præloquium de sistematibus universi juris canonici*, p. 10—20. Но болѣе точная классификація сдѣлана была Nettelbladt'омъ: *obs. juris. eccles. VI. De tribus sistematibus*. 1783.

2) Stahl, cit.—Einleitung.

3) Bluntschli, *Allgem. Staatsrecht*, II, 259.

силъ у меня, какъ я вѣрую, я долженъ предъ нимъ пснговѣ-
дать свою вѣру. Но если бы потомъ онъ захотѣлъ приказать
мнѣ вѣровать такъ или иначе, то я долженъ сказать ему: го-
сударь, ты не имѣешь права касаться Бога въ Его царствѣ;
поэтому я не могу повиноваться тебѣ». Такъ говорилъ Лю-
теръ ¹⁾. По мнѣнію его, право свѣтскаго правительства со-
стоитъ въ изданіи только тѣхъ законовъ, которые касаются
temporalia, т. е. внѣшней жизни человѣка, временной ²⁾;
между тѣмъ кругъ дѣйствій власти церковной (т. е. лицъ,
принадлежащихъ къ іерархіи) ограничивается «служеніемъ уче-
нія и совершенія таинствъ. Такъ, Лютеръ настаивалъ (впо-
слѣдствіи, въ противорѣчіе своему идеалу единства христіан-
скаго государства и всеобщей евангельской церкви) на раз-
дѣленіи властей, признавая за свѣтской право только внѣш-
нее, относящееся къ внѣшнимъ дѣламъ церкви (*ad res eccles
externas*). Подобнымъ образомъ и Меланхтонъ, опредѣляя от-
ношеніе властей, писалъ, что опредѣленіе вѣро- и право-
ученія принадлежитъ церкви (*ad presbyteros et principes per-
tinet*), а князья лично должны быть стражами внѣшней дис-
циплины, охранителями постановленій соборовъ церковныхъ:
задачи гражданской власти поддерживать внѣшнее благоус-
тройство и въ церкви и въ государствѣ ³⁾. По Кальвину такъ-
же, государство есть божественный институтъ, начальству ко-
торога, если бы оно управляло даже несправедливо, всякій
долженъ повиноваться, пока оно ограничивается внѣшней
жизнію и не касается совѣсти ⁴⁾. Эти мысли первыхъ рефор-
маторовъ легли въ основу *епископальной теоріи* отношеній
между государствомъ и церковью, самой древней въ протес-
тантскомъ мірѣ ⁵⁾. Сущность этой теоріи и состоитъ имен-

¹⁾ Geffcken, cit., 214.

²⁾ Такъ рассуждалъ Лютеръ уже впоследствии, когда увидѣлъ, что участіе свѣт-
ской власти въ идеальномъ организмѣ церкви могло привести къ такъ называе-
мой *епископаліи государства*.

³⁾ Stahl, S. 4, Anmerk. 3.

⁴⁾ Geffeken, 237.

⁵⁾ При изложеніи этой теоріи и слѣдующихъ, мы пользовались отчасти, кро-
мѣ указываемыхъ сочиненій, Исторіей полит. уч. Чичерина. Частныя ссылки на
эту книгу мы дѣлать не будемъ.

но въ признаніи раздѣленія церковной и государственной власти, при чемъ первая имѣла самостоятельный, независимый отъ второй, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, кругъ дѣятельности: надзоръ за проповѣдью, наставленіе неправыхъ учителей, рѣшеніе споровъ вѣры и т. п. ¹⁾.

Первыми представителями епископальной теоріи были: Стефани, Гергардъ, Рейнкингъ, и Карпцовъ. У теолога Гергарда (*Loci—de magistr. polit.*, 25) находимъ слѣдующія положенія ²⁾: цѣлью попеченія свѣтской власти «о церковномъ» (*circa sacra*) должно быть проповѣданіе божественнаго культа и истинной религіи (§ 181); властитель пусть заботится также, чтобы сохранялась неприкосновенность истинной религіи и чистота божественнаго культа; онъ обязанъ устанавливать визитаціи, чтобы могло происходить тщательное изслѣдованіе объ ученіи и жизни какъ пастырей, такъ и пасомыхъ (§ 194); въ области церковнаго управленія онъ долженъ производить изслѣдованіе объ еретикахъ и ихъ обузданіи (§ 196). У юриста Рейнкинга въ «Трактатѣ о свѣтскомъ и церковномъ управленіи» въ главѣ «*De concilio et synodo*» читаемъ также: соборы необходимы для того, чтобы не встрѣчалъ препятствія чистый культъ Бога ³⁾; цѣль соборовъ та, чтобы искоренять заблужденія и возникшіе расколы и чтобы приводить членовъ церкви къ благочестивому согласію вѣры ⁴⁾,--- производить также визитаціи, чтобы происходило изслѣдованіе ученія ⁵⁾. Въ этихъ положеніяхъ видно еще признаніе необходимости чистоты вѣры, единства исповѣданія и нѣкоторой самостоятельности церкви. Епископальная система, такимъ образомъ, въ началѣ, соотвѣтствовала такъ называемой протестантской ортодоксіи и консисторіальному управленію церкви ⁶⁾; она существовала до конца XVII вѣка ⁷⁾. По ос-

¹⁾ См. Richter: *Lehrbuch d. Kirchenrechts*, 132, 135, 142, 144, 243, 304.

²⁾ См. Stahl, *cit.*, *Episcopalsystem*.

³⁾ Th. Reinkingk: *Tractatus de regimine saeculari et ecclesiastico*. 1651. III, class. I, cap. IV, 1, p. 1019.

⁴⁾ Reinkingk, *ibid.*, p. 1026.

⁵⁾ См. Stahl, *Kirchenverf.*, S. 4, Anm. 2.

⁶⁾ *Ibid.* s. 14.

⁷⁾ *Ibid.* s. 3.

нованіямъ для «княжеской церковной власти», по объему ея и по отношеніямъ представителей этой власти къ представителямъ власти собственно церковной, она въ порядкѣ времени имѣла три фазиса.

Протестантство признало за княземъ власть надъ внѣшнюю стороною церкви. Такъ какъ оно выходило изъ противодѣйствія католицизму, то и основанія для свѣтской власти надъ церковью оно должно было найти такія, которыя бы оправдывали его предъ лицомъ католичества; оно должно было найти и находило для нея основанія прежде всего догматическаго характера. Епископаллисты ссылались въ этомъ случаѣ на особенное положеніе христіанскаго гражданскаго правителя: 1) какъ на охранителя обѣихъ таблицъ закона (заповѣдей въ отношеніи къ Богу и заповѣдей въ отношеніи къ человеку), для котораго, слѣдовательно, «область Бога» составляетъ ни чѣмъ не меньшій предметъ и обязанность заботы, какъ и взаимныя отношенія людей, 2) какъ на «преимущественнаго члена» церкви, которому, поэтому, несомнѣнно должно принадлежать право надзора за церковнымъ ученіемъ и устраненіе изъ церкви ложныхъ мнѣній (хотя вмѣстѣ съ другими членами церкви). Указывали также на Константина Великаго, который назвалъ себя епископомъ внѣшней стороны церкви (*extra Ecclesiam a Deo constitutus sum episcopus*) и, такимъ образомъ, призналъ за собою внѣшнюю церковную власть (*potestas externa*)¹⁾. Такъ обосновывали протестанты существующія отношенія между церковью и государствомъ въ первое время. Но такъ какъ эти отношенія, эта такъ называемая *епископія свѣтской власти* даже въ указанныхъ предѣлахъ не вполне соответствовала теоріи *раздѣленія властей*²⁾, не смотря на оправданіе ея «необходимостію времени», «правами преимущественныхъ членовъ» и т. п.³⁾, то въ XVII в. дѣло стало представлять иначе.

1) Stahl, cit. s. 4, Anm. 3.

2) Ibid. 219. 327, Anm. 87.

3) Ibid. 196.

Стефани ¹⁾ первый положилъ начало новому ученію о правахъ князя. Какъ юристъ и воспитанный на католическихъ каноническихъ источникахъ, предпринявъ представить въ научномъ видѣ протестантское церковное право, онъ оставилъ всякія догматическія основанія для княжеской власти въ дѣлахъ церкви и нашелъ для нея другое основаніе, чисто историко-юридическое. Епископія князя въ протестантской церкви, по его ученію, основывается на томъ, что «Аугсбургскій миръ» (1555 г.) передалъ это право епископіи въ каждой мѣстной церкви мѣстному князю (т. н. теорія деволуціи). Вслѣдствіе этой передачи права епископіи, въ князѣ слѣдуетъ различать двѣ правовыя личности ²⁾: личность князя, какъ такого, и личность князя, какъ замѣстителя епископа. Въ области государства князь дѣйствуетъ по собственному праву (*jure proprio*), а въ области церкви по порученію императора (*concessione imperatoris*); въ первой области власть его постоянна или безусловна, во второй временна (*ad interim*), условлена предѣлами порученія до рѣшенія религіозныхъ споровъ. По ученію Стефани, слѣдовательно, мірская и духовная власть совершенно различны и совпадаютъ въ одномъ лицѣ только какъ бы «случайно». Позволительность такого соединенія власти Стефани оправдываетъ обратными примѣрами католическихъ епископовъ-князей, имѣвшихъ ту и другую власть ³⁾.

Такое юридическое основаніе, какъ историческая случайность, было не убѣдительно и не достаточно для оправданія епископальной теоріи; поэтому она далѣе принимаетъ иной (третій) фазисъ.

Нѣкоторые теологи и юристы, во главѣ съ Рейнкягомъ ⁴⁾, принимая юридическое основаніе Стефани, въ то же время

¹⁾ Stephani: Tract. de jurisdic. 1611. См. Stahl, cit. 5, Anm. 4; Herrzog: Real—Encyclopädie. 1855. B. 4, s. 108—110.

²⁾ Это различіе въ одномъ субъектѣ-князѣ двухъ правовыхъ личностей принимали и послѣдующіе епископаллисты, напр. Карпцовъ. См. Stahl, cit. s. 7. Anmerk. 8.

³⁾ Stahl, *ibid.* s. 5.

⁴⁾ Reinkingk, Gergard, Carpsov. См. Stahl, 6, Anm. 6, 7.

присоединяли къ нему, какъ особенно сильныя, и основанія догматическія и на нихъ утверждали, что князь имѣеть власть въ церкви не по порученію только императора, но и по собственному праву (*jure proprio, vigore superioritatis territorialis*) ¹⁾. Догматическія основанія этихъ юристовъ были тѣ же, какія приводилъ и Меланхтонъ: особенное положеніе христіанской власти, особенное божественное установленіе ея, согласное со многими мѣстами Св. Писанія ²⁾, примѣры іудейскихъ царей, греческихъ императоровъ и даже языческихъ властителей, издававшихъ законы, касающіеся религіи и церкви ³⁾. Эти библейско-историческія основанія казались слишкомъ сильными, чтобы усумниться въ ихъ достаточности для доказательства законности участія правителя государства въ церковномъ управленіи и вообще въ дѣлахъ церкви; поэтому, нѣкоторые изъ епископалистовъ пошли далѣе въ своихъ воззрѣніяхъ на права князя и предоставленіе ему епископіи признали только возстановленіемъ дѣйствительнаго права князей, которое до Аугсбургскаго мира было злоупотребляемо духовными епископами ⁴⁾. Такъ, теорія деволуціи, или случайнаго совмѣщенія двухъ властей—церковной и государственной въ одномъ лицѣ князя, была смѣнена ученіемъ Рейнкянга и его послѣдователей. Но такъ какъ взглядъ этого послѣдняго уже очень благопріятствовалъ смѣшенію властей, чего особенно не хотѣли епископалисты, настаивая на раздѣленіи ихъ (это существенный признакъ епископальной теоріи) ⁵⁾, то чтобы не допустить такого смѣшенія они должны

1) См. G. L. Boehmeri—Principia juris canonici speciatim eccles. 1779. Tit. I, § 12, s. 7. 8; tit. IV, V. Ibid. lib. II, sect. II. tit. I. p. 110 etc.

2) Особ. указываютъ на Ис. 49 гл. 23 ст., мѣсто сдѣлавшееся классическимъ для доказательства законности участія государства въ дѣлахъ церкви.

3) См. Reinkingk, De regim. secul. et eccles. lib. III, cl. I, cap. 1, n. 9—12 etc., p. 994—5 setc. Carpov: Jurisprudentia ecclesiastica. 1649. lib. I, tit. I, def. 1—2, p. 1—5.

4) О степени распространенности этого мнѣнія между протестантами XVII в. свидѣтельствуетъ одинъ протест. богословъ, называя его общимъ мнѣніемъ всѣхъ ученыхъ (Styrk; также говоритъ Шильтеръ. См. у Stahl'я въ указ. соч. стр. 6, примѣч. 6 и 7).

5) Carpov, ibid. lib. I, tit. 1, def. 2. n. 15. 16. Reinkingk, ibid. lib. III, cl. I, cap. I, p. 993 etc.; cap. VI, n. 5. 6, p. 1040. Gergardus, De magistr. polit., § 190.

были указать границы свѣтской власти и точнѣй опредѣлить отношеніе ея къ власти собственно церковной. Такъ какъ та и другая принадлежатъ одному лицу—князю, слиты въ субъектъ, то оставалось удержать раздѣленіе ихъ въ объектѣ, въ качествѣ самого права и способахъ (органахъ) управленія государственной и церковной областью ¹⁾. Объектъ церковной власти дѣлился, такимъ образомъ, на части, изъ которыхъ одна предоставлялась безусловному вѣдѣнію князя, а другая ограниченному нѣкоторыми условіями, напр., судомъ или согласіемъ «учителей церковныхъ» (т. н. учительства, *Lehrsländ, ministerium*) ²⁾. Органами церковнаго управленія считались консисторіи, какъ такія учрежденія, которыя были отличны отъ учрежденій гражданскихъ или, точнѣе, имѣли особыхъ чиновниковъ, отдѣльных отъ государственныхъ гражданскихъ чиновниковъ ³⁾. Это раздѣленіе объекта власти и органовъ управленія церковной и государственной области составляло сущность ученія епископалистовъ и въ опредѣленія границъ власти князя относительно церкви, -- составляло то начало,

1) Stahl, cit., s. 7, Anm. 8 s. 8 u. Anm. 9.

2) Stahl, cit., 8. Опредѣлить протестантское т. н. учительство, или сословіе церковныхъ учителей, по его идеѣ, довольно трудно. Между нимъ и свѣтскою властію, при всеобщемъ священствѣ, въ существѣ нѣтъ никакого различія. Это выборные профессиональные богословы. По отношенію къ князю «учительство» имѣетъ нѣкоторую самостоятельность. Это не просто органъ княжеской власти въ дѣлахъ церкви, подобно тому какъ, напр., судьи—органъ княжеской судебной власти; это органъ церкви, нѣкоторый самостоятельный институтъ, стоящій въ власти князя, который беретъ отъ него себѣ, въ дѣлѣ церковнаго управленія, только одну извѣстную, внѣшнюю, сторону постольку, поскольку жизнь церкви связана съ жизнью государства. Церковное законодательство, соответствующее ему право диспенсаціи, замѣщеніе церковныхъ должностей, судъ церковный, управленіе церковью въ ея духовной, внутренней области—проповѣдь, надзоръ за ученіемъ, дисциплиною и совершеніемъ таинствъ, принадлежатъ собственно «учительству». См. Stahl, cit., II, с. 4, s. 292, 293 ff.

3) Консисторіи были учреждены, согласно взглядамъ Лютера, еще въ 1540 г. и съ тѣхъ поръ существуютъ въ нѣмецкой лютеранской церкви. Консисторіи были первоначально присутственными мѣстами, которыя по образцу официальныхъ судовъ епископскихъ, должны были отправлять только духовную судебную власть (имѣли власть только въ духовномъ вѣдомствѣ); но потомъ, когда онѣ поручены были князю, расширили свою компетенцію и на общее церковное управленіе. См. Geffcken, Staat und Kirche, 233. Ср. Stahl, cit., Th. II, Cap. 5; Herrzog, Real-Encyklopädie, B. 3, s. 124—125.

которое, по мнѣнію ихъ, могло предохранить церковь отъ сліянiя ея съ государствомъ.

Основатель епископальной теорiи, Стефани, выходя изъ того положенiя, что духовная и свѣтская власть — вещи совершенно различныя, выводилъ, что и отправлять ихъ князь долженъ различными способами (чрезъ различныя учрежденiя). Органъ церковнаго управленiя — консисторiи имѣють нѣкоторое независимое отъ князя положенiе: онъ не можетъ, напримѣръ, отнять у нихъ и присвоить себѣ церковную юрисдикцію, не можетъ безъ согласiя «учителей церковныхъ» рѣшать сомнѣнiя и споры относительно вѣроученiя¹⁾. Опредѣленнѣе указалъ эти отношенiя между княземъ и «учительствомъ» Карпцовъ (въ «*Definitiones ecclesiasticae*»), который въ своихъ взглядахъ слѣдовалъ Рейнкингу, но теорiя котораго приводила, какъ увидимъ, къ нежелательнымъ для него самымъ результатамъ, предоставляя князю столько власти въ дѣлахъ церкви, что почти ничего или весьма мало оставалось изъ нихъ на долю власти собственно церковной. Теорiя этихъ отношенiй представляется въ слѣдующемъ видѣ. Князь имѣеть надъ церковью только внѣшнюю власть (*potestas externa*) и есть епископъ только по имени или титулу (*nominetenus*). Онъ имѣеть право созывать соборы, обнародовать церковные законы, избирать пасторовъ, управлять церковнымъ имѣнiемъ, завѣдывать чрезъ посредство консисторiй церковной юрисдикціей; внутренняя же власть въ церкви принадлежитъ словiю церковныхъ учителей²⁾. Всякій свѣтскiй правитель имѣеть власть въ церкви только съ ея согласiя или, собственно, съ согласiя ея «учительства»; такъ что князь въ отношенiи къ церкви — какъ конституціонный государь въ отношенiи къ государству. Нѣкоторые необходимость для князя согласiя церкви признавали не только въ дѣлахъ относительно вѣроученiя и богослужебнаго порядка, но и въ дѣлахъ собственной юрисдикціи, напр., брачныхъ, въ церковной ви-

1) Stahl, 8.

2) Carpsov, *Jurisprud. ecclesiast. Lib. I, tit. I, def. 2, n. 13—18; lib. I, t. V, d. 63, n. 5.*

зитаціи, выборѣ кандидатовъ священства и даже назначеніи пасторовъ ¹⁾. Князю епископу, такимъ образомъ, въ церковной области, повидимому, давалось очень немного правъ. Но это только повидимому. Чтобы вѣрно опредѣлить степень законной возможности вліянія княжеской епископіи на дѣла чисто-церковныя, надо посмотрѣть, что отводили епископаллисты другимъ членамъ въ организмѣ церкви. По теоріи Карпцова церковь есть соединеніе (*aggregatum*) трехъ сословій: правителей, учителей и народа. Правитель имѣетъ въ ней внѣшнюю власть — приводитъ въ дѣйствіе ея постановленія. Сословіе учителей, занимая въ церкви, по общему взгляду ортодоксальныхъ богослововъ, первый рангъ, имѣетъ власть внутреннюю. Народу же не принадлежитъ ничего изъ правъ, свойственныхъ правительству и <учительству>; ему принадлежитъ общая всѣмъ власть или, точнѣе, право — 1) испытывать Священное Писаніе, 2) кромѣ общеобязательнаго мнѣнія (*judicium imperativum*), имѣть для себя личное (*judicium privatum seu discretivum*) и 3) соглашаться съ тѣмъ, что установило сословіе учителей и узаконило правительство ²⁾. Возникаетъ вопросъ: заключаетъ ли въ себѣ это послѣднее право согласія народа, какъ свой коррелятивъ, право несогласія съ церковными постановленіями? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ нигдѣ не дается; но нѣкоторые положенія юристовъ и богослововъ приводятъ скорѣе къ отвѣту отрицательному: Карпцовъ (и нѣкоторые другіе — см. у Stahl'я), напримѣръ, говоритъ, что право испытанія Писанія дается народу для того, чтобы онъ не былъ слѣпымъ, но давалъ себѣ отчетъ въ основаніяхъ <согласія>; и что онъ исключается не изъ *права церковнаго управленія* (*jus sacrogrum*), но отъ *употребленія этого права* ради порядка и почтенія, дабы онъ *повиновался во всемъ позволительномъ тѣмъ*, кому Богъ даровалъ высшую власть. Такъ, право *согласія* оставалось у народа безъ права *несогласія*, поэтому теряло самый видъ пра-

¹⁾ Carpsov, *ibid.* Lib. I, t. I, d. 11; lib. III, t. I, d. 2. — Reinkingk, *De regim. eccles.*, lib. I, cl. I, cap. 6; l. III, cl. I, cap. 7. — Cp. Stahl, *cit.*, *Einleitung*.

²⁾ Stahl, *cit.* 9—11.

ва и превращалось въ *обязанность повиновенія*. Отсюда уже очевидно, что князю-епископу предоставлялась, по теоріи епископалитовъ, обширная власть не только въ церковномъ управленіи, но и въ дѣлахъ религіи вообще. Если у народа есть только обязанность повиновенія, а опредѣленія и рѣшенія практическихъ и теоретическихъ вопросовъ даетъ сословіе учителей, которые, при томъ, приурочиваются къ консисторіи—органу самого князя: то при такихъ условіяхъ право князя давать или не давать санкцію церковнымъ опредѣленіямъ, возводить или не возводить ихъ на степень закона обнаруживаніемъ ихъ, становится равносильнымъ тому, что князь можетъ давать (утверждать) то или другое опредѣленіе церкви по своему личному усмотрѣнію. Это заключеніе будетъ еще болѣе ясно и убѣдительно, если принять во вниманіе право каждаго имѣть для себя такъ называемое частное мнѣніе. Князь, какъ и всякій членъ церкви, можетъ изслѣдовать Священное Писаніе и составлять для себя личное мнѣніе по тому или другому вопросу; кромѣ того, онъ имѣетъ право санкціонировать и обнаруживать постановленія «учительства», которыя только уже послѣ этого и получаютъ значеніе общеобязательнаго ученія. Ясно, что князь, владѣя тѣмъ и другимъ правомъ, можетъ дать санкцію церковному постановленію или не дать, смотря потому, согласуется оно или не согласуется съ его личнымъ мнѣніемъ, т. е. можетъ или признать то или другое опредѣленіе церкви общеобязательнымъ, или же оставить его въ сферѣ частныхъ мнѣній; слѣдовательно, личное мнѣніе князя въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть и далеко не частнымъ, но по волѣ князя можетъ простираť свое вліяніе и на ученіе общеобязательное. На дѣлѣ, такимъ образомъ, права князя въ церковной области оказываются на столько широкими, что приближаются къ такъ называемому «праву величія» государства (*jus majestaticum*), сущность котораго и состоитъ именно въ томъ, что государство не только можетъ изслѣдовать, не вредятъ ли церковныя порядки общественному благу и не унижаютъ ли государственныхъ правъ, но что оно можетъ также судить, обосновано ли церковное ученіе на Священномъ Писаніи и имѣетъ ли право быть церковнымъ, общеобязательнымъ ¹⁾.

1) Bluntschli, Allgemein. Staatsrecht. B. II, cap. 5, 301, cap. 6, 304 ff.

Шталь, резюмируя взгляды епископалистовъ, представляетъ ихъ въ слѣдующихъ 5 пунктахъ: 1) Церковную власть слѣдуетъ строго отдѣлять отъ свѣтской. 2) Задачею своею она имѣетъ охраненіе чистаго ученія и цѣль ея та, чтобы наблюдать за проповѣдью и давать рѣшенія спорныхъ богословскихъ вопросовъ. 3) Церковное управленіе, по самому божественному устройству, принадлежитъ не церкви, а князю, какъ первому члену ея; оно справедливо было отнято у епископовъ и передано евангелическимъ князьямъ. 4) Оно принадлежитъ князю только въ своей внѣшней сторонѣ, содержаніе же церковныхъ постановленій должно быть опредѣляемо сословіемъ учителей; при этомъ народу принадлежитъ право согласія съ нимъ и противоположное ему право несогласія. 5) Князь, поэтому, содержитъ свѣтское и церковное управленіе различнымъ способомъ, на различныхъ основаніяхъ, въ различномъ качествѣ и съ различнымъ правомъ ¹⁾.

Въ этомъ резюмѣ теоретическихъ воззрѣній епископалистовъ Шталь въ пунктѣ 4-мъ произвольно вставилъ право народа не соглашаться съ тѣмъ, что опредѣлено сословіемъ учителей: мы уже говорили, что одни изъ епископалистовъ совершенно умалчиваютъ объ этомъ правѣ, а другіе прямо отрицаютъ его. Такимъ образомъ, епископальная система на практикѣ приводила къ полному господству въ церкви свѣтской власти, а въ теоріи къ господству сословія церковныхъ учителей: народъ въ томъ и другомъ случаѣ лишался всякихъ правъ. Это осужденіе народа на безусловное повиновеніе, это отрицаніе (хотя и косвенное) свободы человѣка въ дѣлахъ вѣры и религіи, во имя которой собственно и возникъ протестантизмъ, необходимо должно было вызвать и дѣйствительно вызвало новый протестъ, выразившійся въ области религіи въ особомъ ученіи, извѣстномъ подъ именемъ піэтизма (піэтизмъ XVII в.) ²⁾, а въ области церковно-государственнаго права въ особой системѣ отношеній между церковью и государствомъ—теоріи *территориальной*.

П. Громовъ.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Stahl, cit., S. 13. 14; ср. Müller, Lexicon des Kirchenrechts, B. III, 433, 434.

²⁾ Піэтизмъ былъ вызванъ и другими причинами, напр., схоластикой, мертвенностію ортодоксіи, но дѣйствовалъ онъ вообще въ видахъ свободы человѣческаго ума и дѣйствительности.

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДѢ И СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ.

(Продолженіе *).

Путь отъ Сокхова до Еоама (13, 17—22).

13, 17. Когда отпустилъ Фараонъ народъ, не повелъ ихъ Богъ дорогою къ земль Филлистимлянъ, потому что она—ближняя; ибо сказалъ Богъ: не сталъ бы народъ каяться, увидявъ войну, и неворотились бы они въ Египетъ. (18) И обвелъ Богъ народъ дорогою къ пустынь, къ Чермному морю. Поспѣшно поднялись сыны Израиля изъ земли Египетской. (19) И взялъ Моисей съ собою кости Иосифа, ибо онъ клятвою заклѣлъ сыновъ Израиля, сказавъ: непременно поспѣтитъ васъ Богъ, и вы возьмите отсюда кости мои съ собою. (20) И двинулись изъ Сокхова и расположились станомъ въ Еоамъ, на краю пустыни. (21) Иегова шелъ предъ ними, днемъ — въ столтъ облачномъ, показывая имъ путь, а ночью—въ столтъ огненномъ, свѣтя имъ, чтобы идти днемъ и ночью. (22) Не удалялся отъ лица народа столтъ облачный днемъ и столтъ огненный ночью.

Ст. 13, 17. Не повелъ ихъ Богъ дорогою къ земль Филлистимлянъ, потому что она — ближняя, то есть, обычная, ближайшая дорога изъ Египта въ Палестину не была избрана для путешествія евреевъ, хотя и естественно было бы избрать ее,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 14.

какъ ближайшую. Причина, почему не по этой дорогѣ поведены были евреи, указана въ неготовности евреевъ къ войнѣ. Придя къ Палестинѣ по обычной отъ Египта дорогѣ, евреи должны были бы вступить въ борьбу съ воинственными Филлистимлянами. Страхъ войны съ ними могъ породить въ евреяхъ безразсудное желаніе предпочесть тягость Египетскаго рабства—ужасамъ войны и возвратиться въ Египеть. Указанная священнымъ повѣствователемъ причина и сама по себѣ достаточна была для избранія другаго пути къ Палестинѣ: но кромѣ этой причины, были и другія, не менѣе важныя. Еще во время призванія Моисея къ дѣлу избавленія евреевъ отъ рабства сказано было Моисею, что по исшествіи изъ Египта народъ еврейскій совершитъ служеніе на той самой горѣ, при которой произошло призваніе Моисея (3, 12). Нужны были народу еврейскому и многочисленные опыты долгаго страствованія, которые должны были воспитать въ немъ довѣріе къ водительству Іеговы и создать въ народѣ то направленіе мысли и чувства, которому съ такою силою служили лучшіе мужи избраннаго народа во все послѣдующее время до временъ новозавѣтныхъ.

Ст. 18. *И обвелъ Богъ народъ дорогою въ пустыню, къ Чермному морю.* вмѣсто движенія по обычной дорогѣ изъ Египта къ Палестинѣ, въ направленіи сѣверовосточномъ, совершенно былъ крутой поворотъ на юговостокъ, къ той пустынѣ, которая лежала за Чермнымъ моремъ.

Пустынно поднялись сыны Израиля. Предлагаемый переводъ основанъ на предположеніи, что въ еврейское слово (*хамушимъ*) неправильно вошла по винѣ переписчиковъ лишняя буква. Выпуская ее (то есть, читая *хамимъ*), получаемъ возможность поставить въ своемъ переводѣ слово: *пустынно*. Оно совершенно соотвѣтствуетъ исторіи исхода, какъ видно изъ 12, 33. 39. Указаніе на поспѣшность умѣстно здѣсь и по отношенію къ тому, что сказано священнымъ писателемъ въ предшествующемъ стихѣ, и по отношенію къ тому, что сказано въ стихѣ послѣдующемъ. Народъ еврейскій вышелъ поспѣшно, не приготовившись даже къ путешествію: тѣмъ менѣе онъ готовъ былъ вступать въ военныя столкновенія съ

кѣмъ бы то ни было, особенно же съ вопиственными Филистимлянами (ст. 17). Поспѣшно вышли евреи: но завѣтъ Іосифа вынести его кости изъ Египта не былъ забытъ, былъ исполненъ свято (ст. 19). Предложить выпускъ одной буквы изъ еврейскаго слова побуждаетъ и совершенная неудовлетворительность изъясненій, навязываемыхъ еврейскому слову въ томъ его видѣ, какой оно нынѣ имѣетъ въ еврейскомъ текстѣ.

Поднялись. Удерживаемъ въ переводѣ особенность еврейскаго слововыраженія. Выходя изъ Египта, страны низменной по сравненію съ Палестиной, евреи дѣйствительно восходили, поднимались въ странѣ обѣтованія.

Ст. 19. Кости Іосифа были вынесены изъ Египта согласно его заклѣтію Быт. 50, 24. 25. Тѣло Іосифа по его кончинѣ было набальзамировано и положено въ ковчегъ (Быт. 50, 26).

Ст. 20. *Расположились станомъ въ Еоамъ, на краю пустыни.* Попытка опредѣлить мѣстность Еоама, сдѣланныя доселѣ, не могутъ быть признаны удовлетворительными. Несомнѣнно лишь то, что онъ лежалъ на пути евреевъ къ Черному морю, былъ не далеко отъ моря, и что около него начиналась та пустыня, которая продолжается и за Чернымъ моремъ.

Ст. 21. Съ какого времени началось хожденіе впереди евреевъ столпа облачнаго, священный историкъ не упоминаетъ. По связи рѣчи можно думать, что евреи прошли изъ Сокхоа въ Еоамъ, уже руководимые симъ столпомъ, и что дорога между этими двумя мѣстами не принадлежала къ числу дорогъ обычныхъ и извѣстныхъ. Понятіе столпа даетъ право думать, что онъ высоко поднимался въ прямомъ направленіи отъ земли къ небу. Днемъ столпъ имѣлъ видъ облака, своимъ движеніемъ указывавшаго направленіе пути, а ночью облако обращалось въ огонь, освѣщавшій путь и дававшій возможность идти и во время ночи.

Слова: *Иегова шелъ предъ ними* допускаютъ только одно изъясненіе, именно, что столпъ былъ мѣстомъ особаго присутствія Іеговы, подобно тому, какъ впоследствии скинія такъ же

стала мѣстомъ особаго присутствія Иеговы. Попытка свести повѣствованіе о столпѣ на степень поэтическаго воспоминанія объ огняхъ, зажигающихся днемъ и ночью въ переднемъ отрядѣ путешествующаго народа, едва ли заслуживаетъ упоминанія уже потому одному, что сказано о послѣдствіяхъ передвиженія столпа облачнаго въ средину между станами Египетскимъ и Израильскимъ (14, 19. 20).

Переходъ Евреевъ чрезъ Черное море и гибель Фараона и его войска (гл. 14).

Ст. 1. И сказалъ Иегова Моисею, говоря: (2) скажи сынамъ Израиля, чтобы они повернули и расположились станомъ предъ Пи-гахировомъ, между Мидоломъ и между моремъ: предъ Ваалъ-Цефономъ, прямо противъ него, расположитесь станомъ у моря. (3) И скажетъ Фараонъ о сынахъ Израиля: заблудились они въ этой странѣ, заперла ихъ пустыня. (4) И ожесточу сердце Фараона, и погонится онъ за ними, и прославлюсь на Фараонъ и на всея войска его; и узнаютъ египтяне, что Я—Иегова. И сдѣлали такъ. (5) И было возвыщено царю Египетскому, что бѣжалъ—народъ; и измѣнилось сердце Фараона и рабовъ его относительно народа, и сказали они: что это надѣлали мы, что отпустили Израиля съ работъ для насъ! (6) И запрягъ онъ колесницу свою и народъ свой взялъ съ собою. (7) И взялъ шесть сотъ отборныхъ колесницъ и всякую колесницу Египетскую, и троечниковъ на всякъ ихъ. (8) И ожесточилъ Иегова сердце Фараона, царя Египетскаго, и погнался онъ за сынами Израиля; сыны же Израиля выходили силою руки высокой. (9) И погнались Египтяне за ними и настigli ихъ расположившимися при морѣ, — всея кони колесницъ Фараона и всадники его и войска его, — при Пи-гахиромъ предъ Ваалъ-Цефономъ. (10) Фараонъ приближася; и подняли сыны Израиля очи свои, и вотъ, Египетъ двигается за ними; и испутились весьма, и стали вопиятъ къ Иеговѣ, (11) и сказали Моисею: или нѣтъ могилъ въ Египтѣ, что ты взялъ насъ умереть въ пустынь? что это ты сдѣлалъ съ нами, уводя насъ

изъ Египта? (12) Не это ли самое слово сказали мы тебѣ въ Египтъ, говоря: отстань отъ насъ, и будемъ мы работать на Египтянъ? ибо лучше намъ работать на Египтянъ, чѣмъ умереть намъ въ пустынь. (13) И сказалъ Моисей народу: не бойтесь, стойте и смотрите на спасеніе отъ Геговы, которое Онъ сотворитъ вамъ нынѣ; ибо Египтянъ, которыхъ видите нынѣ, уже не увидите во ажи. (14) Гегова будетъ сражаться за васъ, и вы молитесь. (15) И сказалъ Гегова Моисею: что вопіешь ко Мнѣ? Скажи сынамъ Израиля: пусть двинутся. (16) А ты подними жезлъ твой и прости руку твою на море, и раздвинь его, и войдутъ сыны Израиля въ средину моря по суши. (17) А Я, вотъ Я ожесточу сердце Египтянъ, и войдутъ они за ними; и прославлюсь Я на Фараонъ и на всея войскъ его, на колесницякъ его и на всадникакъ его. (18) И узнаютъ Египтяне, что Я — Гегова, когда прославлюсь на Фараонъ, на колесницякъ его и на всадникакъ его. (19) И двинулся Ангелъ Божій, шедшій предъ станомъ Израилевымъ, и пошелъ позади ихъ и двинулся столъ облачный отъ лица ихъ и сталъ позади ихъ, (20) и вошелъ между станомъ Египетскимъ и между станомъ Израиля, и стало облако тьмою и пробудило ночь, и не приблизился одинъ къ другому во всю ночь. (21) И простеръ Моисей руку свою на море, и погналъ Гегови море вѣтромъ восточнымъ сильнымъ всю ночь, и сдѣлалъ море сушею и раздвинулись воды. (22) И вошли сыны Израиля въ средину моря по суши, и вода была у нихъ стѣною, справа и слева. (23) И погнались Египтяне и вошли за ними, — всея кони Фараона, колесницяки его и всадники его, — въ средину моря. (24) Въ стражу утреннюю воззрѣлъ Гегова на станъ Египетскій изъ столпа огненнаго и облачнаго, и привелъ въ смятеніе станъ Египтянъ, (25) и связалъ колеса колесницъ ихъ, и заставилъ ихъ съ трудомъ двигаться; и сказалъ Египетъ: побѣду отъ Израиля, ибо Гегова сражается за нихъ противъ Египта. (26) И сказалъ Гегова Моисею: прости руку твою на море, и пусть обратятся воды на Египтянъ, на колесницяки ихъ и на всадниковъ ихъ! (27) И простеръ Моисей руку свою на море, и стало море къ утру возвращаться въ свое мѣсто, а Египтяне бѣжали ему на встрѣчу; и низвергъ Гегова Египтянъ въ

середину моря. (28) И возвратились воды и покрыли колесницы и всадниковъ всего войска Фараонова, вошедшихъ за ними въ море; не осталось изъ нихъ ни одного. (29) А сыны Израиля шли по суши среди моря; вода была у нихъ стѣною справа и слева. (30) И избавилъ Гелова въ день тотъ Израиля изъ руки Египтянъ и увидѣлъ Израиль Египтянъ мертвыми на берегу моря. (31) И увидѣлъ Израиль руку великую, что сдѣлалъ Гелова надъ Египтянами, и убоялся народъ Геловы, и повѣрилъ Гелову и Моисею рабу Ело.

14, 2. Скажи сынамъ Израиля, чтобы они поворотили. Поворотъ этотъ, по указанію 18-го стиха 13-й главы, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что евреи должны были воротить къ югу, такъ что заливъ морской у нихъ долженъ былъ оказаться слѣва, на востокѣ.

Предъ Пи-гахироомъ, то есть, не доходя еще до этого мѣста, которое должно быть южнѣе.

Между Мигдоломъ и между моремъ. Справа отъ двигавшихся на югъ, то есть, съ запада, будетъ Мигдолъ, а слѣва, съ востока, Чермное море.

Предъ Ваалъ-Цефномъ. Когда евреи еще шли, то впередихъ былъ на югѣ Пи-гахироомъ, а когда они остановились, то *передъ ними* долженъ быть Ваалъ-Цефонъ; то есть, дойдя до указаннаго въ предшествующихъ словахъ мѣста, у котораго опредѣлены и южная и западная и восточная границы, евреи должны были поворотиться лицомъ на востокъ къ Чермному морю, такъ чтобы станъ еврейскій находился прямо противъ Ваалъ-Цефона. Эти указанія заставляютъ искать Ваалъ-Цефонъ за Чермнымъ моремъ, на восточной сторонѣ залива.

Священный писатель даетъ намъ подробныя указанія мѣстности, въ которой расположенъ былъ послѣдній станъ евреевъ въ землѣ рабства: но эти указанія доселѣ не помогли еще опредѣлить мѣсто, гдѣ совершился переходъ евреевъ чрезъ Чермное море. Что сдѣлано любознательными учеными для рѣшенія этого вопроса, то еще не имѣетъ никакой твердости. Можетъ быть продолжающееся усиленное изученіе Египта и его географіи откроетъ, на какомъ мѣстѣ стояли Пи-гахироомъ, Мигдолъ и Ваалъ-Цефонъ.

Ст. 3. *Заблудились они въ этой странѣ.* Прийти къ такой мысли Фараону было очень естественно. Онъ знаетъ, что евреи уходятъ изъ Египта; но теперь они пришли въ такое мѣсто, съ котораго прямой дороги, выводящей изъ Египта, совсѣмъ нѣтъ. Чтобы выйти изъ Египта, евреямъ нужно было возвращаться назадъ; значить, они дороги не знаютъ, заблудились.

Заперла ихъ пустыня. На востокъ нельзя идти, потому что съ этой стороны море; идти на югъ—не выйдешь изъ Египта; идти на западъ—придешь въ средину Египта; на сѣверѣ уже были евреи; оттуда они и пришли. Вообще, Фараонъ разсуждалъ совершенно соотвѣтственно кажущемуся положенію дѣлъ.

Ст. 4. *И ожесточу сердце Фараона.* Страхъ, овладѣвшій Фараономъ при послѣдней Египетской казни, разсѣется и сердцемъ Фараона снова овладѣетъ желаніе не упускать изъ Египта цѣлый народъ даровыхъ работниковъ (ср. ст 5); съ этою цѣлью Фараонъ погонится за евреями.

Прославлюсь на Фараонъ и на всея войскы его. Могущество Бога истиннаго откроется еще разъ съ великою силою и ясностію; это узнаютъ преслѣдователи евреевъ, когда наступитъ ихъ гибель въ волнахъ моря; это должны будутъ исповѣдать и Египтяне, неприявшіе участіе въ погонѣ за евреями.

И съмили такъ, то есть, евреи расположились станомъ у моря, гдѣ имъ было указано.

Ст. 5. *И было возглаголю царю Египетскому, что бѣжалъ народъ.* Мысль, что еврей совсѣмъ уходитъ изъ Египта, не должна была составлять новость для Фараона. Отпуская евреевъ, онъ не упоминалъ о возвращеніи ихъ (12, 31); и другіе Египтяне заботились о томъ, чтобы поскорѣе совсѣмъ удалить евреевъ изъ своей страны (12, 33). Но видно, что и у Фараона и у другихъ Египтянъ оставалась мысль: не случится ли, что еврей опять явятся на работы? Необычность и странность пути евреевъ теперь наводили на предположеніе, что еврей не о томъ заботятся, чтобы отыскать мѣсто, удобное для совершенія праздника Іеговѣ, но о томъ, чтобы куда то уйти изъ Египта. Та же необычность избранной евреями дороги и затруднительность ихъ положенія могли дать

поводъ подумать, что евреи идутъ, сами не зная куда, что вождь ихъ оказался совсѣмъ не такимъ мудрымъ, какъ объ немъ думали, что онъ только папрасно сгубить свой народъ, заведя его въ такія мѣста, откуда нѣтъ никуда и выхода. И евреи погибнуть, и Египтяне потерпятъ большой ущербъ. Подъ влияніемъ такихъ мыслей естественно было и Фараону и Египтянамъ придти къ чувствованіямъ, выраженнымъ въ словахъ: *что это надѣлали мы, что отпустили Израиля съ работъ для насъ!*

Ст. 6 и 7. Снаряжена погоня. Въ составъ ея вошли: *шесть сотъ отборныхъ колесницъ*, подъ которыми можно разумѣть собственно военныя колесницы; *всякая колесница Египетская*, то есть, колесницы, собранныя по близости и сколько нибудь пригодныя для воиновъ; *троечники*. Подъ этимъ словомъ трудно разумѣть начальниковъ войска. Проще и сообразнѣе съ значеніемъ еврейскаго слова и греческаго перевода понимать дѣло такъ, что на каждую колесницу назначены были по три человѣка, изъ которыхъ двое должны были сражаться, а одинъ править лошадьми. Правда, что египетскіе памятники обыкновенно изображаютъ на каждой колесницѣ по одному воину. Но у другихъ народовъ становились и по два и по три человѣка на колесницу. Тоже могло бывать и у египтянъ, особенно въ случаяхъ подобныхъ настоящему, когда нужно было спѣшно отправить на не очень значительномъ количествѣ колесницъ боевую силу, достаточную для насильственнаго возвращенія многочисленнаго народа.

Ст. 8. Фараонъ погнался за сынами Израиля; *сыны же Израиля выходили силою руки высокой*. Здѣсь указывается не настроеніе духа (ср. ст. 10), съ какимъ евреи выходили изъ Египта, но причина тщетности замысловъ Фараона. Онъ погнался за евреями, думая воротить ихъ; но онъ успѣлъ забыть, что исходъ евреевъ былъ огражденъ *силою руки высокой*, то есть, сядою Божіею.

Ст. 9. Въ составѣ преслѣдующихъ поименованы отдѣльно: кони колесницъ, всадники, войско. Весь отрядъ прибылъ въ цѣломъ составѣ; отсталыхъ и недоѣхавшихъ не было, ни изъ коней, ни изъ возницъ, ни изъ посаженныхъ къ нимъ на ко-

лесницы воиновъ. Священный повѣствователь даетъ понять, что погибли не только всѣ, вошедшіе за евреями на дно морское (ст. 28), но и вообще всѣ безъ изъятія, выѣхавшіе въ погоню.

Ст. 10. *Фараонъ приближася.* Въ какой день это случилось, въ точности неизвѣстно; по преданію іудейскому, это произошло 20-го числа Нисана, вечеромъ.

Подняли сыны Израиля очи свои, и отъз, Египетъ двигается за ними; и испугались весьма. Отъ сильнаго испуга сынамъ Израиля показалось, что едва ли не весь Египетъ пустился въ поговю за ними. Чувство испуга было такъ сильно, что неоставило въ сердцѣ мѣста для памятованія о недавнихъ великихъ чудесахъ. Рабскій духъ, воспитанный многими годами рабства, выразился въ вопляхъ и укорахъ Моисею.

Ст. 11. *Или нѣтъ могилъ въ Египтѣ?* Никакой другой мысли не осталось въ евреяхъ при видѣ погони, кромѣ мысли о неизбѣжности гибели. Винавать въ ихъ неизбѣжной гибели одинъ Моисей: *ты взялъ насъ умереть въ пустынь; ты сдѣлалъ съ нами.*

Ст. 12. И прежде евреи были благоразумнѣе Моисея: еще въ Египтѣ они говорили ему: *отстань отъ насъ, и будемъ мы работать на египтянъ* (ср. 5, 21; 6, 9). Рѣчи малодумія и невѣрія они припоминаютъ, а объ свидѣтельствахъ своего довѣрія къ Моисею (4, 31) они забываютъ.

Ст. 13 и 14. *Небойтесь, стойте и смотрите на спасеніе отъ Іеговы,* то есть, не допускайте никакихъ дѣйствій, подсказываемыхъ вамъ страхомъ, не разбѣгайтесь, не мечитесь въ страхъ, а только стойте; ничего не дѣлая съ своей стороны, вы увидите, какъ спасетъ васъ Іегова. Преслѣдователей, которыхъ видите предъ собою, *уже не увидите во вѣки.*

Молчите. Это слово можетъ означать не только: «прекратите свои вопли», но и «стойте спокойно, не шевеля даже языкомъ».

Ст. 15 и 16. *Что вопиешь ко Мнѣ?* Вопль Моисея былъ молитвеннымъ призываніемъ Іеговы, чтобы Онъ явилъ теперь свою помощь, обѣщанную Моисею, и возвѣщенную уже Моисею народу. На призываніе Моисей слышитъ отвѣтъ, заключающій въ себѣ подтвержденіе прежде даннаго ему откоро-

венія. Сынамъ Израиля предстоитъ сдѣлать только одно: двинуться въ путь, прямо въ море, а Моисею — поднять жезлъ, простереть руку на море и раздвинуть его для свободнаго прохода евреевъ по его дну.

Ст. 17 и 18. Египтяне останутся вѣрны тому чувству, которое побудило ихъ погнаться за евреями (ст. 5), и пойдутъ за евреями далѣе въ море.

Прославлюсь Я. См. изъясненіе 14, 4.

Ст. 19. *И двинулся Ангелъ Божій, шедшій предъ станомъ Израилевымъ.* Ангеломъ Божиимъ здѣсь названъ столпъ облачный, шедшій впереди евреевъ (см. изъясненіе 13, 21. 22). Назвавъ этотъ столпъ Ангеломъ Божиимъ, священный писатель во второй половинѣ стиха самъ себя объясняетъ. Слова второй половины стиха: *и двинулся столпъ облачный отъ лица ихъ, и сталъ позади ихъ* составляютъ изъясненіе словъ первой половины стиха: *и двинулся Ангелъ Божій, шедшій предъ станомъ Израилевымъ, и пошелъ позади ихъ.* Такъ какъ самъ Господь шель въ столпъ облачномъ (14, 24; 13. 21): то столпъ, служившій мѣстомъ особаго присутствія и явленія Божія, и получилъ наименованіе вѣстника Божія. Тоже наименованіе дается столпу и въ другомъ мѣстѣ книги Исхода (23, 20—22; ср. 33, 15 . 17).

Ст. 20. Столпъ, шедшій впереди евреевъ, передвинулся и сталъ позади ихъ, между двумя станами, или, иначе сказать, между египтянами и евреями.

И стало облако тьмою и пробудило ночь. Этотъ переводъ составленъ въ предположеніи, что текстъ еврейскій нуждается здѣсь въ исправленіи (именно во первыхъ въ опущеніи союза и во вторыхъ, въ замѣнѣ одной горловой буквы другою). Предположеніе это основано не только на неудовлетворительности здѣсь еврейскаго текста, который даетъ рѣчь очень неясную, если не пополнять ее произвольными вставками, но и на руководствѣ перевода греческаго, который выражаетъ ту мысль, что наступила тьма и пришла ночь.

Столпъ облачный, передвинувшись въ пространство, оставшееся между евреями и египтянами, произвелъ тьму, такъ что ночь наступила здѣсь ранѣе надлежащаго времени; въ этомъ смыслѣ облако и *пробудило* ночь.

Слѣдствіемъ тьмы и преждевременнаго наступленія ночи было то, что египтяне не приблизились къ евреямъ во всю ночь.

Ст. 21. Когда Моисей, исполняя повелѣніе Божіе (ст. 16), простеръ руку съ своимъ жезломъ на море, тогда *попалъ Легова море вѣтромъ восточнымъ сильнымъ всю ночь*. Нѣтъ никакой нужды вмѣсто *восточнаго* вѣтра вводить въ изъясненіе этого слова понятіе или сѣверовосточнаго, или только вообще сильнаго вѣтра, какъ дѣлають нѣкоторые. Кто желаетъ перевести евреевъ съ одного берега на другой при помощи морскаго отлива, усиленнаго великимъ вѣтромъ: тому, конечно, *восточный* вѣтеръ не нуженъ, потому что онъ не усилилъ бы отлива. Для усиленія отлива въ Черномъ морѣ непременно нуженъ вѣтеръ съ сѣвера, съ сѣверо-востока, съ сѣверо-запада, но никакъ не съ востока; восточный вѣтеръ только наносилъ бы отливающіяся къ югу волны на западный берегъ, на которомъ стояли евреи. Но восточный вѣтеръ совершенно достаточенъ для тѣхъ толкователей, которые даютъ должную силу словамъ: *раздвинулись воды* (ст. 21) и словамъ: *вода была у нихъ стѣною, справа и слева* (ст. 22). Вѣтеръ, раздвинувшій воды такъ, что они стояли стѣнами и по правую и по лѣвую руку евреевъ шедшихъ съ запада на востокъ, и долженъ быть не сѣвернымъ, или сѣверо-восточнымъ, а только или западнымъ, или восточнымъ.

И сдѣлалъ море сушею, сушею въ томъ смыслѣ, что стало возможно идти по дну моря.

И раздвинулись воды. Эти слова стоятъ послѣ словъ: *и сдѣлалъ море сушею*. Повидимому, слѣдовало бы стоять имъ въ иномъ порядкѣ: суша открылась *послѣ* того, какъ ушли воды. Но при бдльшемъ вниманіи къ словамъ разсказа сдѣланное замѣчаніе окажется неимѣющимъ никакого значенія. Восточный вѣтеръ погналъ воду; открылось дно моря, но открылось только на опредѣленномъ пространствѣ, по ту и другую сторону котораго стояла вода высоко, *стѣною*, какъ сказано въ слѣдующемъ стихѣ. Такое положеніе, занятое водою *послѣ* того какъ она согнана была съ извѣстнаго пространства, и указывается словами: *раздвинулись воды*.

Ст. 22. Евреи вошли *въ средину моря*, то есть, пошли по дну моря.

Вода была у нихъ стѣною, справа и слева. Ясность этихъ словъ дѣлаетъ напрасными попытки давать повѣствованію или тотъ смыслъ, что евреи воспользовались отливомъ для перехода на другой берегъ, или тотъ смыслъ, что евреи нашли удобный бродъ, неизвѣстный ихъ преслѣдователямъ, или тотъ смыслъ, что евреи обогнули конецъ моря, при семъ море справа было очень къ нимъ близко. Толкователи, склонные видѣть въ словахъ повѣствованія поэтическое преувеличеніе и желающіе отдѣлать зерно истины отъ поэтическихъ прікрасъ, были бы послѣдовательнѣе въ своихъ мысляхъ, если бы оставили поиски за зерномъ истины и остались при совершенномъ отрицаніи всякихъ историческихъ основаній для разсказа священнаго повѣствователя. Тогда трудъ истолкованія долженъ былъ бы сократиться для нихъ въ слѣдующую не сложную мысль: ничему этому не вѣримъ.

Ст. 23. *И погнались египтяне и вошли за ними.* Скоро ли послѣ евреевъ египтяне вступили на дно морское, на это прямого указанія разсказъ не даетъ: но изъ словъ стиха 20-го: *и не приблизился одинъ къ другому во всю ночь*, если сравнимъ ихъ съ словами стиха 24-го, гдѣ говорится о стражѣ утренней, можно выводить заключеніе. что только къ утру, въ послѣднюю треть ночи, когда уже возможно стало усмотрѣть, что евреи ушли отъ египтянъ, послѣдніе возобновили свою поговю, разсудивъ, вѣроятно, что гдѣ пошли одни, тамъ можно будетъ пройти и другимъ.

Всѣ кони Фараона, колесницы его и всадники его. На западномъ берегу залива не остался никто изъ преслѣдователей.

Ст. 24. *Въ стражу утреннюю*, то есть, въ послѣднюю треть ночи, обвинявшую время отъ двухъ до шести часовъ утра.

Воззрѣвъ Иегова на станъ египетскій изъ столпа огненнаго и облачнаго, то есть, опредѣлилъ теперь же привести въ исполненіе назначенное египтянамъ наказаніе.

И привелъ въ смятеніе станъ египтянъ. Смятеніе могло произойти и отъ того, что египтяне могли усмотрѣть, какою необыкновенною дорогою они двигаются. и отъ того, о чемъ повѣствуетъ слѣдующій стихъ.

Ст. 25. *И связалъ колеси колесницъ ихъ.* Переводя такъ, руководствуемся переводомъ греческимъ, то есть предпочитаемъ

то еврейское чтеніе, которое имѣли передъ своими глазами греческіе переводчики, (вставляемъ одну букву въ еврейскій глаголь). Мысль, что колеса колесницъ египетскихъ были сняты Иеговою (какъ обыкновенно переводятъ), то есть соскочили съ осей, не соотвѣтствуетъ послѣдующимъ словамъ: *и заставилъ ихъ съ трудомъ двигаться*; безъ колесъ нечего было и думать о томъ, что бы двигаться впередъ, то есть продолжать преслѣдованіе. Слова: *связалъ колеса* поясняются слѣдующими за ними словами: *заставилъ ихъ съ трудомъ двигаться*. Затрудненіе въ движеніи колесъ могло увеличиваться и по причинѣ естественной: чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ могло оказываться хуже для свободнаго движенія колесъ дно морское, состояніе дна могло ухудшиться и отъ того, что по нему прошло уже много парада.

Прежде евреи были въ страхѣ; теперь страхъ напалъ на египтянъ; они рѣшились бѣжать назадъ, усмотрѣвъ, что Иегова сражается противъ Египта. Они могли усмотрѣть это не изъ однихъ только затрудненій, съ какими связано было для нихъ дальнѣйшее движеніе впередъ. Они имѣли достаточно времени замѣтить, что вступили съ своими колесницами на дорогу, совершенно не обычную, какой не бываетъ. Открытіе этой новой дороги имъ и слѣдовало изъяснить особымъ дѣйствіемъ Божіей силы.

Ст. 26 и 27. Моисей, исполняя повелѣніе Божіе (ст. 26), снова простираетъ руку свою на море, *и стало море къ утру возвращаться въ свое мѣсто, а египтяне бѣжали ему на встрѣчу*. Египтяне исполнили свое намѣреніе (ст. 25) бѣжать назадъ, но убѣжать не успѣли, потому что море стало возвращаться на свое мѣсто. Оно не вдругъ воротилось на свое мѣсто, а только стало возвращаться, и это возвращеніе началось не на всемъ протяженіи, открытомъ для перехода евреевъ, и не съ середины его, а съ Египетскаго, западнаго берега моря, *на встрѣчу бѣжавшимъ назадъ египтянамъ*.

При должномъ вниманіи къ словамъ стиха 27-го съ полною ясностію открывается бесполезность арифметическихъ выкладокъ, имѣющихъ цѣлію доказать возможность перехода евреевъ черезъ море въ продолженіе короткаго срока одной ночи. Кромѣ неизвѣстности мѣста перехода, кромѣ неизвѣст-

ности ширины моря въ этомъ мѣстѣ и ширины открытаго евреямъ прохода, нельзя упускать изъ вниманія то обстоятельство, что возвращеніе водъ началось не одновременно по всему пути евреевъ, а совершалось постепенно, начиная съ египетскаго берега, такъ что египтяне могли уже потонуть, а евреи могли еще продолжать путь по восточной половинѣ открытаго морскаго дна и употребить на это не только ночь, но и часть слѣдующаго дня.

И низвергъ Иегова египтянъ отъ средину моря. Напоромъ возвращающихся волнъ египтяне опрокинуты были съ своихъ колесницъ въ средину, то есть, на дно моря.

Ст. 28. При дальнѣйшемъ продолженіи возвращенія водъ морскихъ ими совсѣмъ покрыты были колесницы и всадники египетскіе; никто не уцѣлѣлъ.

Ст. 29. *А сыны Израиля шли по суши среди моря.* Эти слова могутъ имѣть не только смыслъ: «а напротивъ сыны Израиля прошли невредимо, не какъ египтяне», но могутъ означать и то, что «евреи продолжали свой путь невредимо и послѣ потопленія египтянъ, и вода продолжала стоять у нихъ стѣною и справа и слѣва».

Ст. 30. *И увидѣлъ Израиль египтянъ мертвыми на берегу моря.* По переходѣ евреевъ на другой берегъ принесены были волнами на тотъ же берегъ и трупы (многихъ или немногихъ,—несказано) египтянъ. На этотъ берегъ и должны были ихъ вынести волны, потому что возвращеніе водъ на свое мѣсто началось съ западнаго, египетскаго берега.

Ст. 31. *И увидѣлъ Израиль руку великую.* Объясненіе этихъ словъ даетъ самъ священный повѣствователь, прибавляя: *что сдѣлалъ Иегова надъ египтянами.* Такъ понимали взаимное отношеніе этихъ выраженій и греческіе переводчики.

И убоился народъ Иеговы, то есть, почувствовалъ благоговѣйный страхъ къ Иеговѣ, такъ грозно покаравшему египтянъ.

И повѣрилъ Иегову и Моисею, то есть, убѣдился въ истинности словъ Иеговы и Моисея и призналъ свои опасенія и вопли неосновательными.

П. Горскій-Платоновъ

(Продолженіе будетъ).

О ПОКОѢ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

(Продолженіе *).

Современныя задачи для русскаго гражданскаго законодательства о воскресномъ днѣ.

Какая задача предлежитъ теперь правительству и обществу по вопросу о празднованіи воскреснаго дня? Чего у насъ нѣтъ и введеніе чего въ законъ и обычай въ дѣлѣ освященія воскреснаго дня желательно, и какими способами желаемое должно быть достигнуто? Наконецъ, какихъ началъ нужно держаться и какими указаніями пользоваться при введеніи новыхъ мѣропріятій.

Не можетъ быть спора, что почвой, которой нужно твердо держаться при рѣшеніи вопросовъ о способахъ празднованія воскреснаго дня и въ дѣлѣ изданія новыхъ законовъ и преобразованія старыхъ касательно празднованія его, должны быть: идея праздниковъ, Священное Писаніе, древне-церковныя правила, древніе гражданскіе законы христіанскихъ государствъ, законы, церковные и гражданскіе, позднѣйшіе; должна быть также принята въ соображеніе, въ потребныхъ случаяхъ, въ руководство практика современныхъ христіанскихъ народовъ, разумѣемъ народы Запада, католическіе и протестантскіе, которые, какъ ни горько въ этомъ сознаться, ни-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1890 г. № 14.

таютъ къ воскресному дню больше уваженія и празднуютъ его гораздо лучше, нежели мы, православные русскіе.

Всего больше требованій можно предъявить касательно соблюденія въ праздничные дни покоя. Это—наше слабое мѣсто. Для большей точности въ формулировкѣ этихъ требованій нужно обратить вниманіе на главнѣйшіе виды труда въ частности; потому что, между тѣмъ какъ иныя работы, и по закону и по обычаю, въ праздники у насъ не производятся, другія считаются дозволенными и освящены обычаемъ, и возникаетъ вопросъ, нужно ли поддерживать такой обычай, или искоренять.

Земледѣльческія работы, по крайней мѣрѣ тяжелыя, въ праздники у насъ, слава Богу, не производятся. Исключенія рѣдки и большею частію вызываются неблагоприятнымъ состояніемъ погоды, т. е. причиной совершенно уважительной. Вообще, наши крестьяне, не смотря на тяжкія условія ихъ матеріальнаго существованія, соблюдаютъ праздничный покой строже многихъ другихъ классовъ общества. Кстати сказать, какъ мы замѣтили выше, и въ церковь они ходятъ и стоятъ тамъ исправнѣе, нежели люди другихъ званій. Частные случаи нарушенія святости праздниковъ производствомъ работъ, петрезвостію и нехожденіемъ въ церковь, конечно, есть и въ деревняхъ; но это—исключенія, грѣхи, незаконность которыхъ сознаютъ сами совершающіе ихъ, искоренять которые должны священники словомъ наставленія и обличенія ¹⁾. А мы говоримъ объ общемъ, вошедшемъ въ обычай, проведеніи праздниковъ у крестьянъ, о существующей нормѣ празднованія. Наши крестьяне въ дѣлѣ освященія праздниковъ могутъ подавать примѣръ даже другимъ сословіямъ. Благотворное вліяніе земледѣльческаго труда сказалось и здѣсь, какъ и во многомъ другомъ. Никакія общія нововведенія въ дѣлѣ празднованія крестьянами воскресныхъ и праздничныхъ дней по-

1) Почти повальная гуляба бываетъ у крестьянъ только въ храмовые праздники, т. е. разъ или два въ годъ, и то потому, что къ этимъ праздникамъ они обыкновенно приурочиваютъ вѣнчаніе свадебъ.

ка не нужны; бороться противъ частныхъ погрѣшностей нужно предоставить энергіи лучшихъ людей деревни.

Совсѣмъ другой обычай повелся у насъ въ торговлѣ. Торговать въ праздничные дни почти никто не находитъ предосудительнымъ. Торговля въ праздники на столько вошла въ обычай, что на всемъ широкомъ пространствѣ Россійской имперіи въ праздники она производится совершенно такъ же, какъ и въ будничные дни, а во многихъ мѣстахъ, въ которыхъ воскресные дни служатъ базарными днями, она даже расширяется.

Что съ житейской точки зрѣнія воскресные дни представляютъ наиболѣе удобное время для базаровъ, это оправдывается практикой: повсюду воскресные базары бываютъ многолюднѣе существующихъ въ тѣхъ же городахъ будничныхъ базаровъ, — многолюднѣе потому, что поселяне въ воскресные дни совершенно свободны и безъ малѣйшаго ущерба для своихъ занятій могутъ пріѣзжать въ городъ или большое село на базаръ для продажи своихъ продуктовъ и закупки необходимаго въ ихъ домашнемъ обиходѣ; кромѣ того и городскіе покупатели — потребители, будучи свободны въ воскресенье отъ своихъ дѣлъ, съ бѣльшимъ удобствомъ могутъ производить закупки на рынкѣ. Впрочемъ, крестьянамъ бываетъ особенно недосужно только въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, весной и лѣтомъ, когда, притомъ, у крестьянъ мало остается продажныхъ продуктовъ, и они не имѣютъ нужды часто пріѣзжать и на воскресные базары, почему послѣдніе весной и лѣтомъ и бываютъ обыкновенно малолюдны.

Прекращенія или, по крайней мѣрѣ, ограниченія какъ базарной, такъ и всякой вообще торговли въ праздники требуютъ интересы коренного православнаго русскаго населенія въ борьбѣ ихъ съ интересами русскихъ иновѣрцевъ, разумѣемъ евреевъ. Въ Польшѣ, западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ почти вся торговля въ рукахъ евреевъ. Въ послѣднее время они захватили значительную часть ея въ южныхъ городахъ и даже въ восточныхъ и центральныхъ. Не говоря объ Одессѣ, Севастополѣ, Ростовѣ-на-Дону, Харьковѣ и другихъ южныхъ городахъ, гдѣ въ настоящее время болѣе по-

ловины торговыхъ оборотовъ находится въ рукахъ евреевъ, даже Москва, сердце Россіи, наводнена ихъ магазинами и мелкими лавками. Ихъ исключительная способность къ торговлѣ, ихъ жажда наживы, ихъ сплоченность, ихъ скарденность, ихъ энергія и настойчивость, ихъ хитрость и изворотливость, а главное—безсовѣстность и наглое пользованіе всѣми средствами для достиженія одной цѣли—наживы посредствомъ эксплуатаціи христіанъ, которая по ихъ нравственному кодексу признается не грѣхомъ, а добродѣтелью, сдѣлали евреевъ опасными конкуррентами даже для западныхъ европейцевъ и вызвали въ Германіи, Австріи и Франціи анти-семитское движеніе. Тѣмъ страннѣе ихъ конкуренція и экономическій съ ихъ стороны гнетъ для насъ, русскихъ; потому что русскіе по мягкости своего характера, по безопасности и неразвитости не могутъ имъ оказать такого противодѣйствія, какъ западные европейцы, тѣмъ болѣе, что евреевъ въ Россіи больше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ странахъ свѣта, вмѣстѣ взятыхъ. Въ виду такой опасности, угрожающей съ теченіемъ времени принять все бѣльшіе и бѣльшіе размѣры, такъ какъ евреи все больше и больше захватываютъ въ свои руки капиталы, а вмѣстѣ съ ними и власть надъ народами, экономическую и нравственную, никакъ не слѣдуетъ пренебрегать средствами для борьбы противъ нихъ. Однимъ изъ такихъ средствъ можетъ служить воспрещеніе праздничной торговли. Теперь евреи не торгуютъ въ свои субботы и праздники, т. е. приблизительно 60 дней въ году, а тогда они не будутъ торговать 150 дней въ году. Правда, тогда и русскіе не будутъ торговать 90 дней. Но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ и теперь не торгуютъ по праздникамъ, или открываютъ лавки не во весь праздничный день, а всѣ вообще не торгуютъ въ нарочито великіе праздники, то при воспрещеніи праздничной торговли они выгадаютъ сравнительно съ евреями большее количество торговыхъ дней, нежели при настоящемъ порядкѣ.

Съ этой точки зрѣнія постановленіе Московской Городской Думы, которымъ уничтожено первое ея постановленіе объ ограниченіи праздничной торговли въ Москвѣ, кажется намъ не-

понятнымъ, не патріотичнымъ, почти безразсуднымъ, не отвѣчающимъ интересамъ самихъ же Московскихъ торговцевъ изъ русскихъ. Если бы въ Московской Думѣ было много гласныхъ изъ евреевъ, тогда было бы понятно такое постановленіе, благопріятствующее интересамъ торговцевъ-евреевъ, но не торговцевъ-русскихъ. Сколько разъ намъ приходилось слышать отъ Московскихъ лавочниковъ, что имъ крайне трудно конкуррировать въ торговлѣ съ евреями, въ послѣднія десятилѣтія чрезвычайно умножившимися въ Москвѣ и отбившими у русскихъ значительную часть торговли. Эти жалобы основательны. Пройдитесь по лучшимъ и самымъ торговымъ, съ блестящими магазинами, улицамъ Москвы: по Кузнецкому мосту, по Тверской, Петровкѣ, Лубянкѣ и Мясницкой, обратите вниманіе на фамиліи, красующіяся на магазинныхъ вывѣскахъ, и вы вынесете впечатлѣніе, что торговый центръ Москвы всего меньше принадлежитъ русскимъ, потому что на вывѣскахъ иностранныхъ именъ и фамилій гораздо больше, нежели русскихъ. Болѣе внимательное наблюденіе покажетъ, что нѣмецкія фамиліи на вывѣскахъ—это фамиліи евреевъ, и что опять не кто иной а именно еврейскіе торговцы замаскировываютъ принадлежность имъ магазиновъ вывѣсками: «Славянскій магазинъ», «Русскій базаръ», «Фениксъ», «Городъ Билефельдъ», «Голландскій магазинъ», «Городъ Нюрнбергъ» и т. п.

Невольно напрашивается сравненію современной Москвы съ Царьградомъ четвертаго и шестого вѣка. Въ эту эпоху Царьградъ былъ такимъ же центромъ православнаго Востока, какимъ въ настоящее время слыветъ Москва. Но какое огромное различіе! Изъ Царьграда, съ престоловъ царя Равноапостольнаго (Константина Великаго) и царя—мудраго законодателя (Юстиніана Великаго) исходили законы, воспрещавшіе торговлю въ воскресные дни во всей имперіи: въ Москвѣ, изъ думы ея, два года тому назадъ, тоже вышло распоряженіе касательно праздничной торговли, но этимъ распоряженіемъ торговля въ воскресные и праздничные дни не была совсѣмъ воспрещена, а только ограничена. Законы Константина Великаго и Юстиніана существовали и дѣйствовали въ ихъ имперіи

въ теченіе столѣтій; въ Москвѣ постановленіе думы не продержалось и года, будучи отмѣнено той же самой думой. Въ первомъ своемъ постановленіи дума, сама того не сознавая, подражала, хотя отчасти великимъ царямъ древняго православнаго Востока, ревновавшимъ о преуспѣяніи христіанства: но кого она взяла за образецъ во второмъ своемъ постановленіи? Въ православномъ мірѣ, на пространствѣ всѣхъ вѣковъ, отвѣта не найдешь. Москва при такомъ сопоставленіи съ Царьградомъ является тѣмъ болѣе въ невыгодномъ свѣтѣ, что вѣдь при Константинѣ Великомъ христіанство только что въ первый разъ получило значеніе господствующей религіи, и не меньше половины подданныхъ этого императора состояли изъ язычниковъ, а въ Москвѣ православные христіане составляютъ подавляющее большинство.

Можно еще такъ или иначе оправдывать праздничную торговлю экономическими соображеніями, хотя экономическіе доводы въ пользу ея и нельзя признать достаточно твердыми. Тѣмъ менѣе можно дозволить ея или оправдать съ религіозной точки зрѣнія. Никакими доводами нельзя подорвать силу трехъ слѣдующихъ положеній: 1) торговля нарушаетъ праздничный покой; 2) торговля есть такое же житейское, мірское дѣло, какъ обработка земли, или какое угодно ремесло, или вообще трудъ всякаго рабочаго; 3) торговля не есть дѣло неотложное, производство котораго нельзя отложить съ воскресенья на понедѣльникъ. Два первыхъ положенія говорятъ сами за себя и не требуютъ никакихъ доказательствъ. Въ подтвержденіе третьяго положенія достаточно сослаться на Англію, гдѣ обходятся безъ воскресной торговли безъ всякаго ущерба для экономическаго благосостоянія народа. Да и понятно, что праздничная торговля не составляетъ экономической необходимости. Нарушая праздничный покой и будучи дѣломъ житейскимъ и не неотложнымъ, торговля въ праздники, очевидно, оскверняетъ святость послѣднихъ и потому есть грѣхъ, положительное и ничѣмъ не оправдываемое нарушеніе четвертой заповѣди.

Такъ какъ, далѣе, торговля совершается публично, то производство ея въ праздники даетъ иновѣрцамъ, напр., евреямъ,

справедливый поводъ порицать христіанъ за явное и какъ бы узаконенное нарушеніе четвертой заповѣди и хулить само христіанство.

Но особенно вредна торговля въ праздники тѣмъ, что она очень многимъ препятствуетъ присутствовать при церковномъ богослуженіи. И обычная лавочная торговля въ праздники отвлекаетъ и торговцевъ, и покупателей отъ храма, но въ особенности торговля базарная и ярмарочная. И какъ нарочно, эта, такъ сказать, усиленная, удешаженная торговля именно и производится всего чаще въ праздники. Селяне уѣзжаютъ на базаръ въ городъ до свѣта или даже вечеромъ накануне и потому не могутъ присутствовать въ своей церкви ни за утреней, ни за литургіей, а съ вечеру всенощной въ селахъ не бываетъ; въ городѣ же, не имѣя возможности отойти отъ своихъ воевъ, занятые продажей и куплей, они тоже, за немногими исключеніями, въ церкви не бываютъ. Удерживаемые на базарахъ, въ церкви отсутствуютъ тѣ, которые пошли бы въ нее по своему внутреннему влеченію. Даже привыкшіе бывать въ праздники въ церкви чрезъ базарныя отлучки могутъ отвыкнуть отъ посѣщенія ея, а менѣе связанные къ церковнымъ службамъ и принужденные часто отлучаться на базары могутъ даже совсѣмъ охладѣть къ храму Божию. Затѣмъ и многимъ горожанамъ торговля въ праздники, особенно торговля усиленная, базарная, служитъ препятствіемъ къ посѣщенію церкви. Правда, торговцамъ и ихъ прикащикамъ торговля не препятствуетъ быть у утрени и ранней литургіи, такъ какъ лавки отпираются не раньше окончанія этой послѣдней. Но, несомнѣнно, многимъ изъ нихъ мысль о предстоящей торговлѣ препятствуетъ слушать службу съ должнымъ вниманіемъ и молиться не разсѣянно: иные изъ нихъ уходятъ раньше конца службы, чтобы успѣть до начала торговли выпить чаю; тѣмъ менѣе таковыя имѣютъ охоты слушать проповѣдь, не говоримъ уже о молебнѣ. «Какая ужъ это молитва: одинъ грѣхъ», говорятъ нѣкоторые изъ нихъ сами. Къ поздней же литургіи торговцы и ихъ прикащики совсѣмъ не могутъ ходить, потому что въ это время бываетъ самый разгаръ торговли. Отъ посѣщенія поздней литургіи ба-

зарная торговля отвлекаетъ и многихъ не-торговцевъ, идущихъ на рынокъ для закупки сельскихъ продуктовъ, или принужденныхъ сидѣть дома потому, что всѣ домашніе ушли или продавать, или покупать. Наконецъ, базарная торговля въ воскресные дни даетъ поводъ многимъ крестьянамъ уѣзжать изъ города въ безчувственномъ состояніи. Это язычество, или даже хуже язычества, не говоря уже о томъ, что такія поѣздки въ городъ способствуютъ только обогащенію кабатчиковъ и разоренію крестьянъ. Въ будничные базары случаи нетрезвости, безъ сомнѣнія, рѣже; потому что крестьянинъ, управившись съ дѣлами на рынкѣ, торопится домой, да и не привыкъ онъ гулять въ рабочій день.

Насколько воскресные базары не согласны съ святостію праздниковъ и возмущаютъ религіозное чувство набожныхъ людей, это выразилось въ послѣдніе 25 лѣтъ въ желаніи многихъ городскихъ управъ перенести базары съ воскресенья на будничный день. Эти заявленія знаменательны и весьма отрадны. Починъ идетъ отъ городскихъ управъ, а эти управы почти сплошь состоятъ изъ торговцевъ; отсюда можно заключать, съ одной стороны, о томъ, что уничтоженіе базарной торговли въ воскресные дни не принесетъ никакого ущерба городскимъ торговцамъ, съ другой стороны, о томъ, что базарная торговля въ воскресные дни совершенно не гармонируетъ съ покоемъ и святостію этихъ дней и что это чувствуютъ и сознаютъ даже такіе люди, которые не знаютъ церковныхъ правилъ и у которыхъ торговля въ праздники вошла въ привычку съ самаго дѣтства, какъ дѣло самое обыкновенное и естественное. Мы, русскіе, не привыкли къ инициативѣ; поэтому можно предполагать, что чего явно требуютъ 10 управъ, съ этимъ согласны 100 управъ, но только не заявляютъ по неспособности къ инициативѣ и по привычкѣ къ установившемуся строю жизни.

Намъ кажется, само правительство должно пойти на встрѣчу этимъ голосамъ, раздающимся изъ разныхъ городовъ нашего отечества, и должно взять на себя починъ въ дѣлѣ отмѣны воскресныхъ базаровъ. Не мѣшаетъ предварительно спросить мнѣнія земскихъ и городскихъ управъ, выслушать голосъ пе-

чати и разъясненія съ церковной каѳедры. Само собой понятно, что по вопросу, столь сложному и затрагивающему личные выгоды многихъ людей, голоса разойдутся. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ отмѣнить воскресные базары даже въ томъ случаѣ, если за отмѣну ихъ выскажется только меньшинство, потому что земскія и городскія управы и по личному составу ихъ, и по ихъ хозяйственному характеру будутъ обсуждать предметъ преимущественно съ экономической и узкомѣстной точки зрѣнія, и мало выикнуть въ интересы вѣри и государственнаго блага.

Что касается до повседневной лавочной торговли, то нашъ законъ ¹⁾ запрещаетъ по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ въ городахъ и селеніяхъ прежде окончанія въ приходской церкви литургіи открывать торговыя лавки (исключая тѣхъ, въ коихъ продаются съѣстные припасы и конскій кормъ) и питейные дома. Этотъ законъ не достаточенъ въ трехъ отношеніяхъ: онъ устарѣлъ, слишкомъ снисходителенъ и не полонъ. Во время изданія его въ Россіи не было обычая подъ праздника служить всенощныя; а теперь всенощной не служатъ только въ селахъ. Законодатель упустилъ изъ виду, что и ветхозавѣтные и новозавѣтные праздники, всегда начинались съ вечера, приблизительно съ 4 или съ 6 час. вечера, какъ это видно изъ Св. Писанія, соборныхъ правилъ и церковно-богослужебной практики. Вечеръ наканунѣ праздника есть время, столь же священное, какъ и утро самого праздника. А между тѣмъ законъ, запрещая торговлю во время утрени и литургіи, не запрещаетъ ея во время всенощной, и торговля въ эти часы идетъ даже особенно бойко: одни закупаютъ припасы къ празднику, другіе, радуясь окончанію шестидневной работы, спѣшатъ развлечься въ питейныхъ домахъ. Такимъ образомъ этотъ законъ по идеѣ узокъ, а на практикѣ является анахронизмомъ. Въ этомъ отношеніи теперешній законъ хуже того, который мы находимъ въ «Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича»: «противъ воскресныхъ

¹⁾ Сводъ Законовъ т. 14-й, Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 17.

дней по вся субботы православнымъ христіаномъ отъ всякія работы и отъ торговли престати и ряды затворити за три часа до вечера».

При замѣнѣ нынѣшняго закона новымъ можно было бы возобновить законъ св. Константина Великаго, подтвержденный позже другими Византійскими императорами, которымъ запрещалась торговля въ теченіе всего воскреснаго дня, за исключеніемъ торговли съѣстнымъ. Но для насъ такой законъ былъ бы слишкомъ строгъ. Довольно было бы на первыхъ порахъ воспретить торговлю, — исключая торговли самовужнѣйшими предметами, въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ съ 6 ч. вечера наканунѣ праздника до 4 часовъ праздничнаго дня, а въ селахъ, такъ какъ тамъ служатъ не всеобщую, а утреню, съ утра до вечерни. Питейныя заведенія должны быть закрыты наканунѣ съ 6 часовъ вечера и во весь праздничный день какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. По окончаніи поздней литургіи могутъ быть открываемы только такіе трактиры, которые не имѣютъ патента на продажу водки.

Само собой понятно, что въ указанные часы въ праздники не должна быть производима и ярмарочная торговля. Кромѣ того, ярмарки съ первой и послѣдней недѣли великаго поста и съ свѣтлой седмицы должны быть перенесены на другое время. Чувство всякаго истиннаго христіанина возмущается тѣмъ, что, напримѣръ, въ Ростовѣ въ теченіе первой недѣли четырехдесятницы бываетъ многолюдная ярмарка и неразлучная съ нею ярмарочная гульба. Неужели чья-либо интересы пострадали бы, если бы эта ярмарка была перенесена на одну изъ предшествующихъ недѣль?

Касательно прекращенія работъ въ праздники въ законѣ сказано глухо, что «воскресные и торжественные дни, церковные и гражданскіе, посвящаются и отдохновенію отъ трудовъ и вмѣстѣ набожному благоговѣнію»¹⁾. Въ частности, законъ²⁾ воспрещаетъ въ неприсутственные дни производить казенныя и другія публичныя работы какъ вольными, или

1) Тотъ же томъ и уставъ, ст. 19.

2) Тамъ же, ст. 30.

казенными мастерами, такъ и арестантами, кромѣ случаевъ, когда послѣдуетъ особое Высочайшее дозволеніе, и случаевъ чрезвычайныхъ, когда отъ отлагательства можетъ произойти вредъ постройкамъ, ущербъ казнѣ и остановка въ сообщеніяхъ, и за исключеніемъ тѣхъ вѣдомствъ, кои руководствуются особенными Уставами, сплюю коихъ работы по сямъ днямъ именно разрѣшаются. Такъ какъ законъ другою статьею ¹⁾ требуетъ ходить въ праздники въ церковь къ слушанію службы Божіей, а особливо литургіи, то этимъ предполагается ограниченіе въ праздники и другихъ житейскихъ дѣлъ; но прямо объ этомъ законъ ничего не говоритъ. Неполнота и неопредѣленность закона въ этомъ отношеніи очевидны. Опять-таки и въ этомъ случаѣ нынѣшній законъ по точности и опредѣленности уступаетъ изложенію соответственныхъ закоповъ въ Уложеніи Алексѣя Михайловича, гдѣ прямо сказано: «А въ воскресный день рядовъ не отпирати и ничѣмъ не торговати, опричь съѣстныхъ товаровъ и конскаго корму... А работы никакія въ воскресный день не работати; и въ господскіе праздники быть по тому же, какъ и въ воскресные дни».

По нашему мнѣнію, во всѣ неприсутственные дни, съ 6 часовъ вечера наканунѣ и во весь праздничный день закопъ долженъ запретить производить слѣдующія работы:

1) строительныя работы, а именно: работы плотниковъ, столяровъ, кладчиковъ, печниковъ, кровельщиковъ, маляровъ, обойщиковъ, каменщиковъ, мостовщиковъ, пильщиковъ, землекоповъ, стекольщиковъ, рудокоповъ;

2) работы ремесленныя, каковы: сапожное, портняжное, слесарное, кузнечное, токарное, шерстобитное, оружейное, красильное, мѣдничное, скобяное, лубяное, ювелирное, ткацкое, щеточное, типографское дѣло и всякіе другіе виды ремесленнаго производства;

3) работы по разнымъ искусствамъ: чертежное, рисовальное, граверное, фотографское, живописное и ваятельное дѣло;

1) Тамъ же, ст. 29 и 31.

4) работы поденщиковъ: ледоколовъ, древоколовъ, вощиковъ, грузильщиковъ, носильщиковъ тяжестей и т. п.,

5) фабричную, заводскую и вообще всякую машинную работу, за непознанными, необходимыми, исключеніями, каковы: работа телеграфная, пароходная, паровозная и работы на огромныхъ фабрикахъ и заводахъ; на этихъ послѣднихъ производство не можетъ быть останавливаемо, но желательно, чтобы оно въ праздники было по возможности сокращаемо;

6) рыболовство и звѣроловство въ большихъ размѣрахъ;

7) воинское, учебное, ученое, административное, судебное, канцелярское и конторское дѣло ¹⁾);

8) изъ женскаго труда: мытье, стирку, глаженье, прядево, плетенье, вышиванье, вязанье и шитье, особенно машинное;

9) товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ слѣдовало бы запретить производить по крайней мѣрѣ въ нарочито великіе праздники, какъ-то: во вторую половину страстной и пасхальной недѣль, въ дни Рождества Христова, Богоявленія, Благовѣщенія, Св. Троицы и въ прощальное воскресенье ²⁾.

¹⁾ Производство въ воскресные и другіе праздничные дни этихъ, чисто оффиціальныхъ, общественно-государственныхъ занятій издавно было воспрещаемо гражданскими законами. Такъ, Константинъ Великій не дозволилъ производить военныя занятія въ воскресные дни. Онъ же и другіе Византійскіе императоры запретили производство судебныхъ дѣлъ въ тѣ же дни, за исключеніемъ неотложныхъ или важнѣйшихъ. Вѣроятно, тѣми же законами руководствовались и у насъ на Руси послѣ принятія христіанства, а позже, въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, по этому предмету были поставлены и свои правила, согласныя съ упомянутыми законами Византійскихъ императоровъ. А именно Уложеніе воспрещаетъ производить судъ и всякія приказныя дѣла, «опричь самыхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ», и даже сидѣть въ Приказахъ въ воскресные дни, въ господскіе праздники, въ царскіе дни, въ Сырную и Пасхальную недѣли, въ первую и страстную недѣли Великаго поста. По дѣйствующему теперь закону, во всѣ такъ называемыя неприсутственные дни присутственныя мѣста (исключая должности полицейскихъ чиновъ) свободны отъ собраній, а училища отъ ученія. (Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Стат. 30). Но, какъ мы покажемъ ниже, даже въ этихъ, чисто казенныхъ, заведеніяхъ и учрежденіяхъ случаются нарушенія закона о праздничномъ покоѣ, не вызываемыя, притомъ, необходимостію и потому не извинительныя.

²⁾ Въ Швейцаріи ревнители благочестія въ послѣднее время сильно добиваются, чтобы товарное движеніе на желѣзныхъ дорогахъ было прекращаемо даже въ обыкновенные воскресные дни, а въ Англіи оно не существуетъ.

Могутъ ли быть дозволяемы въ праздники общественныя зрѣлища?

Если строго слѣдовать церковнымъ правиламъ, то нельзя допускать въ праздники представленій въ театрахъ и циркахъ. Въ Англии, дѣйствительно, таковыхъ представленій въ воскресные дни не бываетъ. Но по условіямъ современной жизни безусловное закрытіе театровъ и цирковъ въ воскресные и праздничные дни въ Россіи нельзя признать мѣрой полезной и благоразумной. Во-первыхъ, наше общество слишкомъ привыкло видѣть театры открытыми въ праздники и бывать въ нихъ; поэтому закрытіе ихъ, особенно не подготовленное, вызоветъ недовольство. Наше общество имѣетъ слишкомъ скудные богословскія понятія, чтобы оно могло уразумѣть рациональность этой мѣры, и потому оно обвинитъ Церковь и ея служителей въ безразсудной суровости, а это не можетъ не вызвать нѣкотораго охлажденія къ вѣрѣ въ немощныхъ членахъ Церкви. Во-вторыхъ, люди трудящіеся, т. е. тѣ, которымъ развлеченіе особенно полезно и необходимо, могутъ посѣщать театръ только въ праздники и было бы неблагоразумно и не справедливо лишать ихъ возможности пользоваться развлеченіемъ, лучшимъ и благороднѣйшимъ изъ всѣхъ прочихъ видовъ современныхъ развлеченій. Въ-третьихъ, самый крупный и общераспространенный порокъ русскаго народа есть его склонность къ алкоголю. Въ настоящее время алкоголь, особенно низшіе, наиболѣе употребляемые народомъ сорта его, признается ядомъ, который сокращаетъ жизнь человѣка, дѣлаетъ его малоспособнымъ къ труду какъ умственному, такъ и физическому; который заражаетъ даже и потомство пьяницы. внося въ это послѣднее предрасположеніе къ пьянству, къ первымъ болѣзнямъ, къ эпилепсіи, даже къ умопомѣшателству, который подрываетъ матеріальное благосостояніе и душевный миръ семьи; прибавимъ, что 60 процентовъ преступленій совершаются въ опьяненіи; впрочемъ, ужасныя послѣдствія порока пьянства всѣмъ извѣстны. Въ виду этого всякія развлеченія, если только они не безнравственны, принесутъ пользу, какъ скоро они будутъ служить отвлекающимъ отъ потребленія алкоголя средствомъ; а такимъ средствомъ, несомнѣнно, могутъ быть театральныя

представленія, особенно по праздничнымъ вечерамъ, когда люди чаще, чѣмъ въ какое иное время, прибѣгаютъ къ вину. Потому особенно и не слѣдуетъ закрывать театры въ воскресные и праздничные вечера, что въ эти часы люди ничѣмъ не заняты, и большинство ихъ, если бы театры были закрыты, обратились бы къ удовольствіямъ не лучшимъ, а худшимъ, нежели театральныя представленія. Изъ хорошихъ театровъ, а о таковыхъ у насъ и рѣчь идетъ,—одни выходятъ по крайней мѣрѣ не худшими, а другіе даже лучшимъ, нежели какими вошли въ нихъ; но изъ питейныхъ заведеній,—будутъ ли то пышные рестораны, или грязные мужицкіе кабаки,—очень многіе несомнѣнно и явно выходятъ худшими, нежели какими вошли въ нихъ. Если бы мы признали театры менѣе полезными, чѣмъ какими ихъ обыкновенно считаютъ, то и въ такомъ случаѣ едва ли можно было бы рекомендовать закрытіе ихъ по праздничнымъ вечерамъ; потому что изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее. Не слѣдуетъ также забывать, что какъ ветхозавѣтные, такъ и новозавѣтные праздники начинаются съ вечера наканунѣ и оканчиваются предъ вечеромъ самого праздничнаго дня, такъ что вечеръ праздника, начиная съ четырехъ, и особенно съ шести часовъ, нужно признать по праздниствомъ, или полупраздникомъ; по крайней мѣрѣ вечерня праздничнаго дня только отчасти посвящается воспоминанію событія праздника, а больше есть служба святому по праздничнаго дня. Въ крайнемъ случаѣ, отъ закрытія театровъ въ воскресные и праздничные вечера можно ждать пользы только тогда, когда въ населеніи большихъ городовъ Россіи возрастетъ уваженіе къ праздникамъ, когда въ значительной части его укоренится убѣжденіе, что посѣщеніе театральныя зрѣлищъ есть уже нѣкоторое нарушеніе святости праздниковъ и не согласимо съ важностію и священнымъ характеромъ этихъ дней. Однимъ словомъ, закрытіе театровъ въ праздники должно быть подготовлено постепенно и въ теченіе, быть можетъ, очень долгаго времени: тогда можно ждать пользы отъ подобной мѣры.

Что касается до дневныхъ представленій въ театрѣ въ праздники, то они, если уже не находятъ возможнымъ запрещать

ихъ, должны, по нашему мнѣнію, начинаться не раньше двухъ часовъ дня: будучи начинаемы раньше, напр., въ двѣнадцать, или въ двѣнадцать съ половиной часовъ, они могутъ отвлекать отъ посѣщенія поздней литургіи, которая во многихъ столичныхъ церквахъ, и особенно въ соборахъ, кончается въ двѣнадцать и даже въ первомъ часу, а между тѣмъ послѣ обѣдни люди нуждаются еще въ отдыхѣ и подкрѣпленіи себя пищей. И статья закона, что «полиція наблюдаетъ, чтобы по воскреснымъ и торжественнымъ днямъ въ городахъ и селеніяхъ прежде окончанія въ приходской церкви литургіи не были начинаемы игрища, музыка, пляски, пѣніе пѣсень по домамъ и по улицамъ, театральныя представленія и всякія иныя общенародныя забавы и увеселенія»... ¹⁾, должна быть измѣнена такъ: «не были начинаемы раньше двухчасоваго промежутка времени послѣ окончанія литургіи».

Но въ особенности не должны быть дозволяемы не только зрѣлища всякаго рода, но даже и концерты по вечерамъ наканунѣ праздниковъ; потому что даваемые въ это время представленія мало того, что оскорбляютъ святость кануновъ праздниковъ и религіозное чувство людей благочестивыхъ, но еще отвлекаютъ многихъ отъ посѣщенія храмовъ, и потому особенно вредны. Въ послѣднее время и въ большихъ и въ малыхъ городахъ распространился обычай служить всенощныя, которыя обыкновенно начинаются въ 6 час. и оканчиваются въ 8 час. Всенощныя подъ праздники посѣщаются городскими жителями охотнѣе, нежели праздничныя утрени, которыя бывають слишкомъ рано, а большинство городского населенія привыкло вставать съ постели поздно. Понятно, что увеселенія наканунѣ праздниковъ, начинающіяся въ 7 или 8 часовъ, не могутъ не отвлекать отъ посѣщенія всенощной службы какъ тѣхъ, которыя являютъся на эти увеселенія въ качествѣ зрителей, такъ и тѣхъ, которые участвуютъ въ нихъ, или прислуживають; послѣдніе, если бы даже и желали пойти въ церковь наканунѣ праздника, не могутъ этого сдѣлать. Изъ ува-

¹⁾ Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, ст. 17 XIV т. Свода Законовъ.

женія къ религіозному чувству таковыхъ и по другимъ изъясненнымъ причинамъ наканунѣ праздниковъ не должны быть разрѣшаемы даже и невинныя общественныя увеселенія, напр., концерты, подобно тому, какъ таковыя увеселенія не дозволены въ праздничныя утра. Вышеупомянутая статья (17-я) Свода Законовъ, въ которой совершенно умолчено о канунахъ праздниковъ, должна быть дополнена такъ, что «наканунѣ праздниковъ съ 6 часовъ вечера и въ праздники до 2-хъ часовъ дня не должны быть допускаемы никакія общественныя увеселенія и зрѣлища».

Кстати не можемъ умолчать о томъ, что послѣдовавшее въ запрошломъ году разрѣшеніе начинать театральныя представленія въ Москвѣ со вторника пасхальной недѣли не только прямо противно церковнымъ правиламъ, но и не согласно съ установившимся въ Москвѣ обычаемъ и вообще ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Не слѣдуетъ забывать, что вечеръ каждаго дня пасхальной недѣли есть не только праздничный вечеръ, но въ то же время онъ есть и канунъ праздника. Далѣе, прежде театральныхъ представленій въ Москвѣ не было во всю свѣтлую недѣлю, и никто на это не ропталъ, отчасти потому, что къ такому порядку привыкли, отчасти потому, что церковная служба въ эту недѣлю очень торжественна, и православные русскіе люди въ эти святые дни бываютъ настроены болѣе религіозно, чѣмъ въ другіе праздники, отчасти, наконецъ, потому, что пасха бываетъ весной, когда театральныи сезонъ уже законченъ и когда многіе предпочитаютъ прогулки на свѣжемъ воздухѣ сидѣнью въ душной театральной залѣ. Зачѣмъ же вводить въ обычай то, чего не было, чего не требуютъ и что не должно быть?

Въ теченіе всего великаго поста не должно быть допускаемо никакихъ зрѣлищъ—театральныхъ представленій, игръ въ циркѣ, живыхъ картинъ и т. п.; могутъ быть дозволены только концерты, за исключеніемъ первой и страстной недѣли. Въ настоящее время театральныя представленія на иностранныхъ языкахъ, разрѣшено давать и великимъ постомъ—разрѣшено потому, что они предназначены для иностранцевъ, которые нашихъ постовъ не соблюдаютъ. Но, по нашему мнѣнію, это

распоряженіе, вошедшее въ силу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, должно быть отмѣнено. Во-первыхъ, на эти представленія ходятъ не одни иностранцы, но и русскіе православные люди; во-вторыхъ, въ Россіи не русскіе должны приспособляться къ правамъ и обычаямъ иностранцевъ, особенно когда дѣло идетъ о религіозныхъ обычаяхъ, а, напротивъ, иностранцы обязаны подчиняться русскимъ порядкамъ, подобно тому, какъ и русскіе за границей подчиняются законамъ и порядкамъ тѣхъ государствъ, гдѣ пребываютъ. При существующемъ законѣ легкомысленная и безнравственная оперетка на иностранномъ языкѣ позволительна великимъ постомъ, а серьезная трагедія или комедія на русскомъ языкѣ не допускается; но оперетка, если бы ее играли даже на китайскомъ или турецкомъ, т. е. совершенно не понятномъ языкѣ, безъ сомнѣнія, принесетъ больше вреда, нежели какая угодно комедія или трагедія.

Замѣной зрѣлищныхъ представленій всякаго рода могутъ служить концерты, — вокальные и инструментальные, духовные и свѣтскіе, — лекціи, чтенія, собесѣдованія; равнымъ образомъ коллекціи, музеи и картинныя галереи могутъ дать пріятное и полезное препровожденіе времени и сдѣлать менѣе чувствительнымъ безусловное отсутствіе зрѣлищныхъ представленій. Желательно, чтобы всякіе вообще музеи были общедоступны, чтобы собранныя въ нихъ научныя сокровища были объясняемы, чтобы дѣло чтеній и собесѣдованій было по возможности расширено.

Нарушеніе законовъ о праздничномъ покоѣ должно быть штрафуемо. Штрафъ устанавливается закономъ. Штрафы не должны быть высокими, но за то должны быть взыскиваемы неотмѣнно, и за повторныя нарушенія закона должны быть прогрессивно увеличиваемы. Штрафъ необходимъ, какъ обезпеченіе болѣе строгаго исполненія закона. Иначе законы во многихъ случаяхъ останутся мертвой буквой и не вополнѣ достигнутъ своей цѣли. Зачѣмъ и законы писать, если ихъ не будутъ исполнять?

Замѣчательно, что въ старину наше законодательство рекомендовало взимать штрафъ за нарушеніе святости и покоя праздниковъ торговлей, хотя размѣры штрафа и не были уста-

новлены самимъ закономъ. и штрафованіе было предоставлено усмотрѣнію властей, на обязанности которыхъ лежалъ надзоръ за соблюденіемъ законовъ о провозженіи праздниковъ. Мы разумѣемъ Указъ Петра Великаго отъ 1718 г., которымъ повелѣвалось въ воскресные дни и въ господскіе праздники въ городахъ, селахъ и деревняхъ какъ въ лавкахъ, такъ и на площадяхъ, никакими товарами не торговать и того всего командующимъ смотрѣть на крѣпко *подъ опасеніемъ взятъя немалого штрафа*. Этотъ же указъ, повелѣвая всѣмъ людямъ ежегодно исповѣдываться, а въ праздники посѣщать всѣ церковныя службы, даетъ право штрафовать за уклоненія отъ исповѣди. Затѣмъ, по закону, изданному при Николаѣ Павловичѣ, за открытіе торговли во время праздничной службы, или крестнаго хода виновный подвергался денежному штрафу до трехъ разъ, а за послѣдующее нарушеніе терялъ право торговли. Неизвѣстно, часто ли власти пользовались своимъ правомъ штрафовать за упомянутыя нарушенія закона. Можно предполагать, что на первыхъ порахъ послѣ изданія закона требованія его были исполняемы и нарушенія штрафуются; но съ теченіемъ времени надзоръ ослабѣвалъ, нарушенія закона оставались безнаказанными, благодаря небрежности и еще чаще склонности къ взяткамъ чиновниковъ, все болѣе и болѣе учащались, такъ что, наконецъ, самый законъ забывался и продолжалъ существовать въ кодексѣ, а не въ жизненномъ обиходѣ. Теперь дѣйствующіе наши законы не полагаютъ штрафа за нарушенія покоя и святости праздниковъ, и только за открытіе питейныхъ заведеній раньше окончанія литургіи полагается штрафъ. Мы не знаемъ, почему наше новѣйшее законодательство отмѣнило штрафы за нарушенія законовъ о воскресномъ днѣ. Если штрафы не достигали или мало достигали своей цѣли въ прежнее время, то это еще не доказываетъ, чтобы они были безусловно бесполезны. Чтобы самое право штрафованія не осталось мертвой буквой, а получило бы примѣненіе во всѣхъ надлежащихъ случаяхъ, для достиженія этого опредѣленную часть штрафной суммы слѣдуетъ предоставлять въ пользу штрафующихъ, а остальное должно поступать въ казну, а еще лучше—на мѣстныя благотворительныя учрежденія.

Нашъ общій взглядъ на существующее законодательство тотъ, что главное наше зло не въ томъ, что наши законы о воскресномъ днѣ не совершенны,—хотя безъ сомнѣнiя, они нуждаются въ пересмотрѣ и дополненiяхъ, а въ томъ, что они находятся какъ бы въ забвенiи, что ихъ или игнорируютъ, или обходятъ, или и прямо нарушаютъ, и никто никакой отвѣтственности за это не подвергается, а это еще болѣе усиливаетъ невниманiе къ законамъ не только общества, но даже самихъ блюстителей закона—администраци и учащаетъ случаи ихъ нарушенiя. Постоянно можно видѣть случаи самаго грубаго и явнаго нарушенiя законовъ о соблюденiи воскреснаго покоя. Представимъ примѣры.

Кому не случалось слышать стукъ плотничныхъ топоровъ въ праздники, и притомъ утромъ, во время поздней обѣдни, когда не только православные, но и христіане другихъ исповѣданiй присутствуютъ при Богослуженiи? Совсе не рѣдкость видѣть, какъ на большихъ постройкахъ толпы рабочихъ съ шумомъ поднимаютъ балки въ праздничное утро. Мы лично разъ видѣли это даже при постройкѣ церкви. Не знаемъ какъ кому, а намъ всегда непрiятно и тягостно было смотрѣть на такое явное нарушенiе святости и покоя воскреснаго дня и видѣть этихъ рабочихъ, одѣтыхъ не по праздничному, въ пыли и известкѣ, точно будто они не выше и не лучше рабочаго скота. Но вѣдь и рабочему скоту гуманнiй или даже просто разумно-разсчетливый хозяинъ даетъ надлежащiй и своевременный отдыхъ. Не забудемъ, что ветхозавѣтный законъ неоднократно и настойчиво заповѣдывалъ, чтобы въ субботы рабочiй скотъ былъ освобожденъ отъ работы; а мы стремимся отнять право на праздничный отдыхъ у людей. Неужели мы, просвѣщенные христіанской вѣрой и живя въ вѣкѣ, который гордится образованностию и гуманностию, стоимъ ниже требованiй ветхозавѣтнаго закона?

Досаднѣе всего то, что работы по праздничнымъ утрамъ чаще всего производятся не по собственному желанiю рабочихъ, а по уговору со стороны подрядчиковъ и хозяевъ, которымъ это выгодно, потому что они платятъ за это большею частию угощенiемъ, или и деньгами, но меньше, чѣмъ сколько сто-

ить трудъ; съ другой стороны, и рабочіе смотрять на такую подачку, какъ на случайную находку, которую они совсѣмъ не цѣнятъ и потому безъ всякаго сожалѣнія пропиваютъ ее въ тотъ же день вечеромъ.

Живой примѣръ и ясное доказательство того, какъ ничтожна бываетъ плата рабочимъ за воскресный трудъ, мы можемъ извлечь изъ судебного производства дѣла объ архитекторахъ Каминскомъ и Поповѣ и членахъ Строительной Коммиссіи по постройкѣ дома Московскаго Купческаго Общества. Какъ извѣстно, половина этого огромнаго и еще строившагося дома рухнула въ октябрѣ 1888 года, главнымъ образомъ отъ того, что кладка разрушившихся стѣнъ производилась съ безразсудною поспѣшностію и притомъ въ сырую и холодную осеннюю погоду. Развалинами было задавлено 11 человекъ рабочихъ до смерти и 11 искалѣчено; изъ нихъ нѣсколько человекъ вскорѣ умерло отъ полученныхъ ушибовъ. На судеговореніи выяснилось, что члены Строительной Коммиссіи, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы окончить постройку дома до зимы, приказывали производить работы и въ праздники и въ воскресные дни, что и было исполняемо. Одинъ свидѣтель-кладчикъ показалъ, что за праздничную работу платили по 20 к. человекъ. Если предположить, что они работали въ праздники полдня, то и въ такомъ случаѣ эта плата была вдвое меньше дѣйствительной стоимости труда.

Подобныя нарушенія праздничнаго покоя тѣмъ предосудительнѣе, что нашъ законъ прямо воспрещаетъ производить всякія вообще строительныя работы въ праздники, за исключеніемъ работъ совершенно неотложныхъ, отъ замедленія въ производствѣ которыхъ можетъ произойти несчастіе, или убытокъ казнѣ и т. п. ¹⁾ Виновныхъ въ нарушеніи этого закона слѣдовало бы привлекать къ судебной отвѣтственности и штрафовать, чего однако рѣшительно никогда не бываетъ: по крайней мѣрѣ мы не слышали, чтобы когда-нибудь и гдѣ-нибудь въ Россіи производилось такого рода дѣло. Одна изъ ста-

¹⁾ Сводъ Законовъ. Т. 14, ч. 4. Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. Ст. 30.

тей Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій надзоръ за исполненіемъ законовъ о воскресномъ днѣ возлагаетъ на полицію; но какъ мало полиція исполняетъ, какъ мало даже она знаетъ эту свою обязанность, это извѣстно всякому, и въ частности это видно изъ дѣла о томъ же обрушившемся домѣ Московскаго Купеческаго Общества. Этотъ домъ одной стороною выходитъ на Кузнецкій мостъ, а другой обращенъ къ пассажиамъ, т. е. находится на самомъ людномъ мѣстѣ столицы. Всѣ власти полицейскія отъ высшихъ и кончая послѣднимъ городовымъ, конечно, не могли не видѣть, что кладка стѣнъ дома производилась и въ праздники, и, однако, не приняли никакихъ мѣръ къ пріостановкѣ праздничной работы. А между тѣмъ если бы работы не были производимы въ праздники, то быть можетъ стѣны и не рухнули бы, такъ какъ кладка ихъ въ такомъ случаѣ шла бы на четвертую часть медленнѣе. Общество же наше, не исключая и самой просвѣщенной части его, къ парушеніямъ воскреснаго покоя относится равнодушно.

Къ сожалѣнію, не одни грубые и склонные къ эксплуатаціи подрядчики и хозяева пользуются праздничнымъ покоемъ для своихъ выгодъ; ихъ можно отчасти извинить тѣмъ, что они не развиты, и еще тѣмъ, что они по крайней мѣрѣ сознаютъ, что работать въ праздникъ грѣхъ, и если заставляютъ работать, то дѣлаютъ это по человѣческой слабости. Но мы выше представили примѣръ, какъ образованный человѣкъ оффиціально просилъ разрѣшить производить тяжелыя работы въ праздники и въ оффиціальномъ документѣ утверждалъ, что честный трудъ въ праздники не безнравственъ.

Мало и этого: во многихъ правительственныхъ учрежденіяхъ совершаются постоянныя полуоффиціальныя нарушенія воскреснаго покоя. Въ доказательство приведемъ слова одного изъ сторонниковъ строгаго соблюденія праздничнаго покоя.

«Какъ у насъ соблюдаются, спрашиваетъ онъ ¹⁾, даже и тѣ дни, которые считаются неприсутственными и въ которые

¹⁾ Православное обозрѣніе 1882 г. Мартъ. 533—534 стр. Статья г. Никифорова.

не полагается производить занятій въ учебныхъ заведеніяхъ? И отвѣчаетъ: почитаніе и освященіе праздничныхъ дней, какъ непремѣнное и обязательное правило, фактически уже не существуютъ. Во многихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ занятія производятся почти во всѣ праздничные дни и только кончаются нѣсколько ранѣе, нежели въ будни. Многими начальствующими назначаются доклады у себя на дому. Кануновъ же праздниковъ, въ которые христіанамъ полагается быть въ церкви, вовсе не существуетъ: въ это время тоже назначаются разнаго рода засѣданія, совѣщанія, комитеты; я не говорю уже о балахъ, маскарадахъ, циркахъ... Если такой порядокъ завелся въ правительственныхъ учрежденіяхъ, то нечего уже и удивляться, что во многихъ частныхъ управленіяхъ и конторахъ занятія по праздникамъ входятъ въ условія, заключаемыя служащими. Въ нѣкоторыхъ желѣзно-дорожныхъ управленіяхъ существуютъ циркуляры, которыми всѣмъ служащимъ предписывается являться для занятій чисто канцелярскихъ во всѣ праздники, исключая первыхъ дней Пасхи, Рождества и Новаго года. Подобная эксплуатація со стороны частныхъ предпринимателей, конечно, возможна только въ томъ случаѣ, если и въ административныхъ сферахъ замѣчается пренебреженіе церковными установленіями. Такое отношеніе къ вопросамъ религіи неминуемо отражается и во многихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, и особенно въ тѣхъ, которыя не имѣютъ собственныхъ церквей. Въ нихъ въ праздничные дни назначаются всевозможныя занятія: пригонка аммуницій и платья, пріемъ вновь поступающихъ и распредѣленіе ихъ въ помѣщеніяхъ заведенія, разныя практическія работы въ полѣ, по топографіи, тактикѣ и т. п. Начальство, пріѣзжающее инспектировать училища, назначаетъ смотры тоже въ праздники. Во многихъ частяхъ войскъ въ лагерное время стрѣльба и другія занятія производятся нерѣдко и въ праздники. И все это именно въ то время, когда воспитанники и нижніе чины должны бы быть въ церкви, т. е. во время литургіи. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ войскахъ даже тѣлесные осмотры производятся по праздникамъ утромъ, т. е. опять-таки въ то время, когда совершается литургія».

Это говорить, повидимому, человѣкъ военный, быть можетъ преподаватель кадетскаго корпуса, и потому онъ привелъ примѣры оффиціального и полуоффиціального нарушенія праздничнаго покоя преимущественно изъ военнаго вѣдомства, какъ наиболѣе ему извѣстнаго, коснувшись, впрочемъ, отчасти и другихъ вѣдомствъ.

Но мы имѣемъ свѣдѣнія о томъ, что и въ другихъ свѣтскихъ вѣдомствахъ праздники нарушаются не меньше, нежели въ военномъ министерствѣ. Такъ, напр., въ школѣ фельдшерницъ при Московской Маринской больницѣ разъ экзаменъ былъ назначенъ даже въ такой великій праздникъ, какъ Троицынъ День, и не смотря на то, что фельдшерицы упрашивали главнаго доктора больницы перенести экзаменъ съ такого великаго праздника на вторникъ, ихъ просьба не была уважена, упорство тѣмъ болѣе странное, что отъ перенесенія экзамена ни чьи интересы не страдали. Безъ сомнѣнія, это не единственный случай грубаго нарушенія праздничнаго покоя лицами, состоящими на государственной службѣ, нарушенія тѣмъ болѣе возмутительнаго, что оно не вызывается никакою необходимостію или пользою, рѣшительно ничѣмъ не оправдывается. Невольно спрашиваешь себя: что же дѣлаютъ тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ контроль надъ правительственными больницами? Намъ извѣстно также, что во многихъ петербургскихъ департаментахъ занятія кончаются въ четвергъ на страстной и возобновляются въ среду на Свѣтлой недѣлѣ, тогда какъ по закону къ неприсутственнымъ днямъ принадлежатъ не два, а три послѣднихъ дня страстной и вся Свѣтлая недѣля. Удерживать чиновниковъ въ канцеляріяхъ въ Великій Четвертокъ тѣмъ болѣе безразсудно и безбожно, что чиновники только на страстной недѣлѣ и имѣютъ досугъ, да и то не полный, для того, чтобы исполнить важнѣйшій долгъ всякаго христіанина — поговѣть, исповѣдаться и причаститься, притомъ говѣющіе на страстной могутъ причащаться почти только въ четвергъ, такъ какъ въ пятницу литургіи не бываетъ, а въ субботу всѣ заняты хлопотами и приготовленіями къ празднику.

Если, такимъ образомъ, даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ явно, постоянно и часто безъ всякой необходимости

нарушаются покой и святость праздниковъ. то можно ли ожидать и требовать, чтобы подрядчики, лавочники и вообще частные работодатели исполняли законъ о воскресномъ покоѣ? Если иные изъ нихъ и исполняютъ его, то только по добросовѣстности и изъ страха Божія; блюстители же закона очень мало способствуютъ тому, чтобы народъ зналъ, уважалъ и исполнялъ государственныя законы о покоѣ и освященіи праздниковъ.

Если у насъ такъ часты, явны и безнаказанны случаи публичнаго нарушенія законовъ о воскресномъ днѣ, церковныхъ правилъ, установленнаго обычая и заповѣди Божіей, то, безъ сомнѣнія, еще чаще совершаются нарушенія ихъ въ работахъ не публичныхъ, производимыхъ дома, никому постороннему не видныхъ и не слышныхъ и потому вполнѣ ускользающихъ и отъ суда общественнаго мнѣнія и отъ надзора блюстителей закона. Можно ли ждать отъ частныхъ лицъ уваженія къ закону и строгаго исполненія его въ ихъ домашней жизни, когда они постоянно видятъ явныя нарушенія его въ публичныхъ работахъ и даже въ казенныхъ учрежденіяхъ, нарушенія со стороны тѣхъ, которые должны бы почивать на законѣ, которые призваны къ законодательной, или законоохранительной дѣятельности.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда не удобно, или невозможно явное нарушеніе законовъ о покоѣ воскреснаго дня, ихъ обходятъ. Особенно часто обходятъ законы, касающіеся зрѣлищъ. Напр., въ теченіе великаго поста нельзя давать комедій и трагедій на русскомъ языкѣ, но не запрещаются литературныя чтенія. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, частныя театры и клубы объявляютъ въ афишахъ, что будутъ прочитаны монологи изъ такой-то комедіи, а на самомъ дѣлѣ разыгрывается цѣлая комедія. Полиція же, обязанность которой слѣдить за соблюденіемъ законовъ о воскресномъ днѣ, смотритъ на подобныя уклоненія отъ закона сквозь пальцы. Вотъ почему, между прочимъ, мы предлагаемъ позаботиться не только объ исправленіи законовъ о воскресномъ днѣ, но, и это главное, объ усиленіи надзора за ихъ соблюденіемъ.

Главныя задачи законодательства касательно празднованія воскреснаго дня въ настоящее время мы можемъ выразить въ слѣдующихъ краткихъ формулахъ:

1) Пересмотрѣть все законоположенія по этому предмету, древнія и новыя, русскія и иностранныя, гражданскія и церковныя;

2) пересмотрѣть духовную и свѣтскую литературу этого предмета, русскую и иностранную, сдѣлать критическую оцѣнку ея положеній и доводовъ и воспользоваться добытыми ею результатами;

3) спросить свѣдущихъ относительно разныхъ видовъ труда людей и вообще принять къ свѣдѣнью и руководству жизненный опытъ.

4) На основаніи такого всесторонняго критическаго пересмотра предмета выработать законы о празднованіи воскреснаго дня, удержавши изъ теперешнихъ статей закона о воскресномъ днѣ не устарѣвшія и вполне цѣлесообразныя, измѣнивши, или совсѣмъ отмѣнивши статьи, въ какомъ-либо отношеніи неудовлетворительныя и дополнивши законодательство новыми статьями;

5) особое стараніе приложить къ выработкѣ такихъ статей закона и принятію такихъ мѣръ, которыми бы законы о воскресномъ днѣ, по возможности, были обезпечены отъ забвенія, обходовъ, перетолкованій, уклоненій отъ нихъ и явнаго ихъ нарушенія;

6) ввести для достиженія этой цѣли штрафы за нарушенія законовъ о воскресномъ днѣ;

7) какъ и теперь, надзоръ за соблюденіемъ законовъ о воскресномъ днѣ возложить на обязанность администраціи, но въ виду нелегкости выполненія ея привлечь, по возможности, къ этому дѣлу и само общество, въ особенности же духовенство;

8) чтобы привлечь къ новымъ законамъ сочувствіе возможно большей части общества и этимъ способомъ обезпечить ихъ добросовѣстное исполненіе, издать на первыхъ порахъ законы не обременительные для общества, даже снисходительные;

9) допустить, однако же, только такія послабленія, которыхъ требуютъ благоразуміе, здравый житейскій опытъ, настоятельная нужда и необходимость;

10) смотрѣть на издаваемые законы, какъ на временныя. и имѣть въ виду съ теченіемъ времени усилить ихъ строгость,

послѣ того, какъ войдутъ въ обычай и укоренятся законы умѣренныя, и того требуютъ указанія опыта;

11) какъ при смягченіи суровости законовъ, такъ и вообще въ дѣлѣ изданія ихъ руководствоваться вѣчными идеями и имѣть въ виду благо всего народа, или по крайней мѣрѣ большинства, а не увлекаться вѣянiями духа времени, не пренебрегать потребностей духа ради мнимаго соблюденія матеріальныхъ выгодъ и выгоды большинства не приносить въ жертву интересамъ сословій, цеховъ и т. п.;

12) по духу и основнымъ началамъ законодательство о воскресномъ днѣ должно быть религіозно-правственнымъ, какимъ оно и было у насъ всегда и въ настоящее время;

13) вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно удовлетворять требованіямъ гигиены труда и отдыха и, по возможности, соответствовать экономическому благосостоянію народа и государства.

Впрочемъ, согласовать матеріальныя выгоды народа съ религіозными потребностями вовсе не трудно. Только узкому, близоручному и пристрастному взгляду людей своекорыстныхъ и невѣрующихъ онѣ могутъ представляться несогласимыми между собой противоположностями; а на самомъ дѣлѣ, по слову Апостола Павла, *благодетіе ни все полезно есть, обитованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго*; (Тимое. 4, 8) и еще въ ветхомъ завѣтѣ законы Моисеевы о субботнемъ покоѣ одинаково удовлетворяли потребности религіозныя, экономическія и гигиеническія.

Пожелаемъ, чтобы Россіи даны были мудрыя законы объ освященіи воскреснаго дня и были приняты всѣ возможныя мѣры для точнаго ихъ примѣненія и строгаго исполненія и чтобы въ великомъ русскомъ народѣ возрасло и укрѣнилось уваженіе къ святости этого дня, столь необходимое для поддержанія и возвышенія матеріальнаго благосостоянія и развитія духовныхъ силъ Россіи.

А. Буляевъ.

(Продолженіе будетъ).

КАКЪ ДАЛЕКО МОЖЕТЪ И ДОЛЖНО ПРОСТИРАТЬСЯ

ВЛІЯНІЕ РЕЛИГІИ?

Какимъ образомъ христіанство, будучи универсальной религіей, можетъ сдѣлаться національнымъ? Славянофильскій взглядъ на католичество и протестантство какъ на формы выраженія въ религіи національнаго начала. Характеристика католичества и протестантства въ отношеніи общественнаго ихъ значенія. Значеніе принципа національности въ протестантствѣ. Можетъ ли національность быть началомъ абсолютнымъ? Национальность прежде всего—начало натуралистическое. Славянофильство и народничество. Религіозная вѣра въ отношеніи общественнаго ея значенія. Въ чемъ состоитъ универсальный характеръ христіанства? Не слѣдуетъ ли признать духъ христіанства противоположеннымъ? Самоотверженіе какъ основное начало христіанской жизни. Какъ должно понимать это начало? Разныя формы его выраженія. Возможны только два начала дѣятельности — эгоизмъ и самоотверженіе.

Въ подтвержденіе своей мысли, что русская народная жизнь неразрывную связь имѣетъ съ православіемъ, славянофилы ссылались на то, что повсюду въ Европѣ существуетъ тѣсная связь между религіей и народностію: такъ католичество есть вѣроисповѣданіе, свойственное преимущественно романской расѣ, а протестантство есть принадлежность германскаго племени. На этомъ основаніи славянофилы полагали, что православіе должно быть свойственно славянскому племени, какъ протестантство — германскому, а католичество романскому. Что всѣ древнія религіи, бывшія до христіанства, — были національными, это понятно, ибо сами были произведеніями народностей. Но какимъ образомъ христіанство, будучи религіей универсальной, можетъ сдѣлаться національнымъ? Это можетъ произойти двоякимъ образомъ: или христіанство, вошедши въ сферу дѣйствія извѣстной народности, само измѣняется со-

образно свойствамъ этой народности, и такимъ образомъ получаетъ отпечатокъ народности, становится выраженіемъ свойствъ народнаго духа, или наоборотъ — если народность воспринимается подъ исключительнымъ, или по крайней мѣрѣ, преобладающимъ вліяніемъ христіанства, тогда духъ этой народности самъ получаетъ черты, соотвѣтствующія христіанству, и такимъ образомъ уже не христіанство низводится на степень одного изъ многихъ органовъ выраженія и распространенія національнаго духа извѣстной народности, а самая народность, ея духъ національный, возвышается постепенно и очищается до той степени, что пріобрѣтаетъ значеніе органа для преимущественнаго выраженія духа, свойственнаго христіанству. Въ первомъ случаѣ неизбежно должно послѣдовать искаженіе самого христіанства: оно становится одностороннимъ, исключительнымъ, давая мѣсто развитію преимущественно одной какой-либо особенности, преобладающей въ духѣ народности. Такъ національности романскаго племени усвоили отъ древняго Рима идею всемірнаго владычества, и вотъ эта идея сдѣлалась господствующею чертою римскаго католичества. Господство власти достигается чрезъ организацію общественныхъ внѣшнихъ отношеній, чрезъ установленіе внѣшнихъ формъ поведенія. Отсюда въ католичествѣ мы видимъ формализмъ, довольствующійся внѣшнимъ порядкомъ подчиненности. Отличительная черта германскаго племени заключается въ преимущественномъ развитіи — субъективности, т. е. въ развитіи болѣе жизни внутренней, чѣмъ внѣшней. Отсюда протестантизмъ важнѣйшее значеніе въ дѣлѣ религіи усвоетъ не внѣшнимъ дѣйствіямъ и формамъ, а внутреннему настроенію, и даже полагаетъ въ немъ самое существо религіи. Внутренняя субъективная жизнь болѣе открывается въ быту домашнемъ, семейномъ, чѣмъ въ области отношеній общественныхъ. Поэтому и религіозность у протестантовъ болѣе выражается въ домашнемъ быту, чѣмъ въ жизни общественной. Католицизмъ подчиняетъ религіозную жизнь категоріи блага, пользы и рассматриваетъ религію съ точки зрѣнія этой категоріи; напротивъ, протестантизмъ подчиняетъ религіозную жизнь категоріи истины и рассматриваетъ ее въ духѣ этой категоріи.

Религія съ точки зрѣнія протестантства должна удовлетворять прежде всего и главнымъ образомъ духовной потребности познанія истинны, а такъ какъ необходимый спутникъ истины есть *признаніе* ея, являющееся послѣдствіемъ внутренняго убѣжденія, то поэтому протестантство полагаетъ въ основу религіозной жизни внутреннее убѣжденіе, тогда какъ католичество не придаетъ важнаго значенія внутреннему убѣжденію: для католичества самое главное—внѣшнее согласіе, выражаемое повиновеніемъ власти и исполненіемъ всего требуемаго ею; даже въ ученіи, а не только въ практикѣ, католицизмъ всего болѣе заботится не объ истинѣ, а о согласіи всѣхъ частей системы, о сведеніи всѣхъ ихъ къ одному началу; протестантизмъ же, основывая религіозную жизнь на внутреннемъ убѣжденіи, поэтому самому предоставляетъ свободу субъективному пониманію, слѣдствіемъ чего является отсутствіе единства какъ въ ученіи, такъ и въ практикѣ и распаденіе на отдѣльныя секты.

Если разсматривать религію какъ основаніе общественнаго порядка, какъ принципъ народно-общественной жизни, т. е. въ духѣ католичества, то, при такомъ пониманіи религіи, отношеніе къ ней по необходимости должно быть исключительно *формальнымъ*. Религія, при такомъ пониманіи ея, есть не что иное, какъ система дѣйствій, совершаемыхъ по извѣстной разѣ навсегда опредѣленной формѣ, и имѣющихъ ближайшею цѣлью установленіе и сохраненіе единообразія въ порядкѣ общественной жизни, насколько она проявляется въ религіи. Единообразіе это есть видимый знакъ и выраженіе долженствующаго быть единства духа въ обществѣ. Но этотъ духъ, заключающійся во внутреннемъ душевномъ настроеніи, которое бы проникало все общество,—какъ самихъ исполнителей извѣстныхъ религіозныхъ дѣйствій, такъ и тѣхъ, для которыхъ дѣйствія эти исполняются,—можетъ и отсутствовать. Единственно важнымъ признается только сохраненіе во всей ихъ неприкосновенности дѣйствій, имѣющихъ религіозное значеніе, поддержаніе установленнаго разѣ навсегда порядка общественной жизни. Вѣруютъ ли сами исполнители въ спасительность совершаемыхъ ими дѣйствій, какимъ правиламъ слѣ-

дуютъ они въ частной своей жизни, соотвѣтствуютъ ли вообще нравы самого общества требованіямъ религіи, это считается или совсѣмъ неважнымъ, или имѣющимъ важность второстепенную. Только такимъ исключительно формальнымъ пониманіемъ религіи можетъ быть объяснено то явленіе, что римско-католическое духовенство (въ средніе вѣка) открыто вело порочную жизнь, что въ эпоху возрожденія классицизма сама іерархія католическая способствовала возобновленію языческихъ идеаловъ и покровительствовала имъ, допускала открытое невѣріе, а іезуиты прямо возвели въ систему безнравственность и лицемеріе. При исключительно формальномъ пониманіи дѣла религіи, основою этого дѣла мало-по-малу становится не внутреннее убѣжденіе, не дѣйствительная вѣра, а духовная косность, привычка къ даннымъ формамъ жизни, въ особенности же личные интересы, которые, съ теченіемъ времени, связываются для многихъ съ сохраненіемъ существующаго порядка жизни. И само общественное воспитаніе, подъ вліяніемъ религіознаго формализма, обращается въ дѣло усвоенія чисто внѣшнихъ приемовъ обхожденія въ сношеніяхъ общественныхъ и частныхъ (таково было извѣстное свѣтское воспитаніе у французовъ), которое сдѣлалось потомъ обще-европейскимъ. Создавъ систему свѣтскаго воспитанія, при посредствѣ рыцарства, которое также было произведеніемъ католичества, католичество и само, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе получаетъ характеръ аристократическій; оно есть религія не столько народная, сколько аристократическая (высокая церковь въ Англіи), ибо та двойственность (наружный блескъ въ соединеніи съ духовною нищетою, внѣшнее, формальное благообразіе при распущенности душевной), которая составляетъ основную характеристическую черту католичества, не свойственна простой непосредственной натурѣ низшихъ классовъ: вотъ почему возстанія въ средніе вѣка противъ католичества исходили обыкновенно изъ низшихъ классовъ; поэтому же протестантство наибольшій успѣхъ имѣло въ низшихъ классахъ; крестьянскія войны были послѣдствіемъ протестантства; въ противоположность католичеству протестантство является религіею по преимуществу народною. И у насъ славяно-

фильство, провозгласившее начало народности въ дѣлѣ религій. несомнѣнно родственно, по духу своему, съ протестантствомъ; между тѣмъ какъ высшій классъ всегда былъ болѣе расположенъ къ католичеству. Протестантство справедливо обратило вниманіе на важнѣйшую сторону религій, столь пренебреженную католичествомъ, именно на сторону внутреннюю, заключающуюся въ жизни души. Вѣдь религія есть союзъ чловѣка съ Богомъ; но этотъ союзъ, какъ само собою понятно, и какъ учитъ христіанство, долженъ быть духовный; развѣ не сказано, что въ духѣ и истинѣ слѣдуетъ поклоняться Богу? Обративъ вниманіе на внутреннюю сторону религіозной жизни, протестантство, въ этомъ направленіи, пошло такъ далеко, что отвергло необходимое значеніе формальныхъ религіозныхъ дѣйствій и безусловную важность твердо установленной и неизмѣнно сохраняемой общественной организаціи въ дѣлѣ религій. Признавъ внутреннее убѣжденіе, то что называется вѣрою, не только необходимымъ условіемъ правильнаго развитія религіозной жизни, но самимъ существомъ религій (вѣра безъ дѣла спасаетъ по ученію протестантскому), протестантство этимъ самымъ предоставило каждому вѣрующему, а равно и не вѣрующему, право открыто заявлять и провозглашать свое личное убѣжденіе, и единственно лишь въ силу такого убѣжденія, — будетъ ли оно правильно или не правильно. — отдѣляться отъ установленнаго религіознаго общества; казалось бы, если существо религій заключается въ вѣрѣ, причемъ подъ вѣрою слѣдуетъ разумѣть внутреннее убѣжденіе вѣрующей души, то какимъ образомъ изъ этого принципа можетъ слѣдовать право заявлять открыто не только вѣру, но и невѣріе? Между тѣмъ это очень просто: истинный основатель церкви — Христосъ Спаситель, и Ему только принадлежитъ это достоинство. Если теперь допустить, что и каждый вѣрующій, въ чемъ-либо несогласующійся съ другими вѣрующими, можетъ заявлять свою собственную вѣру, а съ тѣмъ вмѣстѣ и основывать особое религіозное общество, въ случаѣ когда найдутся послѣдователи его вѣры, то не значитъ ли это присущее единственно лицу Спасителя достоинство усвоить всякому вѣрующему, какъ для него возможное, какъ право, которое онъ всегда мо-

жетъ осуществить. А постановленіе себя, какъ лица вѣрующаго, на одну степень съ божественнымъ достоинствомъ самаго Спасителя не есть ли переходъ отъ вѣры къ невѣрію? Въ католичествѣ одинъ только человѣкъ могъ присвоить себѣ высшее религіозное достоинство главы церкви; протестантство же предоставляетъ каждому вѣрующему право на присвоеніе такого же достоинства. И какъ первое имѣло своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе вѣры и даже прямое невѣріе, скрытое только подъ личиною роболѣпной и лицемерной преданности, ради личныхъ выгодъ, такъ послѣднее, т. е. расширеніе того же достоинства, которое усвоится папамъ, на всѣхъ вѣрующихъ тоже ведетъ къ невѣрію, только уже не къ скрытому, а открыто заявляемому. Если каждый открыто можетъ заявлять и проводить въ жизнь свою особую вѣру, то почему не можетъ также невѣрующій открыто заявлять и распространять свое невѣріе? Съ другой стороны, не каждый въ состояніи достигать такой духовной зрѣлости, чтобы имѣть дѣйствительно свои убѣжденія; не какія-либо особы, отличныя отъ положеній общепризнаваемыхъ, но самыя эти положенія, совершенно усвоенныя и претворенныя въ свою духовную собственность, а чрезъ то обращенныя во внутреннія убѣжденія, — имѣть таковыя убѣжденія, — не каждый въ состояніи, но выступать *въ роли* убѣжденнаго человѣка, принимать на себя личину убѣжденія каждый можетъ — пусть бы только сдѣлалось это моднымъ дѣломъ. Поэтому и принципъ, протестантскій, а не только католическій принципъ, полагающій существо религіи въ субъективномъ личномъ убѣжденіи, а не въ общественномъ признаніи и утвержденіи признаваемого чрезъ законоустановленное дѣйствіе совершенное уполномоченнымъ на то лицомъ, и этотъ принципъ не избавляетъ отъ притворства и обмана; вотъ почему безъ сомнѣнія и воспрещается изрекать судъ о внутреннемъ состояніи души вѣрующаго: *не судите, да не судимы будете*; внутренняя душевная жизнь вѣрующаго есть тайна открытая только предъ Богомъ. Поэтому же до времени созрѣванія жатвы плевелы не исторгаются, но оставляются расти вмѣстѣ съ пшеницею. Нельзя знать, каково въ дѣйствительности внутреннее расположеніе души въ человѣкѣ; нельзя слѣдовательно и

обязывать имѣть такое или иное убѣжденіе. Убѣжденіе есть свободное дѣйствіе духа. Отсюда, когда существо религіи полагается *единственно* во внутреннемъ настроеніи души или въ убѣжденіи, именуемомъ вѣрою, то неминуемымъ послѣдствіемъ этого принципа является требованіе такъ называемой свободы совѣсти. А требованіе свободы по необходимости должно давать равное мѣсто невѣрію наряду съ вѣрою; однимъ словомъ какъ католичество, такъ и протестантство, въ крайнемъ развитіи своего собственнаго принципа, неминуемо ведутъ къ отрицанію самихъ себя.

Католичество имѣетъ то безспорное преимущество предъ протестантствомъ, что оно устанавливаетъ крѣпкій общественный союзъ, создаетъ единство общенія между людьми, хотя и основанное не столько на внутреннемъ убѣжденіи, которое католичествомъ не требуется, сколько на внѣшней покорности и повиновеніи церковному авторитету, хотя бы такое повиновеніе было даже вынужденнымъ. Протестантство право въ томъ, что оно придаетъ большую важность въ дѣлѣ религіи внутреннему убѣжденію, но именно этотъ принципъ протестантскій, — принципъ достаточности одной лишь вѣры для спасенія, ведетъ не къ объединенію, а къ раздѣленію, не къ сохраненію и утвержденію общественнаго духа между людьми, а къ разрушенію его. Между тѣмъ не въ томъ ли и состоитъ главное дѣло религіи, чтобы созидать на землѣ царство мира, согласія и единопущія? Правда. Спаситель сказалъ, что Онъ не миръ, а мечъ принесъ на землю, по этимъ Онъ указалъ лишь на то, что не иначе должно совершиться торжество новой вѣры на землѣ какъ путемъ борьбы; раздѣленіе, произведенное христіанствомъ въ мірѣ не было собственнымъ его дѣломъ, а только способомъ его распространенія и утвержденія; по мѣрѣ же распространенія и утвержденія христіанства на землѣ, должно было постепенно обнаружиться и собственное его дѣйствіе, состоящее въ умпротвореніи, въ облагороженіи людей, смягченіи ихъ нравовъ и въ созиданіи духа общенія между ними. То-ли мы видимъ въ исторіи протестантства? Не въ самомъ началѣ борьбы его съ католичествомъ, а впоследствии, по мѣрѣ его распространенія, мы видимъ въ немъ

нарожденіе все новыхъ и новыхъ сектъ, слѣдовательно усиленіе раздѣленія, причемъ само протестантство оказывается безсильнымъ противодѣйствовать этому раздѣленію, которое имъ же самимъ производится, исходитъ изъ его же собственнаго существа. Такъ какъ въ самомъ протестантствѣ не оказывается, такимъ образомъ, начала объединяющаго, то понятно, что оно должно было взять къ себѣ на помощь постороннее для него начало, но способное оказывать именно то объединяющее дѣйствіе, котораго недостаетъ самому протестантству. Это есть начало національности, народности, котораго католичество вовсе не знало и не хотѣло знать, да и теперь оно не признаетъ этого начала, какъ чуждаго притязаніямъ католичества на всемірное владычество.

Когда для религіи опорою ея обязательнаго значенія, — силы и святости ея, служить начало для нея постороннее, каково начало національности, тогда религіозная вѣра уже не имѣетъ болѣе характера абсолютнаго, каковой она должна бы имѣть; тогда абсолютное значеніе получаетъ самое то начало, на которое опирается авторитетъ религіозной вѣры, — начало національности, вѣра же обращается въ орудіе, средство дѣйствія такого начала. Вѣрою дорожатъ, покровительствуютъ ей и заботятся объ ея распространеніи не потому, что убѣждены въ ея истинности и спасительности для духа человѣческаго, но потому единственно, что въ ней видятъ знамя своей національности; распространеніе и господство вѣры означаетъ для насъ, при подчиненіи ея началу національности, торжество и господство надъ другими собственной нашей народности; иначе сказать — господство нашей вѣры есть собственное наше торжество, а это значитъ, что и приверженность къ вѣрѣ, и стремленіе къ ея распространенію получаетъ въ такомъ случаѣ характеръ эгоистическій, своекорыстный. Каковы должны быть послѣдствія такого характера религіозности, — нетрудно предъугадать. Прежде всего, чтобы пользоваться религіею, какъ орудіемъ достиженія постороннихъ для нея цѣлей, для этого нѣтъ надобности быть вѣрующимъ, напротивъ, чтобы съ наибольшимъ успѣхомъ пользоваться религіею, какъ орудіемъ достиженія торжества своихъ національныхъ инте-

ресовъ,—даже не слѣдуетъ быть вѣрующимъ; ибо искренно вѣрующій не можетъ дѣйствовать иначе какъ только въ духѣ истины и справедливости; чего именно требуетъ религіозная вѣра, а между тѣмъ слишкомъ большая разборчивость въ средствахъ не будетъ ли только помѣхою въ достиженіи своекорыстныхъ цѣлей. Національность—начало чисто натуралистическаго характера, а потому когда возводится на степень начала абсолютнаго, то дѣйствуетъ скорѣе принижующимъ, чѣмъ возвышающимъ, образомъ; каждый рождается съ характеромъ національнымъ, со свойствами характеризующими національность, а потому трудиться надъ пріобрѣтеніемъ національнаго характера, выработывать его собственнымъ трудомъ нѣтъ нужды; національный характеръ нерѣдко ярче обнаруживается въ слабостяхъ и недостаткахъ, чѣмъ въ достоинствахъ; отсюда пристрастіе къ своей національности, возведенное въ принципъ, въ правило поведенія, въ основаніе нравственности, обыкновенно ведетъ къ ограниченности и тупости, побуждаетъ упорствовать именно въ слабостяхъ и недостаткахъ своего національнаго характера, вмѣсто того чтобы стремиться къ освобожденію духа отъ нихъ и отъ связанныхъ съ ними предразсудковъ. Однимъ изъ признаковъ такого принижующаго дѣйствія начала національности служитъ идеализація простаго, необразованнаго народа, доходившая, напр., у нашихъ славянофиловъ до такой крайности, что высшимъ классамъ предлагалось не учить народъ, а, напротивъ, самимъ у него учиться; народу, такъ говорили славянофилы, нечему отъ насъ учиться; мы можемъ только испортить, исказить его чистый неповрежденный характеръ. Если же на самомъ дѣлѣ мы любимъ не слабости и недостатки, а дѣйствительныя достоинства народнаго характера, и ими только восхищаемся, въ такомъ случаѣ мы сами себя обманываемъ, полагая, что для насъ выше всего начало національности; въ такомъ случаѣ выше всего для насъ должно быть то, чему народъ обязанъ своими достоинствами и что дальнѣйшимъ своимъ дѣйствіемъ можетъ способствовать освобожденію народа отъ его пороковъ, слабостей, недостатковъ. Для нашего народа такимъ возвышающимъ его началомъ, которому онъ обя-

занъ всѣми своими достоинствами, служило всегда и служить православіе. И точно, повидимому въ этомъ именно смыслѣ и разумѣли всегда славянофилы начало національности; въ принципъ они возводили не фактическое состояніе народной жизни и всякія безъ различія свойства народа, а лишь *идеалы*, выработанные народною жизнію; но вѣдь идеалы не откуда было народу заимствовать какъ только изъ религіи и слѣдовательно въ православіи и заключается именно существо русской національности. Почему же такъ мало заботъ прилагается о развитіи нашей народной жизни именно въ духѣ православія, а прежде всего почему самое православіе вовсе не изучается съ цѣлью постигнуть во всемъ объемѣ духъ русскаго народа? Изученіе православія считается дѣломъ специалистовъ, да и самые эти специалисты точно ли занимаются своимъ дѣломъ, объ этомъ никто не думаетъ. Интересуется ли кто нашею духовною литературою, и соотвѣтствуетъ ли эта литература своему призванію, имѣетъ ли даже она достаточныя средства для существованія, сколько-нибудь соотвѣтствующаго ея призванію? На дѣлѣ мы видимъ иное: для разъясненія народныхъ идеаловъ повидимому считается нужнымъ вовсе не изученіе православія въ его источникахъ, а изученіе *народнаго быта*. Признается, слѣдовательно, что народъ уже овладѣлъ своими идеалами, что идеалы эти прямо содержатся въ народномъ быту и нужно лишь заботиться о сохраненіи того, чѣмъ онъ обладаетъ. При этомъ происходитъ странное явленіе: сходятся въ мнѣніяхъ своихъ по этому предмету люди, между которыми казалось бы не должно быть ничего общаго. Одни, — искренно увлеченные тою мыслью, что въ православіи именно заключается наша (идеальная) народность, полагаютъ, что нужно лишь заботиться о сохраненіи того, что уже есть, что народъ въ самомъ дѣлѣ усвоилъ вполне духъ православія, а это именно и важно, что лучше того, чѣмъ каковъ онъ по духу, ему и быть незачѣмъ, къ чему же еще углубляться въ самомъ дѣлѣ въ изученіе православія; мы имъ уже обладаемъ вполне; оно содержится всецѣло въ нашей исторіи, слѣдовательно историки и археологи и должны намъ дать истинный свѣтъ національнаго самосознанія. Другіе же думаютъ такъ: народъ

нашъ вовсе не усвоилъ православія; и доселѣ онъ живетъ болѣе языческими, чѣмъ христіанскими началами; само христіанство онъ приспособилъ къ своимъ исконнымъ языческимъ понятіямъ; да это и къ лучшему: вѣдь въ какомъ видѣ дошло до насъ христіанство? оно явилось къ намъ уже испорченнымъ и зараженнымъ духомъ византизма, т. е. аскетизмомъ, который могъ бы только погубить молодую и свѣжую жизнь народа, если бы дѣйствительно народъ усвоилъ его. И то служить на пользу народа, что онъ мало образованъ, ибо значить неиспорченъ ложною цивилизаціею, которая есть продуктъ капитализма (т. е. основана на порабощеніи труда капиталомъ), — съ неизбѣжными его спутниками — раздѣленіемъ сословій, неравенствомъ состояній. Такимъ образомъ и тѣ, которые ни мало не сомнѣваются, напротивъ убѣждены въ спасительномъ дѣйствіи на нашу народную жизнь православія, и тѣ, которые совершенно отрицаютъ таковое значеніе православія, однаково думаютъ, что всего лучше, чтобы народъ оставался при томъ, чѣмъ онъ уже обладаетъ, что нужно заботиться лишь о *сохраненіи* (а не о дальнѣйшемъ развитіи и усовершеніи ихъ) народныхъ идеаловъ.

Возводя принципъ національности на степень начала абсолютнаго, нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не признать необходимости, вытекающей изъ этого принципа для каждой національности, стремиться всѣми возможными способами сначала къ тому, чтобы обезпечить свободное и независимое существованіе, а затѣмъ и къ тому, чтобы достигнуть среди другихъ преимущественнаго и наиболѣе выгоднаго положенія. А какія средства нужны для достиженія такого положенія? Нужно для этого превзойти другихъ *силою, хитростію, предусмотрительностію и настойчивостію* въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Превосходство силы необходимо для устрашенія другихъ и подавленія въ нихъ такого же стремленія къ преобладанію; хитрость и предусмотрительность необходимы для того, чтобы наилучшимъ образомъ пользоваться обстоятельствами и оплошность другихъ обращать въ свою выгоду, а настойчивость необходима для того, чтобы разъ пріобрѣтенную выгоду не только не утратить, напротивъ пріумножить новыми дальнѣй-

шими приобрѣтеніями, дѣйствуя для этого по опредѣленному плану. Не очевидно ли, что качества здѣсь поименованныя довольно близки къ тѣмъ, которыя проявляютъ и животныя въ отстаиваніи своего существованія, во взаимной борьбѣ. Означенныя качества потому именно таковы, что они могутъ быть употребляемы и на добро и на зло, слѣдовательно сами по себѣ они безразличны въ отношеніи къ тому и другому. Первоначальнымъ и основнымъ мотивомъ дѣйствія таковыхъ свойствъ служитъ обыкновенно побужденіе къ самосохраненію, эгоизмъ. Но побужденіе это является сильно дѣйствующимъ лишь тогда, когда не обезпечено существованіе, и пока это обезпеченіе не достигнуто; съ достиженіемъ же этой цѣли, оно ослабѣваетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и связь общественная, на немъ основанная, распадается. Нація, вынужденная вести сильную борьбу за существованіе, проявляетъ обыкновенно значительную энергію и жизненность только пока цѣль эта, заключающаяся въ обезпеченіи своего существованія,—не достигнута. Что иначе и быть не можетъ, это само собою понятно. Но дѣло въ томъ, возможно ли чтобы цѣлая нація руководилась въ своихъ дѣйствіяхъ, столь исключительнымъ, элементарнымъ побужденіемъ, каково побужденіе къ самосохраненію,—потребность жить, существовать. Трудно представить себѣ даже отдѣльнаго человѣка, всецѣло поглощеннаго означеннымъ побужденіемъ, а тѣмъ болѣе нація, то есть уже организованный болѣе или менѣе союзъ людей, не можетъ обходиться безъ идей далеко возвышающихъ человѣка надъ жизнію чисто животною. Конечно безъ идей нельзя быть; только самыя идеи могутъ быть разнаго характера и достоинства. Принципъ національности, будетъ ли онъ сознательно поставленъ, или же онъ дѣйствуетъ какъ инстинктивная сила, прежде всего побуждаетъ искать могущества и власти. Но историческій опытъ показалъ, что такого рода идеи не могутъ создать несокрушимаго общественнаго союза. Сколько великихъ монархій, достигавшихъ дѣйствительно всемірнаго могущества, скоро за тѣмъ рушилось. Выше конечно, по значенію и достоинству, сравнительно съ идеями господства, могущества, идея истины, какъ цѣль дѣятельности; но эта идея

можетъ быть принципомъ дѣятельности только отдѣльнаго лица (ученаго), а никакъ не цѣльнаго общественнаго союза, слѣдовательно не можетъ служить и основаніемъ для такого союза. Самою прочною, несокрушимою жизненною силою, и при томъ силою созидающею общественный союзъ, безспорно обладаетъ, если можно такъ выразиться, идея религіозная. Правда, немало и религій отжило свое время; будучи созданіями народовъ, древнія религіи не могли пережить своихъ создателей. Однакожь іудейская религія и доселѣ продолжаетъ существовать; не смотря на разсѣяніе самого народа, она и доселѣ налагаетъ на него неизгладимую печать жизненной крѣпости, индивидуальности и особености. Какъ же безконечна должна быть жизненная сила христіанства—которая, какъ религія не созданная какимъ-либо народомъ, чужда всякого исключительнаго индивидуализма, а, напротивъ, имѣетъ характеръ универсальный. Но быть можетъ этотъ именно универсальный характеръ христіанства и дѣлаетъ для него невозможнымъ созданіе крѣпкаго общественнаго союза? Возможенъ ли въ самомъ дѣлѣ союзъ общественный такого рода, который бы обнималъ все человѣчество. Не есть ли это несуществимая мечта, утопія? Могутъ сказать, что христіанство, какъ религія духовная, не ставитъ себѣ цѣлью созданіе всемірной монархіи и усвоеніе этой идеи, наслѣдованной отъ древнихъ временъ христіанству, было заблужденіемъ среднихъ вѣковъ; христіанство призвано создать духовный универсальный союзъ между людьми; такой союзъ и есть церковь, которая недаромъ именуется вселенскою. Но и церковь не обнимаетъ однако всѣ народы, не простирается на все человѣчество, слѣдовательно, если и называется вселенскою, то такова она по назначенію своему, а не по дѣйствительному своему состоянію. Не въ томъ ли, наконецъ, состоитъ универсальный характеръ христіанства, что народъ усвоившій его, каковъ русскій, дѣлается способнымъ ко всемірности и всечеловѣчности (какъ выразился Достоевскій), т. е. все объять и постигнуть своимъ духомъ, найти во всемъ иноземномъ нѣчто родственное для себя. Но замѣчательно, что эта самая черта въ характерѣ русскаго человѣка (по указанію

того же Достоевскаго) дѣлаетъ его празднымъ мечтателемъ, оторваннымъ отъ почвы, «былинкою, носящеюся по воздуху», «скитальцемъ». Если таковъ типъ созданный у насъ христіанствомъ, то повидимому правы тѣ, которые этой праздной мечтательности людей, находящихся подъ вліяніемъ религіозной экзальтаціи (напримѣръ, въ эпоху Александра Благословеннаго) противопоставляютъ трезвую правду интересовъ реальныхъ, съ которыми должна сообразоваться политика, вмѣсто того, чтобы задаваться цѣлями несбыточными, чѣмъ другіе только пользуются въ ущербъ намъ.

Ясно само собою, что такъ какъ христіанство есть религія духа, то и универсальный характеръ его долженъ быть понятъ прежде всего въ смыслѣ духовномъ, а не матеріальномъ, слѣдовательно не въ томъ, что всѣ народы должны образовать одну семью, войти въ составъ всеобщаго мірового гражданства, а въ томъ, что всѣ силы человѣческаго духа только чрезъ христіанство и въ христіанствѣ могутъ и должны получить такое стройное и всестороннее развитіе, при которомъ только и возможны крѣпость и могущество духа, долженствующія проявиться въ торжествѣ его надъ всѣми враждебными ему силами. Христіанство впервые открыло и дало человѣчеству образъ жизни вполне соотвѣтственный коренному закону духа, состоящему въ томъ требованіи, чтобы при всѣхъ обнаруженіяхъ единство и цѣльность духа были нерушимы. Классическая древность стремилась осуществить единство духа и тѣла, чувственнаго и идеально-разумнаго; христіанство же указало иную цѣль,—не единство тѣлесно-духовное, а единство духа; не въ общеніи чувственнаго съ духовнымъ, не въ союзѣ духа и тѣла—истинная задача человѣческой жизни, а въ господствѣ духа надъ тѣломъ. Общеніе между всѣми людьми возможно лишь какъ внѣшнее выраженіе и послѣдствіе болѣе или менѣе всѣми признаннаго, въ качествѣ необходимой для себя цѣли,—единства духа. Само собою понятно при этомъ, что идеаль дѣйствительно христіанской жизни можетъ быть, если не осуществленнымъ, то съ наибольшею ясностію выраженнымъ практически сначала только однимъ какимъ-либо народомъ. Образъ христіанской

жизни мы имѣемъ уже, такъ сказать, реализованнымъ во множествѣ *отдѣльныхъ* лицъ разныхъ вѣковъ и народовъ, но тотъ же образъ, конечно иначе, долженъ же получить осуществленіе и въ цѣломъ народѣ. Если предположить, что стремленіе къ осуществленію жизни христіанской сдѣлалось кореннымъ свойствомъ народнаго духа, то понятно, что идея, или принципъ національности для такого народа совпадаетъ съ идеею христіанской жизни, съ самимъ христіанствомъ; такой народъ очевидно предназначенъ явить образъ христіанской жизни, но уже не лично-индивидуальной, или частно общественной, а общенародной. Славянофилы учили, что нашъ русскій народъ именно таковъ и есть, что онъ вполне, усвоилъ духъ христіанства и проникся имъ вполне, что національный духъ русскаго народа, поэтому, неотдѣлимъ отъ православія и даже можно сказать, тождественъ съ нимъ. Не вѣришь ли было бы сказать, что такое проникновеніе христіанскимъ духомъ еще не есть дѣйствительное свойство, а только лишь является отдаленною цѣлью, къ осуществленію которой нашъ народъ предназначенъ, что приближеніе къ этой цѣли возможно развѣ въ далекомъ будущемъ. Но даже въ этомъ, такъ сказать, исправленномъ видѣ, славянофильская идея многими отрицается. Считаютъ невозможнымъ, чтобы христіанство когда-либо сдѣлалось основаніемъ не личной только или частно-общественной (монастыря), но общенародной государственной жизни. Для процвѣтанія государства, даже для существованія, необходимы и промышленность и торговля, и войско и судъ, а христіанство все это отрицаетъ. Спаситель сказалъ богатому юношѣ, что если онъ хочетъ спастись, то пусть раздастъ имущество свое нищимъ, и Онъ же сказалъ, что богатому трудно войти въ царствіе Божіе, что всякій извлекшій мечъ отъ меча погибнетъ, что враговъ не должно преслѣдовать, ни судить другъ друга, ни клясться именемъ Божіимъ, ни противиться злу. Не ясно ли, что всѣ эти требованія неприменимы къ жизни общественно-государственной, что нравственность въ томъ видѣ, какъ она установлена и требуется христіанскимъ ученіемъ, возможна развѣ для отдѣльнаго, частнаго лица, но не для государства, и

что поэтому никоимъ образомъ не должно смѣшивать обязанностей христіанина съ обязанностями гражданскими, тѣми обязанностями, которыя возлагаетъ на насъ государство; да и само христіанство не ясно ли раздѣляетъ обязанности религіозныя отъ государственныхъ (воздадите кесарево кесарю и божія Богу). Поэтому понятія о христіанской нравственности не приложимы при оцѣнкѣ государственныхъ заслугъ. Великіе государственные люди христіанскими добродѣтелями никогда не отличались; христіанство требуетъ смиренія, покорности, самоуничженія, но подобныя качества непригодны для людей призванныхъ властвовать и повелѣвать. Христіанская мораль осуждаетъ роскошь, удовольствія, веселое препровожденіе времени, а между тѣмъ все это и подобное способствуетъ развитію промысловъ, наукъ и искусствъ, а чрезъ то увеличиваетъ народное благосостояніе; христіанство учитъ пренебрегать интересами земной жизни ради и во имя неба заботиться лишь о спасеніи души, а тѣлесныя нужды оставлять безъ вниманія, довольствоваться тѣмъ, что имѣешь, а о завтрашнемъ днѣ не думать. Можетъ ли государство существовать, если бы всѣ граждане стали руководиться такими правилами?

Если останавливаться на отдѣльно взятомъ какомъ-либо изъ приведенныхъ положеній, то легко придти къ ложнымъ заключеніямъ и понять его въ превратномъ смыслѣ. Но какъ христіанство есть религія духа, то и смысла его должно искать не въ буквѣ, а въ духѣ изреченій, посредствомъ которыхъ выражено и выражается обыкновенно ученіе христіанское. А какъ мы можемъ знать, что наше изъясненіе духа христіанскаго ученія не есть произвольное? Извѣстно, что еще въ первыя времена христіанства существовалъ особый, такъ называемый аллегорическій, способъ толкованія словъ Писанія; способъ этотъ приводилъ въ древности къ самымъ хитроумнымъ, но совершенно произвольнымъ измысленіямъ, а въ новое время имъ пользовались, въ духѣ раціонализма, для того, чтобы исключить изъ христіанства все чудесное, а также недоступное простому человѣческому смыслу. Вообще означеннымъ способомъ изъясненія Писаній много злоупотребляли. Но отъ чего зависѣло это? Отъ того, что въ

самомъ основаніи этого способа лежала мысль невѣрная и произвольная, именно, что повсюду въ Писаніи существуетъ двоякій смыслъ—буквальный иносказательный, чувственный и духовный. Произвольность этого предположенія и злоупотребленія имъ еще отъ того увеличивались, что не только каждое отдѣльное изреченіе, мѣсто, но даже каждое отдѣльное слово подвергались нерѣдко особому толкованію; между тѣмъ если главное вниманіе слѣдуетъ обращать на духъ, а не на букву сказаннаго, то никакъ нельзя считать выраженіемъ духа не только отдѣльныя слова, но и отдѣльно взятая изреченія и мѣста Писанія, подобно тому какъ нельзя видѣть яснаго выраженія души въ каждой отдѣльной части тѣла, а только въ цѣломъ тѣлѣ оно можетъ быть усматриваемо; такъ равно и ученіе, изложенное въ Писаніи, необходимо разсматривать и обсуждать въ цѣломъ; по частямъ можно разсматривать лишь матеріальную величину, а никакъ не духъ. Итакъ, чтобы дѣйствительно былъ для насъ ясенъ самый духъ христіанскаго ученія, для этого нужно смотрѣть главнымъ образомъ на то, что есть общаго во всѣхъ вышеуказанныхъ положеніяхъ, которыя обыкновенно приводятся для характеристики ученія христіанскаго,—какая черта во всѣхъ ихъ повторяется, соединяетъ ихъ въ одно цѣлое и даетъ имъ единый общій смыслъ. Всѣми указанными положеніями выражается въ сущности одно требованіе, именно требованіе самоотверженія, отреченія отъ себя, которое впрочемъ и прямо не разъ выражается. Значитъ, и нужно вникнуть въ существо этого требованія и его послѣдствія для избѣжанія ложныхъ и произвольныхъ толкованій.

Замѣчательно, что хотя вѣрность самому себѣ повидимому свойство противоположное самоотрицанію, однакожь тоже одобряется и даже очевидно признается высочайшею добродѣтелью. Слѣдовательно, не всякое вообще самоотрицаніе требуется и подразумевается подъ названіемъ самоотверженія. Воздержаніе отъ грубыхъ пороковъ, страстей и слабостей, хотя бы и стовло для насъ нѣкоторыхъ успій, никоимъ образомъ не можетъ именоваться самоотверженіемъ, пбо простой здравый смыслъ, житейское благоразуміе требуетъ этого для *нашего же благопо-*

лучія; какпмъ же образомъ воздержаніе, цѣль котораго заключается въ благосостояніи собственнаго нашего я, нашей личности, возможно было бы признать самоотрицаніемъ этого же я, этой самой личности? Подъ самоотверженіемъ, значитъ, не слѣдуетъ разумѣть отрицанія всего того, что хотя и можетъ быть случайно принадлежностію нашего я, или нашей личности, но въ самое понятіе о личности человѣка, въ существо нашего я не входитъ. Такое отрицаніе не есть еще отрицаніе *себя*, а только того, что для насъ можетъ быть *своимъ*, и не болѣе. Такъ какъ основнымъ и постояннымъ свойствомъ нашей личности является ограниченность, то необходимо признать важнѣйшимъ признакомъ самоотверженія прежде всего отрицаніе своей ограниченности; какъ же возможно такое отрицаніе, если ограниченность—необходимое свойство личности; понятно, что отрицаніе ограниченности, при необходимости послѣдней, можетъ состоять лишь въ расширеніи ея; эгоистъ—это человѣкъ прежде всего узкій, ограниченный, отличающійся слишкомъ тѣснымъ кругозоромъ ¹⁾. Расширеніе кругозора есть не прямое, а косвенное отрицаніе нашей личности, нашего я, ибо состоитъ въ томъ, что свое я мы поставляемъ на мѣсто другого я, или другое я на мѣсто своего я; входя въ положеніе другого, мы какъ бы сами переживаемъ состоянія этого другого, и чрезъ то является у насъ сочувственное отношеніе къ нему, которое, потому самому, что условіемъ его служитъ поставленіе на мѣсто своего я, другого я, называется *альтруизмомъ* (*alter-ego*); сочувственное отношеніе къ другому побуждаетъ меня жертвовать нѣкоторою частью себя въ пользу этого другого. Но есть ли это на самомъ дѣлѣ самопожертвованіе; заслуживаетъ ли оно этого названія? Зачѣмъ я долженъ поставять на мѣсто своего я другое я; какой смыслъ заключается въ этой замѣнѣ одного я другимъ *такимъ же* я? На самомъ дѣлѣ никакой замѣны и не происходитъ: если я жертвую нѣкоторою частію самого себя въ

1) Часто ограниченныхъ людей восхваляютъ за ихъ добродушіе, но это ихъ добродушіе въ сущности есть равнодушіе ко всему, что лежитъ внѣ тѣснаго круга ихъ интересовъ.

пользу другого лица, то конечно поступаю такъ въ силу взаимности, т. е. потому только, что и другой также жертвуетъ собою въ пользу меня; такъ называемый альтруизмъ оказывается такимъ образомъ скрытымъ эгоизмомъ, и косвенное отрицаніе себя есть въ сущности только средство къ большому утвержденію своей самости. Самъ я не могу сдѣлать для себя все, въ чемъ нуждаюсь, необходима помощь другихъ, альтруизмъ и есть лучшее средство обезпечить для себя эту помощь. Что альтруизмъ есть только иная, усложненная форма обнаруженія эгоизма, это, говорятъ, такъ и должно быть: вѣдь эгоизмъ необходимое и основное свойство человѣческаго существа, какъ и всякого живого существа; отъ себя уйти некуда. Но одно ли это свойство есть основное и первоначальное? Другіе полагаютъ, что наряду съ эгоизмомъ, вытекающимъ изъ побужденія къ самосохраненію, столь же основнымъ и первоначальнымъ побужденіемъ, свойственнымъ всякому живому существу, слѣдуетъ признать побужденіе къ сохраненію рода. Какъ эгоизмъ есть побужденіе къ самосохраненію, возведенное въ правило дѣятельности, такъ благожеланіе и самопожертвованіе есть въ сущности выраженіе, возможное конечно только для человѣка, свойственное всѣмъ живымъ существамъ, побужденія къ сохраненію рода; это видно изъ того уже, что дѣла самопожертвованія обыкновенно совершаются въ пользу людей болѣе или менѣе близкихъ, каковы родные, друзья, соотечественники, такъ что первоначальнымъ основаніемъ благожеланія служить, очевидно, кровная связь, родство, сначала плотское (семья, родъ, племя—степени этого родства), а затѣмъ и по духу,—послѣднее обыкновенно зависимо отъ перваго (друзьями болѣею частью бываютъ люди близкіе между собою по кровному родству). Допустимъ, что источникъ самопожертвованія дѣйствительно заключается въ тѣлесномъ или духовномъ родствѣ. Ясно прежде всего, что самопожертвованіе собственно нравственное значеніе получаетъ лишь тогда, когда основаніемъ его служить родство по духу, ибо ипаче пришлось бы признать извѣстное выраженіе: какъ не порадытъ родному человѣчку—правиломъ нравственности; кровное родство есть начало дѣйствующе-

щее и у животныхъ; поэтому если порицается нерадѣніе о присныхъ, то подѣ названіемъ присныхъ слѣдуетъ разумѣть близость духовную. Различеніе духовнаго родства отъ плотскаго не имѣло бы впрочемъ столь важнаго значенія въ нравственномъ отношеніи, если бы дѣйствительно основаніемъ духовнаго родства служило всегда родство плотское, и первое было бы только слѣдствіемъ послѣдняго. Но какъ духъ человека не состоитъ въ безусловной зависимости отъ тѣла, ибо насколько духъ зависимъ отъ тѣла, настолько же, и даже болѣе, тѣло зависимо отъ духа, такъ равно и духовная связь не ограничена никакими узами тѣлеснаго, кровнаго родства; напротивъ, несостоящіе съ нами въ плотскомъ родствѣ могутъ быть ближе къ намъ духовно, чѣмъ тѣ, съ кѣмъ мы имѣемъ родственную связь тѣлесно. Между тѣмъ независимое значеніе духовныхъ отношеній не слѣдуетъ полагать въ томъ, что тѣлесная связь ограничена болѣе узкими предѣлами, чѣмъ общеніе духовное, которое можетъ простираться на все человечество. И плотское родство можетъ быть понимаемо столь же широко, и даже еще шире: теперь не ограничиваются признаніемъ единства происхожденія всѣхъ людей, но распространяютъ это единство на все животное царство; полагаютъ, что всѣ живыя существа родственны между собою и что поэтому симпатическія отношенія возможны, да и бываютъ дѣйствительно, между самыми разнородными существами. Но то остается несомнѣннымъ, что въ отношеніи къ природѣ неодушевленной одинъ только человекъ способенъ испытывать симпатическое чувство (что выразилось прежде всего въ созданіи религіозной мифологіи). Отъ чего же это происходитъ? И не здѣсь ли должно искать главнаго условія, дѣлающаго возможнымъ для человека самопожертвованіе. Дѣйствительно, какъ начало нравственности, самопожертвованіе должно имѣть основаніе свое не въ томъ, что есть общаго у человека съ другими существами (слѣдовательно, не въ родовомъ влеченіи), ибо только человекъ можетъ быть существомъ нравственнымъ, а въ томъ, чѣмъ человекъ отличается отъ другихъ существъ. Условіе это заключается въ способности духа человѣческаго отрѣшаться отъ себя самого и относиться къ себѣ, какъ чему-то

постороннему, а постороннее, иное, отличное отъ себя, напротивъ, полагать вмѣсто себя. Это именно свойство отрѣшаться отъ себя и выражается прежде всего въ томъ, что человѣкъ, черезъ перенесеніе собственной жизни и своихъ свойствъ на другое существо, можетъ и неодушевленное существо созерцать и представлять какъ одушевленное. Обладая этою способностію отвлеченія и перенесенія отвлеченнаго на тотъ или иной предметъ, человѣкъ дѣйствуетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ дѣйствовать, не только по влеченіямъ своей природы, подобно другимъ живымъ существамъ, но также по идеямъ, которыя онъ самъ болѣе или менѣе свободно образуетъ, или же усвоитъ, при чемъ идеи могутъ быть направлены противъ него же самого, противъ свойствъ его природы ¹⁾. И животное, можно сказать, жертвуетъ нѣкото-рою частію себя (самецъ и самка въ пользу дѣтенышей, факты привязанности и вѣрности животнаго человѣку), но оно это дѣлаетъ всегда по влеченію своей природы, слѣдователь-

¹⁾ Что способность къ отвлеченію—это такое особое свойство человѣческаго духа, безъ котораго нравственность, въ собственномъ смыслѣ этого слова, невозможна, истина эта не ясна даже для такихъ ученыхъ людей, которымъ этическія повѣтія и вопросы должны быть не чужды. Такъ напр. Н. М. Благовѣщенскій въ статьѣ: десятая сатира Ювенала (см. жур. Мин. народ. просвѣщ. 1890, январь), указавъ кратко содержаніе названной сатиры, говоритъ: «такова отвлеченная отъ жизни (неточное выраженіе) мораль разсматриваемой сатиры... Она живо напоминаетъ тѣ нерѣдкія и въ новой литературѣ аскетическія поученія, гдѣ отъ всѣхъ и каждаго требуются такія добровольныя лишенія и жертвы, какія очевидно не по силамъ обыкновенному человѣку. Источника этой аскетической этики Ювенала слѣдуетъ искать въ излишнемъ его увлеченіи крайними и парадоксальными положеніями стоической доктрины. Безучастіе и холодность къ такимъ парадоксамъ какъ древняго, такъ и новаго общества, хорошо уясняется умною французскою поговоркою: «qui dit trop ne dit rien». Римскій моралистъ какъ будто и самъ чувствовалъ, что зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ абстрактномъ мышленіи, такъ какъ въ концѣ сатиры задаетъ такой вопросъ: итакъ, людямъ ничего не остается для ихъ желаній?» Противъ этого разсужденія достаточно замѣтить, что мораль не имѣетъ дѣла съ желаніями, а только съ обязанностями, которыя она указываетъ, не справляясь съ тѣмъ,—удобно ли для насъ, или неудобно ихъ исполненіе, что въ стремленіи къ нравственному совершенству всегда нужно имѣть цѣль высочайшую, ибо когда больше отъ себя требуемъ, то и достигнуть можемъ большаго, что наконецъ должно различать безусловныя требованія нравственности отъ исполненія ихъ и всегда зависимаго отъ данныхъ условій жизни и потому измѣняющаго свои формы.

но безъ малѣйшей борьбы противъ себя, или своей природы, ибо и жертвуя собою, животное только выполняетъ потребность своей природы. Иной характеръ имѣетъ дѣятельность человѣческая: способность къ отрѣшенію отъ себя даетъ человѣку возможность отвлекать свое вниманіе отъ себя и всецѣло обращать его на что-либо иное, и притомъ не временно только, но постоянно, и такимъ образомъ самопроизвольно, т. е. свободно направлять свою дѣятельность на тотъ или иной объектъ; чрезъ это образуется у него неизмѣнное расположеніе, совершенно забывая о себѣ самомъ, и даже пренебрегая самимъ собою, придавать важность лишь тому иному, на что всегда устремлено его вниманіе, къ чему прикованъ его духъ.

Потребности и влеченія природы столь сильны, что и самая способность къ образованію идей нерѣдко порабощается ими и становится ихъ орудіемъ; понятно, что дѣятельность по идеямъ, хотя вообще требуетъ нѣкотораго самопожертвованія, не имѣетъ въ такомъ случаѣ нравственнаго значенія; напротивъ, оказывается обыкновенно противною истинной нравственности; такъ человѣкъ корыстолюбивый, скупой, увлекаясь идеею обогащенія, не щадитъ самого себя, стремясь къ осуществленію этой идеи, однако никто не одобритъ такого самопожертвованія; равнымъ образомъ человѣкъ чадолубивый, ради благосостоянія своихъ чадъ, себя не жалѣетъ, но и другихъ также не щадитъ. Только когда человѣкъ отдаетъ себя, и можно сказать жертвуетъ собою, на пользу такой идеи, осуществленіе которой не можетъ не быть благомъ для каждаго, только тогда онъ можетъ сказать о себѣ, что исполняетъ нравственный долгъ. Такой человѣкъ ничего не ищетъ ни для себя, ни для близкихъ ему людей, ибо конечная цѣль его дѣятельности заключается въ осуществленіи идеи, которая имѣетъ важность не для него одного, но также и для всякаго другого, по крайней мѣрѣ должна имѣть. Если предположимъ, что человѣкъ поставленъ именно на то, чтобы заботиться о благѣ другихъ, то всегда при этомъ такое благо можетъ имѣть важность только какъ средство къ достиженію блага еще болѣе общаго. Такого подчиненія блага менѣе общаго болѣе

общему требуетъ именно законъ нравственный. Начальникъ, заботящійся о благосостояніи вѣреннаго его попеченію учрежденія, можетъ и долженъ находить главный мотивъ для своей дѣятельности лишь въ идеѣ назначенія, для котораго существуетъ это учрежденіе, т. е. въ идеѣ того болѣе общаго блага, къ которому благосостояніе учрежденія относится только какъ средство. А тѣ, которые призваны заботиться о благосостояніи цѣлаго народа въ свою очередь воодушевляются вѣрою въ призваніе этого народа, вѣрою въ то благо, которое этому народу предназначено осуществить, и само собою понятно, что это можетъ быть только благо для всѣхъ другихъ народовъ, благо для всего человѣчества. Итакъ, благо человѣчества это не пустое слово, это не отвлеченность, лишенная всякаго реальнаго значенія¹⁾. Оно становится такимъ лишь когда хотятъ прямо осуществлять общее благо человѣчества, помимо исполненія своего ближайшаго предназначенія, между тѣмъ какъ общее благо человѣчества именно того и требуетъ, чтобы каждый всецѣло отдавался своему собственному дѣлу. Ни одинъ человѣкъ, какъ бы мало, повидимому, и незначительно ни было его дѣло, не можетъ вести этого дѣла должнымъ образомъ, безъ вѣры въ его важность и необходимость для общаго блага: и для исполненія малаго дѣла столь же необходимо самопожертвованіе, какъ и для великаго подвига; при отсутствіи же вѣры въ необходимость и важность дѣла, оно можетъ быть исполняемо единственно ради выгоды; но тотъ, кто дѣлаетъ что-нибудь единственно для выгоды, понятно, не станетъ собою жертвовать своему дѣлу, и высшимъ требованіемъ въ отношеніи къ такого рода дѣламъ можетъ слу-

1) *Общее человеческое благо*—терминъ потому сомнительный, что допускаетъ ложныя, недопустимыя съ нравственной точки, толкованія. Такъ, благо можетъ быть понимаемо въ смыслѣ матеріальнаго довольства, всеобщаго благополучія, а не въ смыслѣ духовномъ,—какъ нравственное совершенство, предназначенное всѣмъ; подъ названіемъ *человѣчества* можно также разумѣть не отношеніе къ человѣческому духу, который у всѣхъ людей одинаковъ по существу, а отношеніе къ людямъ, каковое отношеніе побуждаетъ большее количество людей ставить выше меньшаго, а многихъ предпочитать одному; словомъ, при оцѣнкѣ дѣйствій обращать вниманіе на отношеніе количественное (польза для наибольшаго количества), а не на качество ихъ.

жить лишь то, чтобы имя не была нарушаема справедливость, чтобы ничего не было въ нихъ противнаго нравственному закону. Съ другой стороны, если кто постоянно ищетъ для себя въ своемъ дѣлѣ одной лишь выгоды, выполняя его настолько и такъ, какъ и пасколько оно для него выгодно, то это вѣрный знакъ отсутствія въ такомъ человѣкѣ вѣры въ свое собственное дѣло; какъ бы это дѣло само по себѣ ни было важно, но оно не есть для него велѣніе воли Божіей, цѣль указанная ему Провидѣніемъ и форма выраженія своей преданности нравственному закону, а простой случай, который удобно могъ бы быть смѣненъ другимъ болѣе счастливымъ случаемъ.

Предыдущія разъясненія приводятъ къ тому заключенію, что основное требованіе христіанства, въ которомъ заключается существо нравственнаго закона, именно требованіе самопожертвованія, не только нельзя признать исключительнымъ,—напротивъ, оно столь широко и всеобъемлюще, что никакое занятіе и никакое положеніе, совмѣстимое съ общественною жизнію, не можетъ служить препятствіемъ къ его исполненію и не исключается имъ. Христіанство требуетъ прежде всего любви къ Богу и повиновенія волѣ Божіей; повиновеніе и есть выраженіе любви; а такъ какъ Богъ есть Отецъ всѣхъ и всѣмъ хочетъ спастись и въ разумъ истины придти, то ясно, что служеніе благу общему, самопожертвованіе ради этаго блага, и составляетъ конечную цѣль дѣятельности каждаго, требуемую христіанствомъ. Правда, служеніе общему благу до самопожертвованія, безспорно требуемое христіанствомъ, повидимому, противорѣчитъ аскетическому характеру христіанской морали. Не въ томъ ли состоитъ аскетическій образъ жизни, чтобы, удаляясь отъ всякаго общенія съ другими людьми, предаться уединенію единственно для спасенія своей души? Но аскетическій образъ жизни есть только, такъ сказать, болѣе очевидное и яснѣйшее выраженіе того же самаго духа самопожертвованія, отреченія отъ себя, который можетъ также проявляться, и дѣйствительно проявляется, во множествѣ другихъ формъ и способовъ дѣятельности, не требующихъ удаленія отъ общества; притомъ же, сколько бы

ни старался избравшій аскетическую жизнь уединиться, однакоже и онъ, и его подвижническая жизнь, какъ это извѣстно по многимъ историческимъ примѣрамъ, не остаются совершенно неизвѣстными обществу и оказываютъ свое дѣйствіе на другихъ, не только въ свое время, но и впоследствии, какъ свидѣтельство необычайной силы духа и какъ очевидное для всѣхъ торжество вѣры надъ противными ей силами.

Такъ какъ основное и существенное требованіе христіанской нравственности есть требованіе самопожертвованія (во имя Бога и ради спасенія души, ибо тотъ спасетъ свою душу, кто ее погубитъ), то и всѣ частныя черты христіанскаго правоученія слѣдуетъ выводить и дѣйствительно удобно выводятся изъ этого именно требованія. Кто не имѣетъ вѣры въ добро, т. е. не убѣжденъ прежде всего въ томъ, что есть *всеблагій Богъ*, который всѣмъ хочетъ спастись, и что поэтому наши усилія къ осуществленію общаго блага, которое угодно Богу и есть предметъ всесовершенной Его воли, не могутъ быть тщетными, — кто такой вѣры не имѣетъ, тотъ не станетъ собою жертвовать ради невѣдомаго ему и непризнаваемаго имъ общаго блага. Слѣдовательно, только вѣра въ добро дѣлаетъ человека способнымъ на самопожертвованіе, а вѣра въ добро, какъ принципъ дѣятельности, состоитъ въ увѣренности въ томъ, что добро сильнѣе зла и что, слѣдовательно, никакое зло не устоитъ предъ побѣдоносною силою добра. Конечно, поэтому только христіанство осуждаетъ насиліе, какъ средство противъ зла; средство это очевидно несовершенно уже потому, что само оно есть зло и, слѣдовательно, противодѣйствуя злу, оно должно порождать при этомъ другое какое-либо зло, что и дѣйствительно бываетъ обыкновенно. Съ точки зрѣнія христіанской насиліе допустимо только какъ необходимое зло, какъ ближайшее и скорѣйшее средство защиты, противодѣйствія злу, все равно какъ одна страсть, которая есть зло, побѣждается другою противоположною страстію, которая также сама по себѣ есть зло. Христіанское ученіе не есть казуистика, указующая средства пригодныя въ томъ или иномъ случаѣ; оно устанавливаетъ для дѣятельности человеческой начала вѣчныя и неизмѣнныя. Насиліе можетъ быть

полезно только какъ средство временное (средство паллятивное); постояннымъ же и кореннымъ средствомъ къ достиженію блага можетъ быть только дѣланіе добра; да и самое зло, противъ котораго затѣмъ нужда заставляетъ бороться, происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ нашей небрежности и лѣности въ дѣланіи добра. Отягченный заботами о приобрѣтеніи матеріальныхъ благъ конечно не радить о благахъ духовныхъ, а чрезъ то впадаетъ въ состояніе грубости, безчувственнаго жестокаго эгоизма и равнодушія, даже презрѣнія ко всему высокому и совершенному въ области духа, для него недоступной и непонятной; но кто заботится о приобрѣтеніи матеріальныхъ благъ не ради себя, а для общаго блага, по сознанию важности и необходимости ихъ для осуществленія цѣлей высшихъ, духовныхъ, ибо какъ духъ дѣйствуетъ посредствомъ орудій тѣлесныхъ, такъ и для достиженія духовныхъ благъ необходимы средства матеріальныя, кто въ дѣлѣ приобрѣтенія матеріальныхъ благъ поступаетъ такимъ образомъ, имѣетъ въ виду цѣли общепользныя, а не собственное только благополучіе и потому не щадитъ себя и своихъ силъ, такой человѣкъ дѣйствуетъ, очевидно, вполне согласно съ духомъ христіанской нравственности. Равнымъ образомъ смиреніе, униженіе, какъ добродѣтель христіанская, имѣя источникомъ своимъ самоотверженіе, ни мало не стоитъ въ противорѣчій съ какими-либо истинными требованіями и условіями общественной жизни. Когда источникъ смиренія и униженія заключается въ угодничествѣ и ласкательствѣ предъ лицомъ сильнымъ, облеченнымъ властію, то подкладкою такого смиренія явно служитъ эгоизмъ, желаніе достигнуть этимъ способомъ какихъ-либо выгодъ для себя; но ничего общаго не имѣетъ съ такимъ смиреніемъ; смиреніе христіанское, которое есть не что иное какъ искреннее, т. е. скрытое глубоко въ душѣ, умаленіе себя и какъ бы пренебреженіе собою, по причинѣ всецѣлаго обращенія своего вниманія и всѣхъ своихъ силъ на великую цѣль созиданія общаго блага. Такого рода смиреніе, вполне совмѣстимо, и даже необходимо соединяется, съ сознаниемъ своего достоинства, ибо сознание это въ сущности состоитъ въ при-

знаніи важности того дѣла, которому мы служимъ, а еще общѣ -- въ признаніи святости того предназначенія, которое, по христіанскому ученію, есть удѣлъ всякаго вѣрующаго. Коль скоро мы не отдѣляемъ этого своего предназначенія отъ своей личности, т. е. искренно въ него вѣруемъ и признаемъ его дѣломъ своей души, тогда очевидно поруганіе надъ нашею личностію есть оскорбленіе и самаго предназначенія ея, которое исходитъ отъ Бога, а такое оскорбленіе не должно быть очевидно допускаемо. Поэтому прощеніе обиды, которое вмѣняется въ обязанность христіанину, должно быть понимаемо какъ выраженіе свойственнаго христіанину смиренія: не придавая важнаго значенія собственной нашей личности самой по себѣ, сознавая вполне ограниченность и, такъ сказать, малость нашего я, каково оно есть въ себѣ, помимо того чѣмъ оно должно быть, мы конечно не должны придавать большой важности и тѣмъ обидамъ, которыя причисляются намъ другими по невниманію, невѣдѣнію и подобнымъ причинамъ. Легко предаются также забвенію, и должны быть предаваемы забвенію, разнаго рода обиды и злоключенія тогда, если кто добровольно подвергается имъ и переносятъ ради достиженія какой-либо великой цѣли. Но если мы сами обязаны ни во что вмѣнять обиды, причиняемыя намъ другими, то это не значитъ, что и самые обидчики въ правѣ такъ же къ нимъ относиться и за ни что считать чинимыя ими вѣны и несправедливости; если бы наше смиреніе и самоуничиженіе могло послужить поводомъ къ тому, то оно въ такомъ случаѣ было бы поощреніемъ къ совершенію дѣлъ несправедливости и, слѣдовательно, не было бы добродѣтелью, ибо возможно ли, чтобы истинная добродѣтель способствовала умноженію зла? Вотъ почему обязанность прощать обиды, хотя имѣетъ основаніе свое въ смиреніи, но съ другой стороны обусловлена раскаяніемъ тѣхъ, кому такое прощеніе даруется; зачѣмъ мы стали бы прощать своимъ обидчикамъ, когда они не нуждаются въ томъ и не желаютъ этого прощенія; наказаніе или помилованіе можетъ быть въ такомъ случаѣ только дѣломъ Божиимъ и предоставляется волѣ Божіей. Наконецъ, изъ того же христіанскаго начала оче-

видна необходимость единства и взаимной связи тѣхъ противоположныхъ сторонъ, которыя въ протестантствѣ и католичествомъ являются разъединенными, а потому имѣютъ характеръ исключительной односторонности. Выше замѣчено, что самоотверженіе не возможно безъ вѣры и можетъ быть только послѣдствіемъ вѣры. Но только въ смыслѣ внутренняго непреодолимаго убѣжденія вѣра дѣлаетъ человѣка способнымъ къ самоотверженію. Поэтому нельзя не признать протестантство правымъ въ томъ, что оно вѣрѣ придаетъ столь рѣшительное значеніе въ нравственно-религіозной жизни. Но съ другой стороны нельзя не признать не сообразнымъ съ христіанскимъ требованіемъ самоотверженія, смиренія и самоуничженія предоставляемое протестантствомъ каждому отдѣльному лицу право свободнаго толкованія истинъ вѣры и провозглашенія своихъ личныхъ мнѣній въ качествѣ принциповъ или правилъ вѣры. Существуютъ разъ навсегда установленныя формы религіозной жизни. Только при условіи безусловнаго подчиненія каждой отдѣльной личности этимъ формамъ, возможно то единство религіозной жизни, составляющее общее благо въ высшемъ значеніи этого слова, ради котораго требуется и самоотреченіе. Самое понятіе о религіи требуетъ различать въ религіозной жизни двѣ стороны: Божескую, т. е. установленную самимъ Богомъ, и человѣческую т. е. созидаемую, при помощи Божіей, самимъ человѣкомъ. Понятно, что первая сторона должна быть независима отъ произвола и усмотрѣнія человѣческаго. Эта сторона и заключается въ установленныхъ искони формахъ и священныя дѣйствія религіи. Напротивъ, человѣческая сторона религіозной жизни подлежитъ перемѣнамъ, въ зависимости отъ условій времени, и состоитъ въ различныхъ видахъ и степеняхъ усвоенія, какъ умственнаго, такъ и практически дѣятельнаго, установленныхъ началъ религіозной жизни.

Когда различаютъ мораль гражданскую отъ церковно-религіозной, частную отъ общественной, то такого рода различенія происходятъ отъ несовершенства и разностей пониманія и усвоенія единого въ существѣ своемъ духа христіанской нравственности. Какъ вообще условное бытіе, хотя имѣетъ

необходимую для себя связь съ Безусловнымъ, можетъ быть разсматриваемо само по себѣ, такъ и разнообразныя условныя явленія и отношенія жизни могутъ быть обсуждаемы и устанавливаемы по правиламъ, имѣющимъ лишь условное значеніе, слѣдовательно, независимо отъ безусловнаго и всеобщаго принципа нравственности, но это не значитъ, что правила условныя, правила гражданской морали не имѣютъ связи съ безусловнымъ религіозно нравственнымъ принципомъ нравственности. Всякія вообще правила и начала дѣятельности могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ началамъ. Таковы: *эгоизмъ* и *самоотреченіе*. Могутъ быть, конечно, устанавливаемы правила и способы дѣйствія, посредствующіе въ отношеніи къ тѣмъ началамъ, и такимъ именно средняго рода началамъ принадлежитъ наибольшее господство въ жизни, но коренное различіе означенныхъ началъ ничѣмъ не можетъ быть изглажено и устраниено. Ибо условіемъ противоположности тѣхъ началъ служитъ столь же необходимая противоположность духа и матеріи,—этѣхъ коренныхъ началъ бытія. Если духъ есть, существуетъ, то необходимымъ началомъ нравственности должно быть самоотреченіе. Если духа нѣтъ, а существуетъ только матерія, то не можетъ быть иного начала для дѣятельности практической, кромѣ эгоизма. Эгоизмъ можетъ быть смягченный, утонченный, но все же остается эгоизмомъ, какъ и матерія, претерпѣвая различныя видоизмѣненія и усложненія, достигаетъ самыхъ утонченныхъ и сложныхъ формъ строенія, но все же остается матеріею, всегда сохраняетъ всѣ свои коренныя свойства. Итакъ, вполнѣ твердое обоснованіе того или иного принципа нравственной дѣятельности,—необходимое разумѣется прежде всего для теоретическаго разсмотрѣнія вопроса, но имѣющее впрочемъ и практическую важность,—могло бы быть получено чрезъ изслѣдованіе вопроса о духѣ и матеріи, какъ основныхъ началахъ бытія.

П. Липицкій.

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА ІV.

Глава 21-я.

Благородный духъ восхищается самымъ достоинствомъ своей цѣли. Желаетъ знать, что это такъ, что его не подкупаетъ выгода?—Бываютъ два рода благодарныхъ: благодарнымъ называется тотъ, кто возвращаетъ что-нибудь взамѣнъ того, что самъ получилъ. Этотъ, быть можетъ, имѣетъ возможность показать себя: у него есть чѣмъ гордиться, что выставить на показъ. Благодарнымъ называется и тотъ, кто съ добрымъ расположеніемъ души принялъ благотвореніе и съ добрымъ расположеніемъ сознаетъ свой долгъ. Такой человѣкъ (со своимъ чувствомъ благодарности) заключенъ внутри своей совѣсти ¹⁾. Какая выгода можетъ произойти для него отъ скрытаго чувства? Но и этотъ, хотя не въ состояніи ничего сдѣлать болѣе,—тѣмъ не менѣе является благодарнымъ: онъ питаетъ любовь, сознаетъ за собой долгъ, стремится воздать благодарностью. И нѣтъ у него недостатка ни въ чемъ, чего бы ты ни пожелалъ (отъ него, какъ благодарнаго человека) еще сверхъ этого. Художникомъ, вѣдь, бываетъ даже и

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 12.

¹⁾ „*Intra conscientiam clusus est*“.—Т. е. кромѣ душевнаго расположенія ничѣмъ не можетъ проявить своего чувства благодарности.

тотъ, у кого не достаетъ инструментовъ для занятія искусствомъ; не менѣе бываетъ опытенъ въ пѣніи и тотъ, голоса котораго не позволяетъ слышать шумъ криковъ.

Я желаю воздать благодарность: послѣ этого еще мнѣ остается нѣчто сдѣлать, но остается-- не воздать благодарность, а уплатить долгъ ¹⁾. Часто, вѣдь, и воздавшій благодарность бываетъ неблагодарнымъ и не воздавшій ея--благодарнымъ, потому что оцѣнка достоинства какъ всякихъ другихъ добродѣтелей, такъ и этой (т. е. благодарности) всецѣло относится къ душѣ. Если эта послѣдняя исполняетъ свою обязанность, то во всемъ, чего не достало, виновато уже (счастіе).

Подобно тому какъ бываетъ краснорѣчивымъ даже тотъ, кто молчитъ и храбрымъ даже тотъ, кто (сидитъ) сложа руки ²⁾ или даже—у кого руки связаны; какъ кормчимъ бываетъ и находящійся на сушѣ,—ибо совершенное знаніе не заключаетъ въ себѣ никакого недостатка и въ томъ случаѣ, когда что-нибудь препятствуетъ имъ пользоваться,—такъ является благодарнымъ и тотъ, кто только желаетъ (этого), (хотя) и не имѣетъ никакого другого свидѣтеля этого желанія, кромѣ самого себя. Скажу даже болѣе. Иногда бываетъ благодарнымъ и тотъ, кто представляется неблагодарнымъ, кого общественное мнѣніе—этотъ дурной истолкователь,—выводитъ въ противоположномъ свѣтѣ. Чему иному слѣдуетъ этотъ человѣкъ, какъ не (голосу) самой совѣсти, которая доставляетъ радость даже будучи подавлена, которая протестуетъ противъ общества и молвы, все полагаетъ въ себѣ самой и которая усмотрѣвъ на другой сторонѣ громадную массу людей, мыслящихъ противоположнымъ образомъ, не пересчитываетъ голосовъ, но одерживаетъ верхъ однимъ своимъ приговоромъ? ³⁾.

1) „*Non ut gratus, sed ut solutus sim*“. Здѣсь, какъ видно, снова разъясняется отлчіе благодарности въ собственномъ смыслѣ отъ уплаты долга, т. е. вѣшняго проявленія чувства благодарности чрезъ матеріальное вознагражденіе. Ср. *Benef. Lib. I, c. 5* и др.

2) „*Compressis manibus*“—образное выраженіе, обозначающее состояніе покоя;—употреблялось въ видѣ пословицы.

3) „*Non numerat suffragia, sed una sententia vincit*“.—Образъ взятъ изъ судебной правды. Въ такъ наз. народныхъ судахъ (*judicia populi*) по уголовнымъ

Если же такой человекъ видитъ, что честность подвергается гоненіямъ со стороны вѣроломства, то онъ не сходитъ со своей высоты, а стоитъ превыше того мученія (которому его подвергаютъ): «я обладаю», говоритъ онъ, тѣмъ, чего желалъ, къ чему стремился; и не раскаиваюсь и не стану раскаиваться; никакой невзгодой судьба не доведетъ меня до того, чтобы слышать (отъ меня такія слова): «чего желалъ я себѣ? Какую пользу мнѣ приносить теперь мое благое желаніе?» Да, оно приноситъ пользу и на дыбѣ ¹⁾ и на огнѣ. Если огонь этотъ приближается къ каждому члену и мало-по-малу обнимаетъ все живое тѣло: то пусть само сердце, исполненное благихъ чувствъ, истекаетъ: ему (тѣмъ не менѣе) будетъ доставлять наслажденіе тотъ огонь, благодаря которому предстанетъ въ полномъ свѣтѣ его непорочная честность.

Глава 22-я.

Приведемъ теперь снова аргументъ,—хотя онъ уже и былъ высказанъ нами ранѣе,—именно: почему мы желаемъ быть благодарными, когда умираемъ? Почему мы (старательно) взвѣшиваемъ (оказанныя намъ) каждымъ услуги? Зачѣмъ дѣлаемъ мы это, пробѣгая въ памяти всю свою жизнь, дабы не оказаться забытыми чьего-либо одолженія. Вѣдь (у насъ) ничего не остается (болѣе), на что могла бы простираться наша на-

преступленіямъ—приговоръ (*sententia*) былъ возглашаемъ предсѣдательствующимъ чиновникомъ по отобраніи голосовъ (*suffragia*) у выборныхъ судей. Приговоръ, обыкновенно, постановлялся согласно мнѣнію большинства. Не такъ, по мнѣнію Сенеки, постановляеть свой приговоръ наша совѣсть: она руководится однимъ собственнымъ сужденіемъ. Ср. подобную же характеристику доблестнаго мужа у Горация (*Sarm.* III, 13)

«*Iustum ac tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni—
Mente quatit solida*».

Подобная же мысль у Сенеки влагается въ уста Демокрита: «*unus mihi pro populo est*». (*Epist.* VII, 8).

¹⁾ „Дыба—*equuleus*“,—особый снарядъ для пытки, сдѣланный на подобіе лошади, къ которому привязывались руки и ноги истязуемаго. При поднятіи этой дыбы члены растягивались до такой степени, что кости выходили изъ суставовъ.

дежда? Однако и находясь на этомъ порогѣ (жизни) ¹⁾, мы желаемъ удалиться отъ дѣлъ человѣческихъ, насколько возможно болѣе благодарными. Очевидно, въ самомъ этомъ подвигѣ заключается большая награда за него и (очевидно, что) добродѣтель обладаетъ великою властію—привлекать умы людей. Прелесть ея объемлетъ души и восхищаетъ ихъ, очарованныхъ созерцаніемъ ея свѣта и блеска ²⁾. Но много проплетается отсюда и выгодъ.—Для лучшихъ людей и жизнь безопаснѣе ³⁾, (на ихъ сторонѣ) любовь и благосклонное сужденіе добрыхъ, да и болѣе безопасными бываютъ лѣта той жизни, которая сопровождается невинностію и признательностію души. Ибо несправедливой была бы природа (вещей), если бы она сотворила только это жалкое непостоянное и суетное благо. Но помышляй о томъ, будетъ ли у тебя желаніе идти къ добродѣтели, которая часто достигается безопасно и легко, идти даже по камнямъ и скаламъ и пути, занятому дикими звѣрями и змѣями ⁴⁾.

Глава 23-я.

То, чему присуща какая-нибудь внѣшняя польза, еще не становится, благодаря этому, недостойнымъ само по себѣ служить цѣлю нашихъ стремленій. Ибо все почти наиболѣе прекрасное сопровождается въ то же время и многими извнѣ входящими благами: но оно влечетъ ихъ (за собою), а само—предшествуетъ имъ. Можно ли сомнѣваться, что круговращеніе солнца и луны ⁵⁾ своими смѣнами даетъ благоустройство

1) „*In illo cardine positi*“.—Букв.: «будучи положены при дверной скобѣ».

2) Мысли о красотѣ добродѣтели, по мнѣнію Рихкорта, заимствованы у Платона изъ „Федра“, X.—Въ другомъ мѣстѣ Сенека еще болѣе краснорѣчиво изображаетъ величіе и красоту добродѣтели: «еслибы намъ можно было видѣть душу человѣка добродѣтельнаго, восхищается онъ,—то какой бы прекрасный, какой святой и лучезарный въ (своемъ) величій кротости ликъ мы увидѣли!» (Ер. 115, 3 и слѣд.).

3) *Безопаснѣе* (*tutior*) относится къ безопасности отъ внѣшнихъ враговъ, а „болѣе безпечнымъ“ (*securior*)—къ внутреннему спокойствію души.

4) Подобный образъ впервые былъ, по замѣчанію Рихкорта, употребленъ Гезіономъ: (Орр. et. DD. 265 и сл.) «Τῆς ἀρετῆς ἰδρωτα θεοῖ προπάρουσαν εἶδουσαν ἀθάνατον».

5) Солнце и луна, по представленію древнихъ, вліяютъ на благораствореніе тепла и влаги и такимъ образомъ даютъ всему жизнь. Такъ, напр., Цицеронъ

этому жилищу человеческого рода? что теплотою перваго (свѣтила) питаются тѣла, размягчается почва, сдерживается чрезмерная влажность, сокрушается суровость все связующей зимы, а дѣйственной и всепроникающею теплотою другого регулируется созрѣваніе плодовъ, что его теченію соотвѣтствуетъ плодоношеніе людей? что круговымъ движеніемъ своимъ первое (т. е. солнце) (опредѣляетъ) годъ, а второе, (т. е. луна), вращаясь въ сравнительно меньшемъ пространствѣ, — мѣсяцъ?

Тѣмъ не менѣе и по устраненіи (всѣхъ) этихъ (благъ)—развѣ солнце само по себѣ не представляло бы зрѣлища пригоднаго для взоровъ и достойнаго благоговѣнія, если бы мимо насъ совершало свой путь? Развѣ луна не была бы достойна созерцанія даже и въ томъ случаѣ, если бы совершала свой путь лишь какъ праздно свѣтило?—А чьего вниманія не привлекаетъ къ себѣ самъ міръ ¹⁾ разлившій по ночному небу такое множество огней, возжегшій такое безчисленное количество звѣздъ?—Но кто же помышляетъ о пользѣ для себя отъ этихъ свѣтилъ въ тотъ моментъ, когда имъ удивляется? Посмотри на эти звѣзды, катящіяся безмолвнымъ сон-

утверждаетъ, что «отъ луны протекаетъ все то, чѣмъ питаются живыя существа». (De natur. deor. II, 15).

¹⁾ „*Ipsa mundus*“—міръ, вселенная по воззрѣнію Стоиковъ, есть живое, реальное существо, знающее вещи, направляющее наши судьбы, любящее насъ и творящее намъ добро. Такимъ образомъ Богъ отождествляется со вселенною: Богъ есть душа міра (ψυχή τοῦ κόσμου), его управляющій разумъ, его верховный законъ, движущее начало, теплота (πῶρ τεχνικόν).—Но все существующее имѣетъ матеріальную сторону. Поэтому, если Божество есть душа міра, то міръ, какъ матерія, есть тѣло Божества. «Двѣ причины, говоритъ Сенека, заключаются въ природѣ, по ученію Стоиковъ: причина и матерія. Матерія—инертна, причина—разумъ, дающій матеріи форму. Первая и главная причина должна быть простою, ибо и матерія проста. Что такое первопричина?—Это дѣйствующій разумъ, т. е. Богъ» (Ep. LXV). «Міръ—единный отецъ всего» (Benef. III, 28, 2); «выше и прекраснѣе его ничего нѣтъ» (Dial. XII, 8. 4). Міръ—есть одно изъ названій Божества: «желаешь ли ты назвать Его (Бога)—міромъ—не ошибешься» (Nat. Quaest. Lib. II, 45). «Міръ, (раз. какъ матерія)—храмъ безсмертныхъ боговъ, единственно ихъ достойный» (Benef. VII, 7. 3). «Начало міра—влага; конецъ его—огонь» (Nat. Quaest. III, 13, 1, 2). Форма міра—сферическая (Cassiod. de artib. litt. c. 7). Таковы въ краткихъ чертахъ религіозныя воззрѣнія Сенеки. Вообще теологія Стоической школы представляетъ пантеистическій натурализмъ, поскольку

момъ: какимъ образомъ онѣ скрываютъ свою быстроту подъ видомъ состоящихъ и неподвижныхъ тѣлъ?

Сколько движенія совершается въ ту ночь, которую ты наблюдаешь только для опредѣленія числа и различія дней? какое множество предметовъ развертывается подъ (покровомъ) этого молчанія, какой рядъ судебъ производитъ извѣстный путь (зодіака)? Тѣ свѣтила, на которыя ты смотришь не иначе, какъ на разсѣянные для красоты, каждое въ отдѣльности дѣлаютъ свое дѣло. Нельзя, вѣдь, представлять (себѣ), что только семь свѣтилъ совершаютъ свое теченіе, а прочія стоятъ неподвижно: для насъ замѣтно движеніе немногихъ, безчисленное же множество этихъ божествъ ¹⁾ идутъ своимъ путемъ и снова возвращаются, будучи болѣе удалены отъ нашего зрѣнія. Да и изъ числа тѣхъ свѣтилъ, которыя доступны нашимъ взорамъ, многія идутъ непостижимымъ для насъ ходомъ ²⁾ и въ тайнѣ совершаютъ свое движеніе. Что же? Развѣ ты не станешь восхищаться созерцаніемъ ихъ величія, хотя бы даже они и не управляли тобою, не охраняли, не

ку Богъ отождествляется со всею вселенною; съ другой стороны, на нее можно смотрѣть, какъ на золотую середину между пантеизмомъ и теизмомъ въ собственномъ смыслѣ слова, поскольку въ ней Богъ представляется живымъ реальнымъ существомъ.

Благочестіе Стоиковъ съ почтеніемъ относилось и къ религіознымъ формамъ язычества. Кромѣ Юпитера оно допускало существованіе низшихъ боговъ и видѣло ихъ то въ небесныхъ свѣтилахъ, то въ силахъ природы. Въ глазахъ римскихъ Стоиковъ многія суть аллегоріи, имѣющія внутренній смыслъ. (Ист. филос. Вебера, изд. 1882 г. стр. 94—95).

¹⁾ Звѣзды, какъ мы уже замѣтили, по представленію Стоиковъ, были божествами низшаго порядка. Отсюда—то важное вліяніе, какое приписывается имъ въ отношеніи къ природѣ и людямъ. Небесныя свѣтила, по ученію Сенеки, «всегда въ работѣ» (Nat. Quaest. Lib: II, с. 5). Отъ ихъ движенія «зависятъ судьбы народовъ» (Consol. ad Marc. с. 18), и cadaго человека въ отдѣльности. Они вліяютъ на высоту уровня воды въ рѣкахъ, на плодородіе земли, распределеніе тепла и влаги и т. п. (Nat. Quaest. Lib. III, 26; De Benefic. Lib. IV. с. 23 и др.). Все звѣздное небо, какъ извѣстно, древніе дѣлили по извѣстнымъ знакамъ или фигурамъ, отмѣчая отдѣльныя группы звѣздъ фигурами, представляющими людей, или звѣрей, или даже орудія и сосуды. Созвѣздія зодіака въ позднѣйшее время были слѣдующія: овенъ, телець, близнецы, ракъ, левъ, дѣва, вѣсы, скорпионъ, стрѣлокъ, козерогъ, водолей, рыбы.

²⁾ „*Obscuro gradu*“—мы замѣчаемъ ихъ движеніе, но не понимаемъ, по какимъ законамъ и какимъ образомъ оно совершается. Lips.

согрѣвали, не порождали жизни и не орошали своимъ дыханіемъ?

Глава 24.

Какъ эти свѣтила, хотя прежде всего и заключаютъ въ себѣ пользу, составляютъ предметъ необходимости и даютъ жизнь, но тѣмъ не менѣе всецѣло умомъ нашимъ овладѣваетъ ихъ величіе, такъ и всякая добродѣтель и преимущественно добродѣтель благодарности, хотя и много доставляетъ пользы, тѣмъ не менѣе не желаетъ быть предметомъ любви только ради этого. Она заключаетъ въ себѣ нѣчто болѣе широкое и не достаточно понимаетъ ее тотъ, кто считаетъ ее въ числѣ полезныхъ. Онъ бываетъ благодарнымъ (только) потому, что это приноситъ пользу? Слѣдовательно и благодарнымъ бываетъ (лишь постольку), поскольку это приноситъ пользы. (Но) добродѣтель не принимаетъ скупаго: въ возлюбленные къ ней надобно идти съ лономъ отверзтымъ. Неблагодарный размышляетъ такимъ образомъ: «я желалъ бы отблагодарить, но боюсь издержекъ, боюсь опасности, остерегаюсь обиды: стану дѣлать лучше то, что приноситъ пользу». Не можетъ одно и то же побужденіе дѣлать и благодарнымъ и неблагодарнымъ. Подобно тому какъ различны дѣла, такъ различны между собою и намѣренія ихъ: тотъ неблагодаренъ, хотя бы такъ поступать и не надлежало, неблагодаренъ потому, что это для него полезно, а тотъ благодаренъ, хотя бы для него и не было полезно, благодаренъ потому, что этого требуетъ долгъ.

Глава 25.

Мы ¹⁾ поставили себѣ цѣлію жить сообразно съ природою вещей и слѣдовать примѣру боговъ. А какую цѣль преслѣ-

¹⁾ *Т. е. Стоици.* Здѣсь у автора продолжается споръ съ Эпикурейцами, стремившимися изъ всего извлекать пользу. «Жить сообразно съ природою» было постояннымъ правиломъ Стоиковъ. Это значило тоже самое, что жить согласно съ закономъ Божественнымъ, съ разумомъ, ибо разумъ—присущее природѣ Божественное начало (*De Benef. lib. IV, c. 7*).

Принципомъ Зенона, основателя Стоической школы, было: «*Τὸ ὁμόλογον μέγως ζῆν*», т. е. жить согласно, гармонично. Къ этому чисто формальному принципу Клеанѣъ и Хризиппъ сдѣлали прибавку: «*τῆ φύσει*» т. е. (согласно съ) природою. *Ruhkopf.*

дуютъ боги во всѣхъ своихъ дѣлахъ, кромѣ самаго содержанія этихъ дѣлъ? Развѣ только ты, быть можетъ, полагаешь, что они получаютъ плодъ своихъ трудовъ отъ дыма приносимыхъ въ жертву внутренностей и благоуханія ѳиміама? Посмотри, какіе труды они ежедневно предпринимаютъ, сколько раздають даровъ, какимъ множествомъ плодовъ исполняютъ землю, какими благопріятными вѣтрами, несущимися во всѣ страны, они волнуютъ моря, какимъ множествомъ внезапно выпадающихъ дождей умягчаютъ почву, возстановляютъ пересыхающія жилы источниковъ и обновляютъ ихъ содержаніемъ, наливаемымъ сокровенными путями.

Все это они дѣлають безвозмездно, безо всякой для себя выгоды. Это же самое долженъ наблюдать и нашъ разумъ, если не уклоняется отъ своего идеала, дабы не идти къ добродѣтели въ качествѣ наемника. Да устыдится какое-либо благотвореніе быть продажнымъ: мы имѣемъ безкорыстныхъ боговъ!

Глава 26.

«Если, говорить, (Эпикуреецъ) ты подражаешь богамъ, то оказывай благодаренія и неблагодарнымъ, ибо и надъ преступными восходитъ солнце и пиратамъ открыты моря».

Здѣсь ставятъ вопросъ: захочетъ ли добрый человѣкъ благодѣлать неблагодарному, зная, что онъ неблагодаренъ?

Дозволь мнѣ нѣсколько перебить эту рѣчь, дабы намъ не быть захваченными (врасплохъ) коварнымъ вопросомъ. Согласно положенію Стоиковъ прими два разряда неблагодарныхъ: одинъ неблагодаренъ потому, что безразсуденъ ¹⁾, а безразсудный—дурной человѣкъ, но дурной человѣкъ не свободенъ ни отъ какого порока, слѣдовательно онъ и неблагодаренъ. Такъ мы всѣхъ называемъ дурными, невоздержными

¹⁾ „Stultus“—такимъ именемъ Стоики обозначали, въ противоположность мудрецу (sapiens) всякаго человѣка, не подчиняющагося въ своей жизни разуму. «Всѣ волненія души, говоритъ Цицеронъ, философы называютъ болѣзнями и утверждаютъ, что ни одинъ глупецъ не чуждъ этихъ болѣзней. Но люди, подверженные болѣзни, не бываютъ здоровы душою и, слѣдовательно, души всѣхъ безразсудныхъ находятся въ болѣзни. Такимъ образомъ всѣ безразсудные безумствуютъ». (Tusc. disput. III, 4).

алчными, расточительными, лукавыми не потому, что всѣ эти пороки въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности велики и явны, но потому, что они могутъ быть таковыми и существуютъ, хотя и скрыты.

Другого рода неблагодарный, называемый такъ толпою, — есть тотъ, кто отъ природы бываетъ склоненъ и расположенъ къ этому пороку. Неблагодарному перваго рода, который не чуждъ этой вины настолько же, насколько онъ не чуждъ никакой, добрый человѣкъ будетъ оказывать благодѣяніе, ибо если станетъ отталкивать такихъ людей, то у него не будетъ возможности никому дѣлать добра ¹⁾.

Неблагодарному же (второго рода), который скрываетъ сдѣланное ему добро, и склоненъ къ этому (пороку) душою, онъ не станетъ дѣлать благодѣянія точно также, какъ не станетъ довѣрять денегъ расточителю или поручать на сохраненіе вещь тому, кто уже многимъ отказалъ (въ возвращеніи ему ввѣреннаго).

Глава 27,

Боязливымъ называется иной потому, что онъ безразсуденъ и это (названіе) преслѣдуетъ всѣхъ дурныхъ людей, которыхъ обстоятъ всѣмъ неразлучные и общіе пороки. Но въ собственномъ смыслѣ называется боязливымъ (только) тотъ, кто отъ природы бываетъ склоненъ пугаться даже пустыхъ звуковъ.

Глупецъ обладаетъ всѣми пороками, но не ко всѣмъ онъ склоненъ отъ природы. Одинъ бываетъ склоненъ къ корыстолюбію, другой къ роскоши, иной къ дерзости.

Такимъ образомъ заблуждаются тѣ, которые спрашиваютъ Стоиковъ: «такъ что же Ахиллъ (по вашему) трусь? Аристидъ, которому справедливость дала имя, несправедливъ? Фабій, поправившій дѣло медлительностью, безразсуденъ? Децій боится смерти? Муцій предатель? Камиллъ — измѣнникъ? ²⁾».

¹⁾ *Nulli enim dare poterit.* По мнѣнію Стоиковъ, не было еще и нѣтъ на свѣтѣ такого мудреца, который былъ бы вполне свободенъ отъ всѣхъ недостатковъ. Всѣ люди болѣе или менѣе причастны этимъ недостаткамъ.

²⁾ Противъ ученія Стоиковъ о томъ, что каждый человѣкъ зараженъ всѣми видами пороковъ, вооружались всѣ философскія школы древности. Противъ нихъ приводятъ примѣры, взятые изъ исторіи. Аристидъ, на примѣръ, приводится обы-

Мы не говоримъ того, что всѣ пороки присущи всѣмъ въ такой же мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ въ отдѣльности выдается въ нѣкоторыхъ людяхъ. Но дурной и безразсудный человѣкъ (утверждаемъ мы) не чуждъ никакого порока. И смѣлаго мы не считаемъ свободнымъ отъ страха и даже расточителя не освобождаемъ отъ обвиненія въ корыстолюбіи. Подобно тому какъ каждый человѣкъ обладаетъ всѣми чувствами и однако не всѣ люди, въ силу этого, обладаютъ остротою зрѣнія, подобно Липкею ¹⁾, такъ и безразсудный не содержитъ въ себѣ всѣхъ пороковъ въ той же степени остроты и силы, въ какой нѣкоторые обладаютъ иными (изъ этихъ пороковъ).

Всѣ пороки присущи всѣмъ, но не всѣ они одинаково проявляются въ каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности. Одного природа побуждаетъ къ корыстолюбію, иной предается сладострастію, а иной вину, или если еще не предается совершенно, то устроенъ такимъ образомъ, что по своему характеру стремится къ этому.

Итакъ, возвращаюсь къ своему предмету рѣчи. Неблагодаренъ всякій дурной человѣкъ, ибо онъ заключаетъ въ себѣ

книженно какъ образецъ честности. Какъ извѣстно, онъ получилъ отъ своего народа почетное прозваніе: справедливый. Знаменитый Фабій Кунктаторъ получилъ прозваніе медлителя за то, что своею медлительностью спасъ Римъ во время войны съ Ганнибаломъ. Спокойствіе и разсудительность въ соединеніи съ мужествомъ и самоотверженностью были отличительными чертами его характера. (Cic. De offic. I, 24, 84; Sato major 4, 10; Livius 28, 40). Децій Старшій—во время войны съ Латинцами доставилъ Римлянамъ блистательную побѣду, добровольно пожертвовавъ собственною жизнью въ 340 г. до Р. X. (Liv. 8, 6). Муцій—по всей вѣроятности—тотъ юноша, который въ 508 г. до Р. X. во время войны Римлянъ съ царемъ Порсенною пробрался въ непріятельскій лагерь съ намѣреніемъ умертвить царя и освободить такимъ образомъ свой родной городъ. Послѣ неудачной попытки его схватили и угрожали смертію, но онъ, какъ сообщаетъ преданіе, положилъ свою руку на стоящую вблизи жаровню, дабы показать, что несколько не боится смерти. Съ тѣхъ поръ онъ получилъ прозваніе Сневола, т. е. лѣвшя. (Liv. 2, 12 п сл.). Камиллъ, въ 390 г. до Р. X., по занятіи Рима кельтами былъ назначенъ диктаторомъ. Онъ собралъ войско, разбилъ непріятелей и вновь отстроилъ разрушенный ими городъ. За это онъ получилъ титулъ «pater patriae». (Liv. V, 50 п сл.).

¹⁾ Липкей былъ одинъ изъ аргонавтовъ, одаренный въ высшей степени острымъ зрѣніемъ. «Λυγχεύς δὲ ὀξυδερκία διήνευχευ, ὡς καὶ τὰ ὑπὸ γῆν θεωρεῖν». (Apollod. 3. 10. 3). *Ruhkopf*.

всѣ сѣмена порока. Однако въ собственномъ смыслѣ называется неблагодарнымъ лишь тотъ, кто стремится къ этому пороку: такому человѣку я не стану оказывать благодѣянія.

Подобно тому какъ (по нашему мнѣнію) плохо заботится о своей дочери тотъ, кто выдалъ ее замужъ за человѣка, пользующагося дурною славою и съ которымъ уже часто развелась (его жена), подобно тому какъ будутъ считать плохимъ отцомъ семейства того, кто поручилъ заботу о своемъ родовомъ имѣніи человѣку, осужденному за (плохое) веденіе (денежныхъ) дѣлъ, подобно тому какъ (по нашему мнѣнію) въ высшей степени нелѣпое завѣщаніе составилъ тотъ, кто грабителя сиротъ оставилъ опекуномъ своему сыну, такъ и всякаго, кто выбираетъ неблагодарныхъ людей для того, чтобы доставлять имъ дары, которые будутъ пропадать (безъ пользы), станутъ называть очень неудачно оказывающимъ благодѣянія.

Глава 28.

«Да вѣдь и боги, — говоритъ (Эпикурецъ) — многое даруютъ неблагодарнымъ».

(Такъ), но всѣ эти дары они приуготовили для людей добрыхъ, — дурные же принимаютъ участіе (въ пользованіи ими) потому, что не могутъ быть выдѣлены. Ибо лучше, вѣдь, помогать и злымъ ради добрыхъ, чѣмъ лишать помощи добрыхъ ради злыхъ. Такимъ образомъ боги изыскали все то, что ты (намъ) приводишь: день, солнце, теченіе зимы и лѣта, среднія умѣренныя времена года: весну и осень, дожди, пользованіе источниками и постоянныя теченія вѣтровъ ¹⁾ для всѣхъ людей вообще: они не могли исключить изъ пользованія этими дарами отдѣльныхъ лицъ.

Царь даетъ почести достойнымъ, но публичные дары ²⁾ и недостойнымъ. Общественный (зерновой) хлѣбъ ³⁾ получаютъ

1) *Ventorum statos flatus*, рас. муссоны, пассаты и др. постоянные вѣтры.

2) „*Conguarium*“ — (отъ *congius*, мѣра жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ) дары, раздававшіеся при императорахъ народу отъ казны и состоявшіе изъ масла, вина, хлѣба, денегъ и проч.

3) „*Frumentum publicum*“ — зерновой хлѣбъ — раздавался въ Римѣ отъ казны бѣднѣйшей части населенія.

и воръ, и клятвопреступникъ и прелюбодѣй и безъ различія нравовъ, имя каждаго, кто бы онъ ни былъ, бываетъ вырѣзано (на доскѣ) ¹⁾. И все другое, что дается человѣку, какъ гражданину, а не какъ лицу добродѣтельному, одинаково несутъ къ себѣ и добрые и злые.

Такъ и Богъ иныя блага свои даровалъ всему роду человѣческому для общаго употребленія: отъ пользованія ими не исключается никто. Ибо не могло, вѣдь, и быть того, чтобы вѣтеръ былъ благопріятенъ людямъ добрымъ и противенъ злымъ. Общедоступнымъ благомъ было: открыть торговня морскія сношенія и распространить владычество человѣческаго рода. Нельзя было опредѣлить закона выпаденія дождей такимъ образомъ, чтобы они не орошали полей, принадлежащихъ злымъ и безчестнымъ людямъ.

Нѣкоторыя (блага) полагаются среди (всѣхъ для общаго пользованія). Такъ города созидаются какъ для добрыхъ, такъ и для злыхъ. Памятники ума—изданіе сдѣлало общедоступными, такъ что они могутъ доходить и до людей недостойныхъ. Медицина—оказываетъ помощь и преступникамъ. Никто не уничтожилъ составленія полезныхъ лѣкарствъ для того, чтобы ими не врачевались люди недостойные.

Требуй цензуры и оцѣнки (достоинства) лицъ въ раздачѣ тѣхъ благъ, которыя даруются каждому человѣку въ отдѣльности какъ того достойному, а не тѣхъ, которыя безразлично допускаютъ къ себѣ всю толпу. Ибо много значить: не исключаетъ ты кого-либо или выбираешь. Правосудіе оказывается и вору; спокойствіемъ пользуются и убійцы; своего требуютъ обратно даже и тѣ, кто похитили чужое. Убійцы и людей, которые дома пускаютъ въ дѣло мечъ, стѣна защищаетъ отъ врага: покровительствомъ законовъ пользуются и

1) „*Quisquis incisus est*“.—Въ данномъ случаѣ мы слѣдуемъ чтенію новѣйшихъ редакторовъ текста: Naase, Nisard'у и Rubkorf'у. У Lipsiуса читаемъ: «*quisquis civis est*». Какъ извѣстно имена всѣхъ, желавшихъ получить вспоможеніе отъ казны, обыкновенно вырѣзывались на доскѣ, а записаннымъ такимъ образомъ выдавались особые билеты, по предъявленію которыхъ отпускаясь жертвуемые продукты. Lips.

и тѣ, которые весьма часто относительно ихъ погрѣшали. Иныя (блага) не могли (бы) доставаться никому (изъ прочихъ), если бы не раздавались всѣмъ вообще.

Такимъ образомъ нечего разсуждать о томъ, къ чему мы бываемъ приглашены на ряду со всѣми, —но того, что мнѣ должно представлять (въ даръ) кому нибудь по своему собственному усмотрѣнiю, я не стану дарить лицу, завѣдомо для меня неблагодарному.

Глава 29.

«Значить, —говорить (Эпикуреецъ), —когда неблагодарный попросить совѣта, ты не станешь давать ему, не позволишь ему почерпнуть воды и не укажешь пути, когда онъ станетъ блуждать? Или, хотя и сдѣлаешь это, но ничего не будешь дарить ему?». Я укажу различiе—въ данномъ случаѣ: по крайней мѣрѣ постараюсь его указать. Благодѣянiе есть полезное дѣло, но не всякое полезное дѣло—благодѣянiе, потому что иное бываетъ такъ ничтожно, что не можетъ носить такого имени.—Для того, чтобы составить благодѣянiе должны соединиться два обстоятельства. Во первыхъ—величина предмета,—такъ какъ иныя (предметы) бываютъ ниже (той) мѣры, (которая даетъ право на приобрѣтенiе) этого имени. Кто называлъ благодѣянiемъ подаванiе небольшого хлѣба, ничтожной монеты или дозволенiе зажечь огонь?—Правда, иногда и такія услуги приносятъ больше пользы, чѣмъ самыя важныя, тѣмъ не менѣе ихъ ничтожность отнимаетъ у нихъ цѣну даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда по требованiю времени онѣ дѣлаются необходимыми.

Затѣмъ, что всего важнѣе, (къ этому качеству) должно присоединяться слѣдующее условiе, именно: надобно дѣлать добро ради того лица, которому я желаю доставить благодѣянiе, считать его достойнымъ этого, и охотно дѣлать даянiе, извлекая наслажденiе изъ своего дара.

Ничего этого нѣтъ въ тѣхъ дѣйствiяхъ, о которыхъ мы говорили. Ибо мы оказываемъ ихъ людямъ не какъ достойнымъ этого, но оказываемъ, пренебрежительно относясь къ этимъ

дарамъ, какъ ничтожнымъ: въ этомъ случаѣ мы даемъ даянія не человѣку, а человѣчеству ¹⁾.

Глава 30.

Не стану отрицать того, что иногда буду раздавать нѣкоторые дары и недостойнымъ, дабы почтить другихъ: такъ при соисканіи почестей знатное происхожденіе заставляеть предпочитать иныхъ недостойныхъ людей—людямъ новымъ, хотя и трудолюбивымъ ²⁾. Не безъ разумнаго основанія почитается священною память великихъ заслугъ; появленію большого количества доблестныхъ людей способствуетъ то обстоятельство, когда благодарность за заслуги не пропадаетъ вмѣстѣ съ ними.

Что сдѣлало Цицерона-сына ³⁾ консуломъ, какъ не отецъ? Какое обстоятельство недавно возвело Цинну ⁴⁾ изъ лагеря непріятелей на консульство?—Что возвысило Секста Помпея ⁵⁾

¹⁾ Это изреченіе, по свидѣтельству Липсіуса, заимствовано у Аристотеля (Stob. 35 De bonitate), который, послѣ того какъ его обвиняли въ оказаніи пособія недостойному, замѣтилъ, что онъ далъ «ὄου τῆ ἀνθρώπω, ἀλλὰ τῆ ἀνθρωπίνω». У Авлія Геллія приводится подобное же изреченіе, приписываемое Аттику: «demus huic aliquid aeris, cuiusmodi est, tanquam homines, non tanquam homini. Aul. Gell. IX, 2). Ruhkopf.

²⁾ „*Homines novi*“—въ Римѣ назывались лица, достигшія высшихъ должностей, не обладая знатностію рода. Таковы, папримѣръ, были: Катонъ, Цицеронъ, Марій. Самъ Сенека—у Тацита—называетъ себя: «*homo novus*».—(Annal. XIV, 53).

³⁾ Цицерона-сына имп. Августъ въ 724 г. отъ осн. Р. назначилъ такъ называемымъ «*consul suffectus*», т. е. заступившимъ мѣсто выбывшаго въ теченіе года ординарнаго консула—единственно ради заслугъ отца, котораго высоко чтилъ Августъ. (Dio Cass. 51, 19. Plin. lib. XXII, с. 6). Сынъ не унаслѣдовалъ ни одного изъ высокихъ качествъ своего отца. У Сидонія Аполлинарія мы находимъ о немъ такой отзывъ: «*Filium M. Ciceronis populus Romanus non agnoscebat loquentem (Lib. VII. ep. 14)*». Это былъ человѣкъ ограниченнаго ума и кромѣ того—отличался нетрезвостію. Lipsius.

⁴⁾ Цинна—былъ сыномъ дочери Кн. Помпея (De clem. I, cap. 9). Въ 758 г. отъ осн. Р. онъ былъ возведенъ въ должность ординарнаго консула. (Dio Cass. 55, 22). Ruhkopf.

⁵⁾ Подъ именемъ Секста Помпея, по мнѣнію Липсіуса, въ настоящемъ случаѣ надобно разумѣть не сына Помпея Вел., который былъ только назначенъ консуломъ, но вскорѣ убитъ, а сына Секста Помпея, сдѣланнаго консуломъ въ 718 г. отъ осн. Р. Было двѣ или три фамиліи Помпеевъ, принадлежавшихъ къ роду Помпея Вел. Многіе изъ членовъ этой фамиліи были назначаемы въ «*consules suffecti*» единственно изъ уваженія къ великому имени своего сродича.

и другихъ Помпеевъ, какъ не величіе одного мужа?—Величіе, которое нѣкогда было таково, что даже при его паденіи достаточно высоко вознесло всѣхъ его (потомковъ). А благодаря чему въ недавнее время сдѣлали жрецомъ не одной коллегіи Фабія Персидскаго ¹⁾, одно лобзаніе котораго можетъ препятствовать молитвамъ добрыхъ людей (доходить по ихъ назначенію) ²⁾, какъ не благодаря Фабію Веррукозу, Аллоброгику и тѣмъ тремъ стамъ Фабіевъ, которые противопоставили нападенію враговъ одно свое семейство—за (цѣлое) государство?

Нашъ долгъ въ отношеніи къ добродѣтели ³⁾ чтить ее не только въ настоящемъ, но и тогда, когда она удалилась отъ

1) Фабій Персидскій былъ сдѣланъ консуломъ въ царствованіе Тиберія въ 786 г. отъ осн. Р. Персидскимъ онъ прозывался, по предположенію Липсіуса, въ воспоминаніе побѣды, одержанной надъ Персами его знаменитымъ предкомъ Павломъ Эмилиемъ. Родъ Фабіевъ былъ патриціанскимъ и древнѣйшимъ; происхожденія, вѣроятно, сабинскаго. Во время войны съ Вейентами Фабіи получили позволеніе защищать границы отъ враговъ — однимъ своимъ родомъ. Это повело къ битвѣ 306 Фабіевъ и ихъ кліентовъ при рѣчкѣ Кремерѣ, въ которой весь отрядъ былъ уничтоженъ послѣ геройскаго сопротивленія. Фабій Веррукозъ—тотъ самый, который у позднѣйшихъ писателей получилъ почетное прозваніе «Cunctator». Фабій Аллоброгикъ — будучи консуломъ, въ 121 г. до Р. X. побѣдилъ въ большой битвѣ Аллоброговъ въ Галліи, за что былъ удостоенъ блистательнаго триумфа. Цицеронъ упоминаетъ о немъ, какъ объ ораторѣ (Mur. 36).

2) „*Cujus osculum etiam impediret viri cota boni*“—какъ читаемъ въ изданіяхъ Ruhkopf'a и Nisard'a. Напротивъ, у Липсіуса и Гаазе находимъ это мѣсто въ такомъ видѣ: «*cujus osculum etiam impudici devitabant*» (Haase); «—*impuri vitabant*» (Lips). Первое чтеніе, кажется, болѣе соотвѣтствуетъ смыслу рѣчи, такъ какъ указываетъ именно на недостойнство Фабіи принадлежать къ жреческой коллегіи, о принадлежности къ которой говорится непосредственно ниже. По вѣрованію древнихъ, недостойнство жреца, равно какъ и присутствіе нечестивыхъ, отнимало силу у молитвы добрыхъ людей предъ богами. Ср. Горация:

«Odi profanum volgus et arceo.
Favete linguis, carmina non prius
Audita musarum sacerdos
Virginibus puerisque canto».

(Carm. lib. III, 1, 1—5).

3) «Hoc debemus virtutibus, ut non praesentes solum illas, sed etiam ablatas e conspectu colamus.» — Ср. Горация:

«Virtutem incolumem odimus,
Sublatam ex oculis quaerimus invidi».

(Carm. Lib. III. 24. 31).

нашего зрѣнія. Подобно тому какъ они (доблестные мужи) совершили эти (подвиги) съ тѣмъ, чтобы привести пользу не одному (только) поколѣнію, но оставить свои благодѣянія и послѣ себя, такъ и мы не должны ограничивать своей благодарности одною (ихъ) жизнію.

Этотъ человѣкъ произвелъ на свѣтъ великихъ людей),—онъ достоинъ благотвореній, каковъ бы ни былъ, (потому что) даровалъ намъ людей достойныхъ. А этотъ—произошелъ отъ знаменитыхъ предковъ: каковъ бы онъ ни былъ—пусть укрывается подъ ихъ сѣнью! Подобно тому какъ темныя мѣста освѣщаются солнечными лучами, такъ и ничтожные люди пусть озаряются сіяніемъ своихъ предковъ.

Глава 31.

Теперь я хочу, мой Либералій, избавить отъ нареканій боговъ. такъ какъ иногда мы имѣемъ обыкновеніе говорить: «что было (угодно) Провидѣнію, когда оно возвело на царство Аридея? ¹⁾» Ты полагаешь—царство было дано ему? Нѣтъ, оно даровано его отцу и брату.

Почему оно сдѣлало владыкою вселенной Кая Цезаря ²⁾, человѣка, страстно алкавшаго человѣческой крови, которую онъ повелѣвалъ проливать на своихъ глазахъ, какъ бы желая ею упитъся. Что же значить, ты думаешь, что это (царство) даровано ему? Нѣтъ, оно даровано его отцу Германику, даровано его дѣду и прадѣду и прежде нихъ (жившимъ) другимъ

¹⁾ *Аридей* — братъ Александра В. отъ разныхъ матерей. По смерти послѣдняго онъ былъ сдѣланъ царемъ Македонскимъ и на седьмомъ году своего царствованія убить Олимпіадою.

²⁾ Кай Цезарь—раз. Калигула. Отецъ его Германикъ—сынъ Друза и Антоніи, усыновленный своимъ дядею по отцу—Тиверіемъ. Это былъ достойный и заслуживающій уваженія человѣкъ, но Провидѣніе не даровало ему ни долготѣія, ни царскаго сана. Онъ правилъ должности квестора и претора и былъ отравленъ по ненависти Тиверія. Дѣдъ Калигулы—Друзъ Германикъ, братъ Тиверія. Тацитъ называетъ его: «*breves et infaustos populi Romani amores*», т. е. кратковременнымъ и несчастнымъ предметомъ любви народа Римскаго. *Lipsius*.

Прадѣдъ Калигулы — Тиберій Клавдій, какъ извѣстно, не отличался ни доброю славою, ни подвигами. Поэтому, полагаетъ Липсіусъ, здѣсь лучше разумѣть вообще предковъ Клавдіева рода.

славнымъ мужамъ, хотя они и проводили свою жизнь въ качествѣ частныхъ лицъ и были равны со всѣми прочими людьми.

А когда Провидѣніе сдѣлало Мамерка Скавра ¹⁾ консуломъ, то развѣ не зналъ ты, что онъ беретъ открытыми устами менструаціи своихъ служанокъ: да онъ и самъ развѣ скрывалъ это? Развѣ онъ хотѣлъ казаться невиннымъ?

Передамъ тебѣ рассказанное имъ о самомъ себѣ, о чемъ, какъ я помню, разносили всюду и съ торжествомъ заявляли даже въ его собственномъ присутствіи. Однажды онъ выразилъ Азинію Полліону ²⁾, когда тотъ лежалъ, въ непристойныхъ словахъ свое желаніе сдѣлать съ нимъ то, что самъ предпочиталъ испытывать ³⁾. И когда увидалъ, что чело Полліона нахмурилось, то замѣтилъ: «что я сказалъ дурного пусть обратится на меня и на мою голову!» Онъ самъ передалъ эти слова свои.

И ты допустилъ столь явно низкаго человѣка до (преднесенія предъ нимъ ликторскихъ) связокъ и до трибунала? Конечно (ты сдѣлалъ это потому, что) имѣя въ мысли древняго

¹⁾ О Мамеркѣ Скаврѣ сохранились самыя неблагопріятныя отзывы Тацита. «Mamercus Scaurus, insignis nobilitate et orandis causis, vita probrosus. (Annal. VI, 20). Въ другомъ мѣстѣ онъ называется «opprobrium majorum» (Annal. III, 66). Но при всемъ томъ это былъ замѣчательный ораторъ. «Scaurus oratorum ea aetate uberrimus erat», замѣчаетъ Тацитъ. (Annal. III). Сенека-отецъ отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: «Scaurus non tantum disertissimus homo, sed venustissimus» (Contrar. lib. I). Онъ погибъ при Тиберіи и въ его лицѣ окончательво угасъ знаменитый и древній родъ Скавровъ. Дѣдъ его—М. Эмилиій Скавръ—изъ знатнаго, но обѣднѣвшаго рода, ловкій и хитрый человѣкъ, одаренный значительнымъ ораторскимъ талантомъ (Cic. Brut. 29). Въ 115 г. до Р. X. онъ былъ консуломъ и прославился изданіемъ нѣкоторыхъ законовъ, а также триумфомъ надъ Лигурійцами; сдѣлался «princeps senatus» и былъ главою посольства къ Югуртѣ. (Sall. Jug. 25). Кратко, но мѣтко характеризуетъ его Саллюстій: «homo nobilis, impiger, factiosus, avidus potentiae, honoris, divitiarum, ceterum vitia sua callide occultans», тогда какъ Цицеронъ вездѣ хвалитъ Эмилиіа, какъ человѣка своей партіи (De orat. I, 49, 214 и др.).

²⁾ Азиній Полліонъ—сынъ К. Азинія Полліона, славнаго оратора и историка (Tac. ann. 4, 34; Suet. Caes. 50; Quintill. 10, 1, 113). Сынъ—не обладалъ выдающимся талантомъ отца, но отличался большою прямою характера. (Tac. Annal. I, 12). Онъ умеръ въ 38 г. по Р. X. Слов. Любк. стр. 169.

³⁾ Испытывать—*pati*,—πάσχειν—слово обозначающее порочное дѣйствіе, примѣръ ср. см. Suet. Tib. 45.

Скавра, главу сената, съ негодованіемъ сносишь, когда лежитъ (въ забвеніи) его отрасль.

Глава 32.

Правдоподобно, что къ однимъ боги относятся съ большимъ благоволеніемъ ради ихъ родителей и дѣдовъ, къ другимъ ради будущаго поколѣнія ихъ внуковъ и правнуковъ и длиннаго ряда слѣдующихъ потомковъ. Ибо они знаютъ, каковъ будетъ рядъ поколѣній созданнаго ими (человѣка) и для нихъ всегда открыто познаніе всѣхъ тѣхъ вещей, которыя имѣютъ пройти чрезъ ихъ руки; для насъ же это знаніе закрыто. Что мы считаемъ неожиданнымъ, то для нихъ является предусмотрѣннымъ и знакомымъ. «Да будутъ, говоритъ Провидѣніе, эти люди царями, потому что ихъ предки не были (такowymi); потому что эти послѣдніе предпочли верховной власти справедливость и воздержаніе, потому что не государство они посвятили на служеніе себѣ, а самихъ себя на служеніе государству. А эти люди пусть царствуютъ, потому что прадѣдъ ихъ былъ доблестнымъ мужемъ, духъ котораго возвышался надъ судьбою, который во время гражданской распри предпочелъ лучше самъ быть побѣжденнымъ, чѣмъ побѣдить, ибо это полезно было для государства. Ему такое долгое время нельзя было сдѣлать воздаянія. Въ уваженіе къ нему пусть этотъ человѣкъ господствуетъ надъ народомъ не потому, что онъ умѣетъ или можетъ это дѣлать, а потому что другой заслужилъ этого вмѣсто него. Этотъ безобразенъ тѣломъ, отвратителенъ на видъ и обратитъ въ посмѣшище свои (царскія) украшенія: вотъ люди стануть обвинять меня, стануть называть слѣпымъ и безразсуднымъ, упрекать въ незнаніи куда положить то, что должно принадлежать лучшимъ и превосходиѣйшимъ людямъ. Но я знаю: другому я дарую это, другому уплачиваю (сдѣланный мною) нѣкогда долгъ. Откуда людямъ знать того человѣка, который избѣгаетъ славы, идетъ на опасность съ такимъ лицомъ, съ какимъ другіе возвращаются изъ опасности, который никогда не отличаетъ своего блага отъ общественнаго. Гдѣ онъ, говоришь ты, или:

кто онъ такой и: откуда? Вы не знаете, а у меня ведутся счета расходовъ и доходовъ. Я знаю, что кому слѣдуетъ. Однимъ я возвращаю долгъ спустя долгое время, другимъ заранее и смотря потому, какъ представится удобный случай и возможность для моего государства».

* * *

(Продолженіе булетъ)

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Сентября № 17. 1890 года.

Содержаніе. Списокъ лицамъ, коимъ преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

Списокъ лицамъ Харьковской епархіи духовнаго и свѣтскаго званія, коимъ, за заслуги и пожертвованія по духовному вѣдомству, опредѣленіемъ отъ 31 мая—12 іюня 1890 года за № 1251, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею установленныхъ грамотъ.

Старостамъ: Рождество - Богородичной церкви, Богодуховскаго уѣзда, села Лозоваго крестьянину Павлу *Усенку*; Троицкой церкви, Старобѣльскаго уѣзда, слободы Новой Россоши крестьянину Павлу *Бѣлянскому* и Тихоновской, села Ганусова, того же уѣзда, крестьянину Діонисію *Демьяненко*; Купянскаго уѣзда, с. Свистуновки крестьянину Ивану *Челомбитку*; *прихожанамъ* Покровской церкви села Жигайловки, Ахтырскаго уѣзда; старостѣ Покровской церкви слободы Бѣлолуцкой, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянину Григорію *Головинскому*; предсѣдателю приходскаго попечительства Предтеченской церкви села Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда, отставному полковнику Ивану *Задонскому* и женѣ коллежскаго совѣтника Клавдія *Бекарюковой*.

Епархіальныя извѣщенія.

На священническое мѣсто къ Покровской церкви слоб. Анисовки, Изюмскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской духовной Семинаріи Владиміръ *Титовъ*.

— Священникъ Иоанно-Предтеченской церкви села Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда, Гавріиль *Якубовичъ*, согласно прошенію его, перемѣщенъ къ Митрофаніевской церкви села Вазвенкина, того же уѣзда.

— Священникъ Волчанской соборной Троицкой церкви Гавріиль *Бьлоусовъ* утверждёнъ въ должности законоучителя Волчанскаго Александровскаго ремесленнаго училища.

— Священникъ слоб. Вырей Сумскаго уѣзда Всѣхсвятской церкви, Павелъ *Ведринскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

— На мѣсто второго священника при Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ Харьковской духовной Семинаріи Митрофанъ *Крутёвъ*. На мѣсто второго псаломщика при той же церкви опредѣленъ сынъ священника Сергій *Олховскій*.

— При Троицкой церкви сл. Покровской, Валковскаго уѣзда, указомъ Св. Синода отъ 8 августа за № 2994 разрѣшено образовать самостоятельный приходъ.

— Діаконскій сынъ Сумеонъ *Веселовскій* опредѣленъ псаломщикомъ на праздное псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви сл. Котовой, Волчанскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Иванъ *Поповъ* опредѣленъ псаломщикомъ Троицкой церкви слободы Должика, Лебединскаго уѣзда.

— Псаломщики Георгіевской церкви сл. Ольховатки, Волчанскаго у., Андрей *Поповъ* и Троицкой церкви сл. Малой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, Георгій *Слабинскій*, согласно прошенію ихъ, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Екатерининской церкви слоб. Аппиной, Лебединскаго уѣзда крестьянинъ Назарій *Мокренко*; Николаевской церкви с. Груни, того же уѣзда, крестьянинъ Павелъ *Канустянкъ* и къ Архангело-Михайловской церкви сл. Новой Айдары, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей *Калиринъ*.

— И. д. церковнаго старосты Ахтырскаго Покровскаго собора, мѣщанинъ Михаилъ *Гильченко* утвержденъ въ сей должности.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія: При Всѣхсвятской церкви сл. Вырей, Сумскаго уѣзда; Иоанно-Предтеченской церкви сл. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда; Воскресенской церкви сл. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.

Діаконскія: Иоанно-Предтеченской церкви сл. Лютовки, Богодуховскаго уѣзда, Иоанно-Богословской церкви с. Черемушнаго, Валковскаго уѣзда, Проображенской церкви сл. Ивановки, Волчанскаго уѣзда.

Псаломщицкія: При Сошествіевской церкви сл. Хатней, Волчанскаго уѣзда; Троицкой церкви сл. Васильевки Лебединскаго уѣзда; Рождество-Богородичной церкви сл. Волоховки, Волчанскаго уѣзда; Воскресенской церкви сл. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Ихъ Императорскими Величествами Почаевской лавры.—Икона въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года.—Самарскій-Пустынно-Николаевскій монастырь.—Троицкій соборъ въ Александро-Невской лаврѣ.—Столѣтіе портового города Николаева.—Ревнитель просвѣщенія народа.—Миссіонерскія школы.—Школы при фабрикахъ.—По поводу школьнаго дѣла въ Эстляндіи.—Православное братство и школа въ Берлинѣ.—Истязаніе за желаніе принять православіе.—Профессоръ И. В. Платоновъ (некрологъ).—49-й тиражъ выгрышей 2-го внутренняго займа 1866 года.

Вечеромъ 31 августа Ихъ Величества вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великою Княжною Ксеніей Александровною, Великими Князьями Владиміромъ Александровичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ и герцогомъ Николаемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ, въ сопровожденіи министра Двора, Военнаго министра, генераль-адъютантовъ Черевина и Свѣчина и другихъ лицъ свиты, отбыли на станцію Ровно, гдѣ ночевали въ Императорскомъ поѣздѣ. Утромъ 1 сентября Ихъ Величества отбыли на станцію Рудня, для слѣдованія въ Почаевскую лавру. Станція Рудня была убрана гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ. На станціи Ихъ Величества были прівѣтствованы гимномъ исполненнымъ оркестромъ, состоящимъ изъ мастеровыхъ мастерскихъ Юго-Западныхъ дорогъ. Оркестръ этотъ, кромѣ національнаго гимна, исполнилъ нѣсколько піесъ. Со станціи Рудня Ихъ Величества и Ихъ Высочества со свитой отбыли въ экипажѣ въ Почаевскую Лавру. По пути слѣдованія были устроены двѣ триумфальныя арки: первая—на мѣстѣ перепряжки лошадей, выстроена въ стилѣ русскихъ воротъ, вся украшена мохомъ и зеленью; съ верхней ея части изъ гирляндъ спускался Императорскій вензель, надъ которымъ красовался Императорскій гербъ. У этой арки волостные старшины со старшиной Андреемъ Шафарукомъ удостоились поднести Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль на точеномъ изъ грушеваго дерева блюдѣ. Стоявшія по дорогѣ толпы народа громкими кликами прівѣтствовали Ихъ Величествъ. Вторая арка при въѣздѣ въ село Почаево убрана была овощами, плодами, ягодами и хлѣбами; верхъ ея вѣнчалъ Государственный гербъ, отъ котораго висѣли гирлянды изъ ягодъ. У арки волостные старшины со старшиной Леонтіемъ Хитюкомъ поднесли Его Величеству хлѣбъ-соль на рѣзномъ блюдѣ грушеваго дерева. По ободу блюда вырѣзанъ лавровый вѣнокъ. На днѣ блюда вырѣзанъ плугъ, обруженный надписью «Почаевская волость.» Крестьянскія дѣвушки поднесли Ея Вели-

честву букеты цвѣтовъ перевязанные бѣлыми, синими и красными лентами. Крестьянскія дѣти по всему пути Ихъ Величества бросали подъ экипажи полевые цвѣты. Начиная отъ второй арки вплоть до Лавры, по обѣ стороны дороги стояли сплошныя толпы народа, стекшагося изъ окрестныхъ деревень. При входѣ въ Тавру стояли воспитанники духовнаго училища. Съ этого мѣста были устроены подмостки, устланныя краснымъ сукномъ. Выйдя изъ экипажа у подмостковъ, Ихъ Величества, при колокольномъ звонѣ, кликахъ народа и псалмопѣніи вышедшаго изъ Лавры крестнаго хода съ преосвященнымъ владыкой, изволили войти въ ворота Лавры. Преосвященный, благословивъ Государя Императора и Государыню Императрицу иконой Почаевской Божіей Матери, Наслѣдника Цесаревича—иконой святителя Николая и Великую Княжну Ксенію Александровну иконой преподобнаго Іова, произнесъ слѣдующее привѣтственное слово: «Благочестивѣйшій Государь! Промыслъ Божій, много разъ чудесно спасавшій Россію въ години бѣдствій, благоволилъ на Почаевской обители, издавна существующей на этомъ мѣстѣ русской окраины, показать что православіе и русская народность, скрѣпляемая и одушевляемая благочестіемъ и преданностью Царскому престолу и отечеству, составляютъ для благоденствія и счастья Россіи неодолимую духовную ея твердыню противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Почаевская обитель, какъ плодъ благочестія древней Руси и насажденіе отцевъ Кіевскихъ пещеръ, сохраняя правила и добродѣтели православнаго иночества, не разъ обрѣтала небесную защиту при нападѣніи татаръ и турокъ. Когда же новый врагъ, подъ видомъ римской униі, возмутилъ миръ церкви, Почаевская обитель, въ лицѣ своего пгумена преподобнаго Іова, имѣла крѣпкаго защитника православія, и православные, гонимые насиліями иновѣрія, долгое время обрѣтали душевный покой въ стѣнахъ обители. Хотя насиліе коснулось и Почаевской обители, но оно испровергнуто тѣмъ же высокимъ и живымъ союзомъ святой вѣры и народности, во главѣ котораго стояли и стоятъ могущественные защитники православной церкви—благочестивѣйшіе русскіе монархи. Въ сознаніи великаго значенія этого союза, мы, смиренные иноки Почаевской обители, осчастливленные Твоимъ, Великій Государь, посѣщеніемъ, возобновляемъ данный уже нами обѣтъ и обѣщаемъ крѣпко и высоко держать на окраинѣ отечества, въ этой обители, знамя святой православной вѣры и благочестія, вознося ко престолу Всевышняго непрестанныя молитвы о

благополучномъ царствованіи Вашихъ Императорскихъ Величествъ и всего Августѣйшаго Дома, о славѣ и благоденствіи отечества и св. церкви. Аминь.» Затѣмъ Государь Императоръ прослѣдовалъ въ соборъ, гдѣ послѣ молебствія приложился къ чудотворной иконѣ Почаевской Божіей Матери и къ нетлѣннымъ мощамъ преподобнаго Іова, почивающаго въ пещерной церкви. Изъ церкви Ихъ Величества прослѣдовали въ покои преосвященнаго владыки, гдѣ былъ подачь завтрака. За завтракомъ Ихъ Величествамъ и Ихъ Высочествамъ прислуживали старѣйшіе іеромонахи лавры. Послѣ завтрака Ихъ Величества и Ихъ Высочества отбыли на станцію Рудня, провожаемые громкими кликами тысячной толпы.

— Въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 года Харьковское общество взаимнаго страхованія, какъ извѣстно, соорудило цѣнную икону, помѣщающуюся пока въ церкви Успенскаго кафедральнаго собора. Въ настоящее время въ правленіи общества помѣщенъ уже предназначенный для этой иконы большой кіотъ художественной работы, сдѣланный изъ цѣльнаго орѣховаго дерева съ разными эмблематическими украшеніями: на верху подъ крестомъ изображенъ Духъ Святой въ видѣ голубя, подъ нимъ находится изображеніе потолка вагона, а ниже по бокамъ помѣщены два ангела, изъ которыхъ одинъ держитъ вѣночекъ, а другой — крестъ; надъ нишей, въ которую будетъ вставленъ образъ, сдѣлана изящной работы серебрянная съ позолотой арматура, а подъ нишей, помѣщена слѣдующая надпись также серебрянными вызолоченными славянскими буквами: «Богу Спасителю въ возблагодареніе за чудесное спасеніе Его Императорскаго Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ 17-го октября 1888 года. Харьковское общество взаимнаго страхованія имуществъ отъ огня». Нижняя часть кіота украшена вырѣзанными изъ дерева эмблемами крушенія Императорскаго поѣзда — обломками вагонныхъ колесъ, буферами и проч. Кіотъ этотъ обошелся обществу всего въ 250 р., но выглядит онъ гораздо дороже. Сооруженная обществомъ въ память 17 октября икона будетъ перенесена изъ собора въ правленіе общества въ предстоящій день годовщины чудеснаго событія.

— Самарскій-Пустынно-Николаевскій монастырь — замѣчательнѣйшая святыня и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ подвижниковъ, и по исключительному положенію, какъ мѣсто, гдѣ возникла первая для всего теперешняго Новороссійскаго края русская Православная Церковь, и гдѣ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастырская школа,

и гдѣ явились *первыя* апостолы вѣры и благочестія. Начало этого монастыря относится ко времени господства на Украинѣ литовско-польскаго короля, Стефана Баторія (1576—1586), въ тому именно времени, когда вся теперешняя Екатеринославская губернія и значительная часть Херсонской только что отданы были во владѣніе запорожскимъ низовымъ казакамъ. У запорожскихъ казаковъ Самарско-Николаевскій монастырь именовался «Палестинной, раемъ Божиимъ на землѣ, истинно новымъ Іерусалимомъ». Исторія монастыря тѣсно связана съ исторіей запорожскихъ казаковъ: какъ запорожцы во всю свою жизнь вели борьбу съ врагами православной вѣры—турками, татарами и поляками, такъ и Самарско-Николаевскій монастырь выступалъ на борьбу съ тѣми же врагами, не избѣгая борьбы и съ физическими бѣдами. Много разъ братія монастыря приходилось терпѣть и отъ поляковъ, татаръ и турокъ, много разъ приходилось испытывать страданія и отъ моровой язвы, страшнаго голода, лютой зимы, нестерпимаго зноя и разрушительныхъ наводненій, но все вынесли иноки Самарскаго монастыря ради спасенія Православной Церкви и отеческой вѣры. Въ XVII вѣкѣ Самарско-Николаевскій монастырь не разъ посѣщалъ и дѣлалъ въ немъ денежные вклады русский князь Василій Васильевичъ Голицынъ, устроившій близъ него такъ называемую Новобородицкую крѣпость, какъ передовой базисъ, въ виду наступательныхъ походовъ Россіи на Крымъ. Въ XVIII вѣкѣ у Самарскаго монастыря подвизался Миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ, впоследствии знаменитый гетманъ малороссійскихъ казаковъ; въ то же время Самарскій монастырь часто посѣщали сподвижники фельдмаршала Миниха, графъ Вейсбахъ и генераль Леонтьевъ: въ виду наставшей въ то время войны Россіи съ Турціей генералы дали видъ Самарскому монастырю твердой крѣпости и приспособили его къ боевымъ цѣлямъ; генераль-маіоръ Штокманъ, командиръ Муромскаго и Углицкаго полковъ, не разъ посѣщалъ Самарскій монастырь и дѣлалъ богатые вклады на благолѣніе храмовъ его; «командиръ Новороссійской губерніи», генераль-маіоръ Исаковъ нарочно ѣздилъ въ Самарскій монастырь и бесѣдовалъ съ почтенными старцами его; греческій митрополитъ Игнатій, руководившій переселенцами—греками изъ Крыма въ Россію, нашель пріютъ, вмѣстѣ съ многими переселенцами, въ томъ же Самарскомъ монастырѣ; во время русско-турецкой войны 1770—1774 годовъ Самарскій монастырь открылъ свои келіи для больныхъ и раненыхъ, одинаково

какъ христіанъ, такъ и враговъ Христовыхъ; пзъ послѣднихъ многіе обратились въ Православную вѣру, сдѣлались иноками монастыря и снискали себѣ всеобщее уваженіе. Сами запорожцы ежегодно цѣлыми толпами, преимущественно въ дни великаго поста, посѣщали свою «Палестину», говѣли, исповѣдывались и общались въ ней; многіе здѣсь и дни свои кончали. Таковъ, напри- мѣръ, запорожскій кошевой Филиппъ Федоровъ, умершій здѣсь на 101 году своей жизни; таковъ бывший «дикій попъ», Квирилъ Николаевичъ Тарловскій, умершій въ монастырѣ на 75 году своей замѣчательной жизни. Но кромѣ запорожцевъ здѣсь покоятся кости умершихъ святителей—архіереевъ: Афанасія Иванова, Платона Любарскаго, Онисифора Боровика и Іова Потемкина, родно- го племянника «блестящаго» князя Г. А. Потемкина.

Послѣ этого странными кажутся тѣ упорные слухи, которые носятя и въ простомъ народѣ, и въ среднемъ сословіи, и между дворянами сосѣдняго съ Самарскимъ монастыремъ города Ново- московска на счетъ ожидающейся участи его: говорятъ, будто бывшій запорожскій монастырь будетъ закрытъ, а все имуще- ство и зданіе его поступятъ въ вѣдѣніе настоятельницы сосѣд- няго женскаго монастыря, матери Маріи Свѣнцицкой. Бывшій запорожскій Самарско-Николаевскій монастырь, гдѣ возникла первая для всего Новороссійскаго края церковь, гдѣ основана была первая для цѣлаго края школа, гдѣ явились первые апо- столы вѣры и благочестія, гдѣ столько богатыхъ историческихъ воспоминаній, гдѣ почиваютъ кости великихъ постниковъ и мо- литвенниковъ, гдѣ скрыты прахъ замѣчательныхъ дѣятелей южно- русскаго края, гдѣ хранится столько дорогихъ вкладовъ нашихъ именитыхъ предковъ, — мы крѣпко убѣждены, что бывшій запо- рожскій Самарскій монастырь останется по прежнему нерушимымъ и что мѣстное просвѣщенное духовное начальство оградитъ его силою своей власти и силою своего авторитета. Да и какъ нало- жить руку на такую дорогую святыню, гдѣ лилась кровь право- славныхъ людей за Православную вѣру, откуда сіялъ божествен- ный свѣтъ благодати на цѣлый край необозримой пустыни? Къ чему гасить свѣтильникъ этого истиннаго свѣта, когда на нашемъ горизонтѣ надвигается мрачная туча, когда къ намъ въ глаза идетъ страшная штунда, а съ ней вмѣстѣ и нѣмецкая пропаган- да? Нѣтъ, не уничтожать, а расширять, укрѣплять и поддержи- вать нужно высокую дѣятельность братіи православнаго монасты- ря въ виду страшнаго и грознаго врага! Не распускать слѣдуетъ

братію монастыря, а послать ей въ помощь разумныхъ, ученыхъ и усердныхъ миссіонеровъ, указать имъ на примѣры высокихъ дѣяній усопшихъ подвижниковъ обители и внушить смѣлость твердо идти на защиту русской Церкви и русской народности. «За предковскую вѣру» было девизомъ у Самарско-Николаевского монастыря въ прошломъ его времени, «за предковскую и Православную вѣру» должно бы быть его девизомъ и въ настоящій тяжелейшій для насъ вѣкъ. «Да веселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринь».

(«Южн. Край»).

— 30 августа праздновалась столѣтняя годовщина со дня освященія собора Животворящей Троицы въ с.-петербургскомъ Александро-Невскомъ монастырѣ. Освященіе этого собора, построеннаго въ одиннадцать лѣтъ по повелѣнію Императрицы Екатерины II (на мѣстѣ стараго собора 1716—1753 г., давашаго трещину въ стѣнѣ и вслѣдствіе того срытаго до основанія), было совершено 30 августа 1790 г. митрополитомъ с.-петербургскимъ Гавріиломъ, въ присутствіи Императрицы Екатерины II, ея сына—наслѣдника престола Павла Петровича, внуковъ Александра и Константина Павловичей и множества знатныхъ особъ. По прибытіи императрицы съ августѣйшимъ семействомъ въ церковь, совершена была молебенъ св. Александру Невскому при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ и послѣдовало перенесеніе мощей изъ верхней церкви въ соборъ съ продолженіемъ молебнаго пѣнія. Мощи поставлены были посреди храма, а по окончаніи молебна были помѣщены въ раку за правымъ клиросомъ, близъ южныхъ церковныхъ вратъ. Эта рака изготовлена по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны въ 1750 г. изъ перваго добытаго въ ея царствованіе на Колыванскихъ заводахъ серебра (которого употреблено на раку, пирамиду, украшенія и канделябры 86 пуд. 30 фун.). Послѣ молебна совершено самое освященіе храма при вторичной пушечной пальбѣ, затѣмъ божественная литургія, послѣ которой приносимы были поздравленія при пушечной пальбѣ въ третій разъ, а въ заключеніе императрица съ семействомъ имѣла обѣдненный столъ въ архіерейскомъ домѣ, при чемъ во время питія наливали изъ пушекъ, поставленныхъ въ саду близъ архіерейскаго дома.

Свято-Троицкій соборъ изобилуетъ многими цѣнными предметами, полученными отъ императрицы Екатерины II. Иконы въ иконостасѣ писаны лучшими художниками—профессоромъ Акимовымъ (Вознесеніе Христово, Вознесеніе Божіей Матери, Господь Саваоѣ),

профессоромъ Метенлейтеромъ (шесть иконъ на царскихъ вратахъ), Ванъ-Дикомъ (Спаситель—надъ южными вратами), Гверчино (Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ—надъ сѣверными вратами), Бассано (двѣ иконы на правомъ клиросѣ и двѣ на лѣвомъ). Екатерина II пожертвовала на украшеніе храма множество иконъ, большею частію фламандской школы, которыя и помѣщены въ алтарь (Благовѣщеніе—Рафаэля Менгса, Воскресеніе и Святіе со креста—Рубенса, Спаситель—Ванъ-Дика, св. Троица—Каррата и др.). Имѣются иконы и русскихъ мастеровъ: Угруюмова, Дрождина, Бѣльскаго, Воинова, Мошкова, Уткина. Образъ «Моленіе о чашѣ» присланъ отъ паны Пія VI въ даръ Екатерины II и ею переданъ въ соборъ. Въ ризницѣ собора имѣются золотыя украшенные брилліантами сосуды, пожертвованныя Екатериною II накануне освященія, а также золотой сосудъ, пожертвованный Елисаветой Алексѣевной, много драгоценныхъ митръ, паногъ, крестовъ и облаченій. Большая серебряная люстра (въ ней чистаго серебра 12 пуд. 25 ф.) и четыре меньшихъ люстры—тоже даръ Екатерины II.

Въ числѣ достопримѣчательностей соборной колокольни можно упомянуть о колокольѣ, вѣсомъ въ 800 пуд., который былъ вылитъ въ 1658 году вливеніемъ патріарха Никона и перевезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 году.

Спустя семь лѣтъ послѣ освященія собора (въ 1797 г.) въ Александро-Невскомъ монастырѣ, переименованномъ по указу Павла I отъ 13 дек. 1797 г. въ «лавру», учреждено ученое братство, члены котораго обязаны заниматься сочиненіями, переводами и преподаваніемъ наукъ въ духовныхъ училищахъ, а еще раньше—при Петрѣ Великомъ—учреждены при монастырѣ школа, типографія, библіотека, госпиталь для инвалидовъ и первое нотное пѣніе.

(Церков. Вѣсти.)

— 29-го августа военно-морской и портовый городъ Николаевъ праздновалъ столѣтіе своего существованія. Мѣстныя газеты сообщаютъ слѣдующее *curriculum vitae* «юбиляра». На мѣстѣ Николаева въ исходѣ XVIII в. были различныя поселенія и, между прочимъ, хуторъ иностранца Фабра. Еще въ 1784 году предложено было на устьѣ Ингула, въ сторонѣ Очаковской пуши, построить укрѣпленіе «какъ для обезпеченія жителей тутъ поселенныхъ, такъ и для прикрытія магазиновъ, которые въ случаѣ войны съ Турціею здѣсь быть могутъ». Въ 1787 году, при началѣ турецкой войны, хуторъ Фабра былъ разоренъ посланнымъ изъ

Очакова турецкимъ отрядомъ. Фабра просилъ князя Потемкина о вознагражденіи за убытки. Посланный Потемкинымъ офицеръ сообщилъ ему, что здѣсь имѣется удобное мѣсто для устройства верфи. Тогда Потемкинъ поручилъ полковнику Фалееву, занимавшемуся устройствомъ обходнаго канала въ Днѣпровскихъ порогахъ, осмотрѣть окрестности дачи Фабра. Осмотръ подтвердилъ прежнія сообщенія и Потемкинъ съ обычною энергіею взялся за это дѣло, несмотря на полный разгаръ войны съ Турціею. 29-го іюня 1788 г. Потемкинъ предписалъ Фалееву: въ деревушкѣ Витовкѣ (нынѣ Богоявленское), лежащей въ 12-ти верстахъ ниже Николаева, построить, прежде всего, казарму и госпиталь, а 21-го іюля—заложить на устьѣ Ингула верфь. Изъ лагеря при Дубоссарахъ у Днѣстра, 27-го августа 1789 г. Потемкинъ прислалъ слѣдующій ордеръ: «Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку—Богоявленское, ново-возводимую верфь на Ингулѣ—Николаевѣ». Имя Николаева дано было въ память взятія Очакова въ день святителя Николая мирликійскаго чудотворца (6-го декабря). Затѣмъ Потемкинъ выкупилъ у частныхъ владѣльцевъ землю въ окрестностяхъ Николаева для водворенія 2,000 мастеровъ и 1,000 каменщиковъ; онъ отдалъ въ распоряженіе адмиралтейства собственныя земли и 532 человѣка крѣпостныхъ крестьянъ, поселивъ ихъ въ слободахъ. Сперва начали строить мелкія суда, а потомъ заложенъ былъ 44-хъ пушечный фрегатъ, которому также дано имя «Николай». Онъ былъ спущенъ на воду 25-го августа 1790 г. Въ томъ же году, по представленію Потемкина, Императрица Екатерина II признала Николаевъ городомъ и утвердила существованіе въ немъ адмиралтейства и верфи. Желая оказать содѣйствіе Николаеву въ промышленномъ отношеніи, Потемкинъ исходатайствовалъ для него право свободной торговли въ теченіе 20-ти лѣтъ. Въ это время городъ былъ весьма ничтоженъ и по пространству, и по числу населенія. Въ 1792 г. въ немъ считалось до 3,300 жителей, въ томъ числѣ постоянныхъ 1,566, изъ нихъ 929 купцовъ и мѣщанъ, частныхъ домовъ каменныхъ 107, деревянныхъ—51 и мазанокъ 209, лавокъ и другихъ торговыхъ заведеній 172. Смерть Потемкина нѣсколько задержала дальнѣйшее развитіе города. Въ 1794 г. сюда было переведено изъ Херсона главное управленіе черноморскаго флота. Въ 1795 году николаевскій уѣздъ былъ упраздненъ, а городъ былъ приписанъ къ херсонскому уѣзду. Въ 1796 году городъ вошелъ въ составъ новороссійской губерніи, но въ 1802 году сталъ губернскимъ во вновь

образованной николаевской губерніи. Однако, въ г. Николаевѣ не оказалось помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и потому губернія была въ г. Херсонѣ, а въ Николаевѣ осталось главное управленіе черноморскаго флота. Въ настоящее время г. Николаевъ находится въ управленіи военнаго губернатора. Всѣхъ жителей въ немъ теперь насчитывается до 70,000 челов. Пожалованный городу Николаеву гербъ состоитъ изъ щита, раздѣленнаго, на подобіе пирамиды, двумя чертами на черномъ полѣ, подъ серебряной камильницею, изображенъ золотой крестъ, окруженный лучами, а по сторонамъ на голубомъ полѣ—архіерейская митра и на золотомъ полѣ—архіерейскій посохъ.

— Теперь часто приходится слышать, что духовенство наше слишкомъ равнодушно относится къ дѣлу народнаго образованія. Дѣйствительно духовенство, обремененное своими спеціальными обязанностями, добросовѣстное выполненіе которыхъ занимаетъ много времени, лишено возможности ревностно относиться къ народному образованію, и этого нельзя ставить имъ въ вину.

Но есть между нашимъ духовенствомъ много и такихъ священниковъ, часто незамѣтныхъ, никому неизвѣстныхъ, потому именно что ничего не требуютъ для себя, которые въ состояніи и добросовѣстно выполнять свои спеціальныя обязанности, и въ то же время усердно заниматься дѣломъ народнаго образованія.

Нельзя не отдать полной справедливости въ этомъ отношеніи о. А. Руданскому, священнику благочинному с. Чукова (Врацлавскаго уѣзда). Съ поступленія своего въ Чуковъ, одной изъ главныхъ его заботъ,—была забота о школѣ, которая до того времени представляла собою полную ненормальность. «Изба» для школы хотя была и не ветхая, но оправдывать своего назначенія не могла: во-первыхъ, она была до того тѣсною, что не могла вмѣстить въ себѣ и 30 душъ, тогда какъ въ Чуковѣ всегда имѣется дѣтей школьнаго возраста около 180 душъ обою пола; во-вторыхъ, и самое главное, внутренній порядокъ школы ограничивался лишь одними столами, за которыми сидѣли дѣти, и которые составляли собою всѣ школьныя принадлежности. О постройкѣ же крестьянами новаго, лучшаго зданія для школы, нечего было и думать: крестьяне большею частью бобыли, живущіе своими ничтожными заработками, которые можетъ предоставить имъ Чуковъ (какъ въ Чуковѣ, такъ и его окрестностяхъ—нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ, гдѣ, какъ извѣстно, сосредоточивается главный заработокъ нашего простолюдина). Но о. Александръ, стремясь принести пользу сво-

имъ пасомымъ, не остановился передъ описываемыми затрудненіями, и на свои собственные средства, несмотря на то что онъ человѣкъ далеко не богатый, выстроилъ прекрасную во всѣхъ отношеніяхъ школу, съ которой не сравнится ни одна изъ сосѣднихъ школъ; выписалъ школьную библіотеку какъ для учащихся, такъ и для учителя,—и вообще снабдилъ ее всѣми школьными необходимостями. Чтобы хоть нѣсколько отвлечь крестьянъ отъ корчмы и, вмѣсто того, привлечь къ школѣ,—при ней устроена «чайня», гдѣ во всякое время можно выпить чаю, заведены воскресныя и праздничныя бесѣды и вечернія занятія учениковъ. Крестьяне сначала смотрѣли на всѣ эти загѣи о А. очень подозрительно, но съ теченіемъ времени, убѣдясь, что тутъ нѣтъ никакихъ эксплуатацій, охотно стали посѣщать школу въ воскресные и праздничные дни, чтобы послушать у своего духовнаго отца рассказъ о жизни какого-нибудь святаго или разсужденія объ общественномъ дѣлѣ (крестьяне до того привыкли рѣшать свои общественныя дѣла подъ непосредственнымъ руководствомъ батюшки, что самое простое требованіе, какъ, напр., починить мостъ, нанять пастуха, вычистить колодезь и т. п. безъ батюшки не рѣшится и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «выпить чайку»). На вечернія занятія, которыя начинаются съ 6 ч. вечера, и продолжаются до 9, а иногда и 10 ч., собираются преимущественно ученики-пѣвчіе, ихъ родители, а также и тѣ изъ взрослыхъ, которые участвуютъ въ хорѣ. Всѣ пѣвчіе послѣ каждой спѣвки, а также и богослуженія пьютъ бесплатно чай, и насколько для нихъ это поощрительно, видно изъ того, что каждый вечеръ, даже при дурной погодѣ, бываетъ однихъ пѣвчихъ 40—50 душъ, не говоря о другихъ посѣтителяхъ. Хотя о. А. тщательно скрываетъ, во что обошлось ему эта постройка и вообще организація школы, но можно сказать положительно,—неменьше 1.200 руб. Чтобы вполне оцѣнить дѣятельность о А.,—нужно видѣть съ какою охотой, не щадя своихъ собственныхъ средствъ, онъ заботится о самыхъ ничтожныхъ недостаткахъ школы. Ученики и не знаютъ, что значитъ купить доску, чернила, бумаги, перьевъ, карандашей и т. п.—все это дается имъ даромъ. Но видно, дѣятельности о. А. не суждено было ограничиться постройкой и устройствомъ школы. 1886 г. Провидѣнію угодно была наказать Чуковъ: почти что заново отдѣланная церковь—сгорѣла до тла. Пожаръ до того внезапно обхватилъ ее, что небыло никакой возможности спасти хоть что-нибудь. Но о. А. и передъ этимъ не остановился, и на другой же день пожара бы-

ло рѣшено: къ уцѣлѣвшей колокольнѣ пристроить временную церковь, а весной приступить къ постройкѣ новой, каменной церкви. Само собою разумѣется, что такая капитальная постройка требовала средствъ не подѣ сплѣ чуковцамъ; но благодаря энергіи о. А., который обратился съ воззваніемъ къ благотворителямъ и которые откликнулись на это, каменная церковь уже почти что окончена (осенью предполагается освящать). Новая церковь строится безъ всякихъ подрядчиковъ—подѣ личнымъ наблюденіемъ о. А.: онъ и рабочихъ нанимаетъ, и рассчитываетъ, и досматриваетъ за ними, словомъ распоряжается, какъ полный хозяинъ. Люди не знающіе о. А., могутъ усомниться въ безкорыстной дѣятельности его, но никто изъ знающихъ его и не подумаетъ объ этомъ: кромѣ 500 руб. пожертвованныхъ имъ одновременно на постройку церкви, онъ каждый годъ жертвуетъ 15 часть изъ своего годового валового дохода. Видя такую дѣятельную личность, какъ о. А. нельзя не пожелать чтобы такихъ батюшекъ развелось, какъ можно больше.

— Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» уже было сообщено о проектируемой Св. Синодомъ школѣ для приготовленія миссіонеровъ. Теперь петербургскія газеты передаютъ, что духовенство многихъ епархій ходатайствуетъ о приготовленія въ школѣ не только миссіонеровъ для распространенія христіанства среди язычниковъ, но и знатоковъ раскола для борьбы съ сектантами и успѣшныхъ собесѣдованій съ раскольничьими начетчиками. Какъ извѣстно, въ Вяткѣ давно уже существуетъ противораскольничья школа, давшая много свѣдущихъ проповѣдниковъ, обратившихъ къ православію цѣлыя села и уѣзды раскольниковъ. Нѣкоторыя епархія, напримѣръ, Варшавско-Холмская, принимаютъ на себя всѣ расходы по содержанію школѣ, съ тѣмъ, чтобы кромѣ предметовъ раскола и сектантства въ школѣ преподавались бы и предметы относящіеся до борьбы со штундой, уніей, латинскою церковью и ученіемъ протестантовъ. Въ школахъ будутъ обучаться не только лица духовнаго званія, но и всѣ желающіе грамотные, имѣющіе нѣкоторое знакомство со старинными книгами.

— Какъ сообщаютъ петербургскія газеты, Министерство Финансовъ, по соглашенію съ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, устанавливаетъ, чтобы школы при фабрикахъ и заводахъ учреждались на общій счетъ нѣсколькихъ, лежащихъ неподалеку другъ отъ друга, фабричныхъ заведеній. Школы должны состоять изъ двухъ отдѣленій: общеобразовательнаго,

съ программой элементарныхъ училищъ, и спеціального, въ которомъ преподавались бы техническія свѣдѣнія, необходимыя для приложенія въ практической дѣятельности фабричнаго и заводскаго рабочаго. При фабрикахъ и заводахъ, стоящихъ особнякомъ должны быть учреждаемы школы съ однимъ только элементарнымъ классомъ. Проектъ этотъ будетъ внесенъ на утвержденіе Государственнаго Совѣта.

— Наблюдая за борьбой, которая ведется въ Прибалтійскомъ краѣ со стороны нѣмецкихъ элементовъ противъ русскаго дѣла, нельзя не замѣтить, что они съ наибольшимъ упорствомъ отстаивали нѣмецкую школу. Чтобы не выпустить ее изъ своихъ рукъ, они пускались на всякія ухищренія. Оно и понятно: балтійскіе главари не могли не видѣть, что государственная школа поражаетъ не только балтійское настоящее, но и балтійское будущее, подтачивая самыя корни сепаратизма. Интересно, поэтому, прослѣдить какъ отразились въ балтійскихъ кружкахъ послѣднія мѣры по учебному вѣдомству. Для этого необходимо опуститься въ самыя нѣдра балтійства, туда, гдѣ Балты находятся только между своими, и гдѣ не тревожитъ ихъ никакой посторонній глазъ; такія условія представляетъ ландтагъ, выслушивающій отчетъ своей главной школьной комиссіи. Вотъ этотъ отчетъ въ буквальномъ переводѣ съ нѣмецкаго:

«Передача народныхъ училищъ края въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія имѣетъ въ сущности такое значеніе какъ будто у всего школьнаго дѣла отнята изъ-подъ ногъ почва. Положимъ, что Высочайше утвержденныя 25 апрѣля 1875 года правила объ евангелическо-лютеранскихъ школахъ формально еще существуютъ, такъ какъ по настоящее время еще не послѣдовало изъявленія Высочайшей воли на отмѣну этихъ правилъ, но подчиненіе училищъ Министерству Народнаго Просвѣщенія, безо всякаго ограниченія этой мѣры, распространило и на Эстляндію дѣятельность всѣхъ существовавшихъ при этомъ Министерствѣ низшихъ правительственныхъ органовъ, и это обстоятельство должно сдѣлать тщетными всѣ усилія главной школьной комиссіи и подчиненныхъ ей органовъ воспользоваться предоставленными имъ правами на пользу школьнаго дѣла.

«Съ одной стороны, вновь созданныя и здѣсь уже во многихъ мѣстахъ открытыя такъ-называемыя министерскія образцовыя училища, которыя, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя Дерптскаго учебнаго округа, изъемяютъ значительную часть уча-

щихся изъ-подъ надзора мѣстныхъ училищныхъ органовъ, а съ другой стороны, произвольное толкованіе постановленій объ училищахъ, лишаютъ главную училищную комиссію возможности поддержать въ силѣ предписаніе закона о томъ, чтобы каждая волость, состоящая не менѣе какъ 300 евангелическо-лютеранскихъ душъ, имѣла собственную лютеранскую школу. Хотя еще до начала минувшаго трехлѣтія, начавшееся уже тогда движеніе къ переходу въ православную вѣру вызвало серіозныя опасенія за будущность главнаго дѣла, но тогда оставалась еще надежда что, послѣ того какъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ затронутыхъ религіознымъ движеніемъ, выяснится, по крайней мѣрѣ, принадлежность отдѣльныхъ членовъ общества къ той или другой церкви, посѣщеніе училищъ въ средѣ оставшейся и значительно большей части общества постепенно войдетъ въ свою правильную законную колею, въ особенности въ виду сдѣланныхъ со стороны помѣщиковъ значительныхъ пожертвованій для восполненія, по возможности, обнаружившихся недочетовъ въ средствахъ на содержаніе училищъ. Къ сожалѣнію, на дѣлѣ оказалось иное. Не только дѣти дѣйствительно принадлежащія къ православной церкви не посѣщаютъ лютеранской школы, даже и въ томъ случаѣ когда они не имѣютъ возможности обучаться въ другомъ мѣстѣ, но, кромѣ того, постепенно распространяющіяся православныя училища охотно принимаютъ и неприсоединенныхъ къ православію, а родители пользуются существованіемъ этихъ школъ для того, чтобы не подчиняться закону объ обязательномъ обученіи. Можно указать даже и такіе случаи, гдѣ общества, въ коихъ иновѣрная (то есть православная) часть населенія, хотя и меньшая численно, но имѣетъ болѣе вліянія, самовольно закрыли лютеранскія училища и превратили ихъ въ православныя, помѣстивъ туда православныхъ учителей. Всѣ пріпятая Главною Училищною Коммиссіей мѣры для поддержанія законнаго порядка оказались безуспѣшными, такъ какъ лица дѣйствовавшія въ противность ясному смыслу еще существующаго закона всегда находили защиту у попечителя Дерптскаго учебнаго округа.

«Несмотря на такое крайне неутѣшительное положеніе вещей для всего управленія школьнымъ дѣломъ, Главная Училищная Коммиссія, до тѣхъ поръ пока Высочайше утвержденныя въ 1875 году правила служатъ ей опорой, стремится стоять на высотѣ возложенныхъ на нее обязанностей и неоднократно приглашала уѣздныя и приходскія училищныя комиссіи не ослабѣвать въ своей дѣятель-

ности на высокомъ поприщѣ народнаго образованія (разумѣй: германизацин) и особенно народнаго воспитанія, по праву еще предоставленныхъ нашему вѣдѣнію. Плодотворной дѣятельности многихъ приходскихъ училищныхъ комиссій мы обязаны тѣмъ что, къ счастью, въ значительной еще части края школьное дѣло, несмотря на всѣ трудности, правильно и плодотворно продолжаетъ свое теченіе (разумѣй: въ антиправительственномъ смыслѣ).

«Такъ какъ положеніе дѣлъ въ области народнаго образованія, вслѣдствіе ли возрастающаго движенія въ православіе, или вслѣдствіе широко производимой агитаціи въ народѣ, становится все труднѣе, то Главная Училищная Коммиссія считала себя призванною главнымъ образомъ обратить вниманіе на поддержаніе существующаго, не задаваясь болѣе широкими цѣлями. Исходя изъ этихъ соображеній, она неоднократно разъясняла нѣкоторымъ уѣзднымъ и приходскимъ комиссіямъ чтобы, заботясь объ обязательномъ посѣщеніи училищъ или объ устройствѣ крестьянскими обществами новыхъ и поправкѣ пришедшихъ въ упадокъ школьныхъ помѣщеній, онѣ сообразовались съ мѣстными обстоятельствами и не настаивали на строгомъ проведеніи этихъ мѣропріятій».

Далѣе главная школьная комиссія распространяется о томъ что многіе изъ нынѣшнихъ народныхъ учителей, вслѣдствіе увеличившихся требованій по знанію русскаго языка, должны будутъ отказаться отъ своей должности, «а какаго рода элементы будутъ тогда стремиться занять свободныя мѣста учителей, это показываетъ намъ въ настоящее время опыты такъ-называемыхъ министерскихъ училищъ».

Такъ разсуждаютъ ландраты, ведущіе школьное дѣло въ Эстляндской губерніи. Къ сожалѣнію, въ этихъ рукахъ остается еще до сихъ поръ добрая половина власти по школьной части, такъ какъ остались еще въ силѣ такъ называемыя правила 1875 года, написанныя въ совершенно иное время и при иныхъ обстоятельствахъ.

(Москов. Вѣд.)

— Въ Берлипѣ при русской церкви образовалось православное братство, которое поставило себѣ задачей заботиться объ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ, а также и матеріальныхъ нуждъ православныхъ въ германской столицѣ. Дѣятельность братства, по сообщенію берлицкаго корреспондента «Моск. Вѣд.», касается собственно русскихъ только въ незначительной степени, такъ какъ тамошняя русская колонія не велика и члены ея занимаютъ такое общественное положеніе, что мало нуждаются въ заботахъ

братства. Но рядомъ съ русскими здѣсь проживаютъ десятки и сотни грековъ, болгаръ, румынъ и т. д., которые нуждаются не только въ матеріальной, но главнымъ образомъ въ духовной поддержкѣ. Дѣти православныхъ, посѣщающія мѣстныя школы, лишены были не только богослуженія, но даже и уроковъ закона Божія, такъ что выросли въ полнѣйшемъ невѣдѣніи обрядовъ и установленій собственной церкви. Начальство тамошнихъ, на половину ожидавшихся школъ, конечно не считало себя обязаннымъ заботиться о томъ, чтобы для ввѣренныхъ ихъ воспитанію дѣтей были приглашены православный законоучитель и предоставляло позаботиться объ этомъ родителямъ. Но если родители и прилагали заботы къ тому, чтобы дать дѣтямъ уроки закона Божія, то это заботы затруднялись противодѣйствіемъ со стороны училищнаго начальства которое не желало ради уроковъ закона Божія нарушать установленный учебный планъ, отказывалось отвести въ училищѣ необходимую для занятій комнату и т. д. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что попытки родителей доставить дѣтямъ наставленіе въ религіи не вели ни къ чему, дѣти присутствовали на урокахъ закона Божія, преподаваемыхъ лютеранскимъ пасторомъ и не только отчуждались отъ своей церкви, но начали, подъ вліяніемъ глумленій лютеранскихъ пасторовъ, относиться къ православію съ насмѣшками. Это тамъ называли «свободой совѣсти», что не мѣшало, однако, поднимать ужасный крикъ, когда становилось извѣстнымъ, что въ какой-нибудь русской гимназіи нѣтъ лютеранскаго законоучителя. Такое печальное положеніе дѣла уже давно въ сильной степени озабочивало настоятеля посольской церкви о. А. П. Мальцева, который изыскивалъ средства доставлять не только дѣтямъ необходимое имъ наставленіе въ религіи, но и взрослымъ членамъ русской колоніи возможность получать духовное наставленіе. Многіе изъ православныхъ не знаютъ русскаго языка, греки, румыны, сербы могутъ объясняться по нѣмецки, но не понимаютъ русской рѣчи. Для такихъ членовъ своей паствы о. Мальцевъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ литургіи Василія Великаго и Іоанна Богослова и перевелъ много молитвъ, которыя отпечаталъ вмѣстѣ со славянскимъ текстомъ. Но главныя заботы о. Мальцева направлены къ тому, чтобы дать дѣтямъ религіозное образованіе, котораго они до сихъ поръ были лишены. Не находя возможности устроить уроки въ какомъ-либо изъ учебныхъ заведеній, начальство которыхъ относится къ предложенію русскаго священника такъ неодобрительно, о. Мальцевъ устроилъ уроки закона Божія на своей квартирѣ, и, начиная

съ Пасхи, тамъ собирается въ каждое воскресенье послѣ обѣда отъ 15 до 23 дѣтей обоого пола и разныхъ возрастовъ. Различіе лѣтъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ приходится заниматься одновременно съ младшимъ и старшимъ возрастомъ. Главное вниманіе обращено, конечно, на укрѣпленіе дѣтей въ православной вѣрѣ. Воскресными уроками могутъ быть довольны и почтенный преподаватель и родители дѣтей, которые будутъ обязаны одному о. Мальцеву, если они не совсѣмъ онѣмечатся и имъ не сдѣляется чуждою ихъ православная религія.

— «Вил. Вѣстп.» сообщаетъ о слѣдующемъ случаѣ истязанія, съ цѣлью воспрепятствовать принятію христіанства. Приставу 1 стана Новоалександровскаго уѣзда было доставлено свѣдѣніе, что житель посада Дукшты еврей Шліома Цинманъ въ теченіе двухъ недѣль держитъ свою дочь, взрослую дѣвицу, привязанною на цѣпи, наноситъ ей побои и моритъ голодомъ. Придя въ домъ Цинмана вмѣстѣ съ понятыми, приставъ напелъ въ отдѣльной коморкѣ молодую, исхудалую и видимо истощенную еврейскую дѣвушку въ старой, грязной юбкѣ, съ растрепанными волосами и босыми ногами. Лѣвая нога ея была закована въ конскія желѣзныя путы, къ коимъ привязана сложенная вдвое толстая веревка, проходящая черезъ небольшое окошечко на дворъ, гдѣ концы ея прикрѣплены къ столбу. Увидя пристава, дѣвушка стала жаловаться на боль въ закованной ногѣ, на то, что ее бьютъ и не даютъ ѣсть, и просила освободить ее отъ путъ, объясняя, что ей сегодня удалось самой снять путы съ одной ноги. На вопросъ пристава о причинѣ такихъ поступковъ съ нею, она, не желая объяснить дѣла, сказала «видно такъ надо, видно, я согрѣшила передъ Богомъ». Затѣмъ, обращаясь къ матери своей, она сказала «не бойтесь, я не убѣгу». Мать и отецъ этой дѣвушки, солонецкіе мѣщане, Шліома и Элька Цинманы объяснили пристава, что закованная и привязанная ими дочь ихъ Гита, 25 лѣтъ, сошла съ ума, дважды ударила мать и покушалась бить отца, разбила у нихъ окно, часто отлучалась изъ дому на вокзалъ и въ поле, хотѣла топиться, и что все это вынудило ихъ, родителей, недѣли двѣ тому назадъ заковать ее и привязать.

Изъ собранныхъ по этому поводу свѣдѣній видно, что заявленіе родителей Цинмановъ о сумасшествіи ихъ дочери Гиты и о покушеніи ея утопиться не подтвердилось; изъ рассказовъ же жены начальника станціи «Дукшты» Маріи и жены дорожнаго мастера Ксеніи Б., навѣщавшихъ несчастную въ ея заключеніи, выясни-

лось, что единственная причина описанныхъ выше поступковъ родителей Цинмановъ съ дочерью ихъ есть опасеніе постыднихъ, чтобы она, по примѣру своей сестры, не приняла христіанства, и что она, Гита Цинманъ, при разговорахъ съ нимъ не обнаруживала признаковъ умопомѣшательства. Фактъ же нанесенія ей родителями побоевъ удостовѣряется показаніемъ товарнаго пріемщика станціи Дукшты. Сама потерпѣвшая Гита Цинманъ вполне подтвердила, что была она закована и привязана родителями, изъ опасенія, чтобы не обрестилась.

† Профессоръ И. В. Платоновъ.

Мирно и въ дѣятельныхъ научныхъ трудахъ до послѣднихъ дней своей 87-ми лѣтней жизни скончался въ воскресенье, 26-го августа, одинъ изъ самыхъ лучшихъ гражданъ г. Харькова—почетный членъ Харьковскаго университета, профессоръ Иванъ Васильевичъ (Холмогоровъ) Платоновъ.

Ученикъ знаменитаго русскаго дѣятеля, графа Сперанскаго, Ив. Вас. Платоновъ былъ однимъ изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета. Великороссъ, воспитанникъ Виѣнскаго семинарія и затѣмъ Московской духовной академіи, онъ былъ избранъ вмѣстѣ съ извѣстными учеными братьями Баршевыми для изученія юридическихъ наукъ и въ октябрѣ 1829 г. вмѣстѣ съ ними явился во второе отдѣленіе канцеляріи Его Величества. Послѣ двухгодичнаго слушанія лекцій по правовѣдѣнію въ отдѣленіи и въ Петербургскомъ университетѣ онъ вмѣстѣ съ Баршевыми слушалъ лекціи по той же спеціальности въ Берлинскомъ университетѣ и въ свободное время по приглашенію обучалъ двухъ сыновей графа Д. И. Блудова, и преподавалъ русскій языкъ принцу Прусскому Адальберту. По возвращеніи въ Петербургъ и по выдержаніи экзамена на степень доктора правъ, И. В. Платоновъ въ 1835 году опредѣленъ въ Харьковскій университетъ преподавателемъ по кафедрѣ законовъ благоустройства и благотворенія государственнаго и въ 1837 году получилъ званіе экстраординарнаго, а въ 1848 г.—ординарнаго профессора. Въ 1856 г. за выслугою срока оставилъ службу при университетѣ изъ принципа, чтобы дать мѣсто молодымъ силамъ. Затѣмъ онъ почетенъ былъ Харьковскимъ университетомъ избраніемъ въ почетные члены, коихъ весьма не много.

Ив. Вас. Платоновъ обладалъ высшими качествами истинно ученыхъ людей.

Онъ былъ высоко религіозенъ,—вѣровалъ, всегда открыто читалъ и поклонялся Единому Богу, а не всякимъ моднымъ кумирамъ, столь часто воздвигаемымъ и низвергаемымъ, и не божкамъ послѣднихъ словъ самонящей науки..

Иванъ Васильевичъ, всю долготѣнную жизнь свою дѣятельно занимаясь наукою и имѣя самый толерантный и выносливый характеръ ко всякимъ національностямъ, даже до современнаго іудаизма, — вмѣстѣ съ тѣмъ всегда былъ истинно русскимъ человѣкомъ.

87 лѣтній, Иванъ Васильевичъ никогда не былъ отжившимъ свой вѣкъ человѣкомъ. Научный ли вопросъ, касавшійся предметовъ, коими онъ занимался, или общественный вопросъ, — ко всему наибъ Иванъ Васильевичъ относился съ живымъ и дѣятельнымъ, разумнымъ и сердечнымъ участіемъ. Когда римскій папа подложными письменными и лукавыми увѣреніями вздумалъ было энцикликою увлечь всѣ славянскіе православные народы къ западу и римскому католицизму — онъ одинъ изъ всей Россіи, одинъ только старецъ нашъ Иванъ Васильевичъ далъ римскому первосвященнику ученый, задушевный, энергичный отпоръ въ извѣстной своей «Анти-энцикликѣ».

Въ Харьковскихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1883 годъ И. В. помѣщалъ также свои слѣдующія статьи: «Отвѣтъ на возраженіе, послѣдовавшее со стороны католицизма противу «Анти-Энциклики» и «Къ празднованію всесветной памяти первоучителей славянскихъ Свв. Кирилла и Меѳодію, мая 11-го дня». Кроме того были его замѣтки и въ «Листкѣ для Харьковской Епархіи», что ясно доказываетъ, что покойный дѣйствительно былъ отзывчивъ на всѣ вопросы по предметамъ, его занимавшимъ.

Распространяться публично о семейныхъ отношеніяхъ такого семьянина, какимъ былъ Иванъ Васильевичъ — это дѣло духовника его и пастыря да кровной семьи, — но не могу воздержаться сказать, что — на сколько отношенія эти и взгляды его были доступны мнѣ, — предъ ними нужно только преклоняться съ глубокимъ почтеніемъ: въ его семейственности все дышало самоотверженіемъ, разумною свободою, человѣчностью и высокою христіанскою любовію...

65 лѣтъ прожилъ Иванъ Васильевичъ въ Харьковѣ, владѣлъ домами, дачами, постоянно вращался во всѣхъ слояхъ общества, но отъ него никогда нельзя было услышать ни осужденія, ни раздраженія, столь обыкновеннаго у стариковъ, разговоры его были искренне-успокоительны, глубоко-отрадны, потому что онъ чрезвычайно добро и любвеобильно, истинно по-христіански говорилъ о всемъ окружающемъ. Въ его обществѣ можно было всегда успокоиться и отдохнуть.

Да даруетъ же ему Господь Богъ высшее вѣчное блаженство!

49-й тиражъ выигрышей 2-го внутренняго 50/о займа 1866 года, произведенный 1-го сентября 1890 г., въ присутствіи гг. членовъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, гг. депутатовъ отъ С.-Петербургской городской думы, отъ биржевого комитета, и публики, въ правленіи Государствен. Банка.

Главнѣйшіе выигрыши:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
7141	11	200000	1616	2	8000	14224	15	1000	18186	35	1000
905	15	75000	8009	39	8000	17686	28	1000	19785	9	1000
10952	12	40000	16583	10	5000	5152	16	1000	6028	31	1000
18517	3	25000	16961	42	5000	1046	11	1000	11811	5	1000
19283	50	10000	1261	17	5000	2942	41	1000	1793	40	1000
4002	11	10000	17438	50	5000	6784	11	1000	4617	13	1000
3633	8	10000	1653	10	5000	8681	20	1000	13890	11	1000
9712	12	8000	15697	2	5000	15842	3	1000	5754	28	1000
15675	39	8000	5974	1	5000	11355	27	1000	16233	17	1000
2977	49	8000	18674	7	5000	19099	50	1000	19282	9	1000

Выигрыши отъ 500 рублей каждый или на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
1988	9	8400	27	5995	39	8434	11	6114	17	936	35	9832	42
5324	37	14690	7	2212	26	16545	49	6982	11	2420	37	13771	11
10669	37	18137	6	10936	26	5394	7	5314	45	18831	9	2940	8
4256	22	2178	38	16783	38	845	8	17244	48	414	47	11460	45
4947	35	11557	37	6764	6	18616	33	10180	49	2425	38	1614	11
8679	44	13819	18	15662	38	950	28	8281	35	18726	47	15054	35
8725	47	5218	29	8714	47	15792	20	19173	4	9748	26	11537	44
991	21	1884	18	15722	25	6246	46	1896	43	13016	36	10004	44
240	45	15353	45	8515	19	2407	45	6386	14	7746	25	14424	30
11605	12	2741	50	1533	43	1540	2	6049	47	11196	4	16590	33
15778	40	16567	41	4994	37	6385	27	4724	11	19160	2	2527	31
17222	20	14255	6	2690	40	11049	13	8893	4	2701	21	15739	11
2310	42	7157	25	13448	45	12662	14	3477	29	9602	48	11757	20
9666	48	13902	8	2618	39	541	15	9519	14	11742	49	2287	1
17479	34	11719	15	18957	7	10494	37	5213	38	11112	13	19708	46
14450	31	6918	49	6852	2	6540	24	576	25	14268	20	4002	16
111	44	17049	29	11817	27	16018	25	9193	18	5099	1	16823	44
8171	46	2908	25	9628	35	7572	44	10581	36	523	20	9903	41
12329	15	18734	3	2038	49	16379	26	9296	48	9644	46	717	39
19098	35	9978	48	19778	48	13513	15	7353	39	6777	19	13039	12
6662	35	18783	31	10054	21	12649	33	9920	16	6089	38	3365	38
2427	4	14714	37	15209	33	3561	44	6535	43	5841	20	10160	5
16334	11	10514	5	12043	41	17302	46	10072	37	3484	48	6914	31
13080	40	9492	38	7110	28	4786	18	1549	3	9805	5	5844	46
10567	43	9565	44	7520	10	18784	44	11115	43	2977	8	58	7
5499	10	7812	9	17504	26	5946	3	7237	48	16048	36	8584	11
7313	2	3578	43	4622	40	17603	34	14950	6	9108	50	13986	42
10854	17	2488	11	635	44	17088	40	2409	34	13572	24	17744	15
7058	38	11451	2	19369	7	9541	38	16885	42	7945	28	5971	17
11049	40	5866	40	8122	40	1356	39	1572	34	2553	45	12470	45
3771	27	1042	7	2128	6	3165	1	17166	21	887	3	3051	14
10393	33	14523	7	8978	33	12348	28	533	31	9972	21	17741	35

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
17656	49	19742	27	12400	27	13572	15	6125	4	15316	47	19295	12
487	42	3675	42	16915	49	7335	31	5826	4	1686	49	2046	33
15486	49	15929	25	1377	29	4407	27	12946	21	2415	50	8525	23
14702	9	3913	6	10548	13	15173	40	18900	40	15853	15	334	15
18502	29	14281	26	1957	33	13483	9	2997	40	14528	23	9554	36
211	4												

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г. вышедшихъ въ тиражъ погашенія, 1-го сентября 1890 года.

Нумера серій:

15488	12890	14728	9958	8015	13208	19719	4499	11639	9601
4033	16634	4134	7684	11063	9490	2122	11099	2166	15233
15027	6870	6554	9658	17736	7759	3400	15268	9328	8347
6847	6968	5240	5022	1579	8366	7522	4639	2849	2589
8781	18024	6698	9706	17515	17571	5103	2467	6005	8339
11397	10359	4993	6546	2089	13271	6989	1659	1352	5579
1143	18491	11494	11430	10007	9400	11838	7975	5089	2422
1756	3323	15277	6063	16810	9708	5020	15273	19397	2322
18195	1680	6884	12236	6273	393	4917	9254	7529	2629
918	15132								

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ВЪ ХАРЬКОВѢ

НЕДАВНО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ПОЛЕЗНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (съ 1721—1889 гг. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ Духовному Вѣдомству православнаго исповѣданія.

Составилъ Столоначальникъ Харьковской Духовной Консисторіи

С. В. Калашниковъ.

Цѣна за экземпляръ «Алфавитнаго Указателя» съ пересылкою 2 руб., безъ пересылки 1 руб. 75 коп. Выписывающіе не менѣе 10 экз. платятъ по 1 руб. 70 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями можно обращаться къ Автору по мѣсту службы его.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.